

www.triada-kungfu.ru
www.symposium.su

АНДРЕЙ ЛОГИНОВ

ПОДВИНЬТЕСЬ,
Я К ВАМ
СО СТИХАМИ!

Санкт-Петербург

SYMPOSIUM

2020

УДК 821
ББК 83.3(2)6

Л 69

Художественное оформление
Владимира Егорова

*Всякое коммерческое воспроизведение текста
или оформления книги — полностью или частично,
в печатном или электронном виде — возможно исключи-
тельно с письменного разрешения Издателя.
Нарушения преследуются в соответствии
с законодательством и международными договорами РФ.*

© А. Логинов, 2020
© Издательство «Симпозиум», 2020
© Издательство «Симпозиум», оформление, 2020

ISBN 978-5-89091-544-3

ПОДВИНЬТЕСЬ, Я К ВАМ СО СТИХАМИ!

Мир есть огромный итог символов.

О. ШПЕНГЛЕР

*Все побеждает любовь,
покоримся ж и мы ее власти!*

ВЕРГИЛИЙ

* * *

В родительском доме
пыль детства на книгах.
На каждом пыле томе,
застывшая в бликах!
Мерцающих тускло
стеклом отраженья.
Теснящихся узко
изображений.
Названий знакомых,
фамилий и дат,
Когда-то искомым, —
нынче ими богат.
Богат содержанием,
почерпнутым жадно —
домашним заданьем,
справленным ладно.
Кабинет отца —
моя кузница.

* * *

В разгар заvara самовара
люблю историй аромат.
Когда друзья и слева, справа
воспоминания точат.
Забавных ворох переделок,
печальных случаев урок.
Под чай душистый посиделок —
люблю, когда душевность впрок!
Когда ведерный кипяtilьник
со связкой сушек на боку,
как будто главный именинник,
пыхтит, как тетерев в току!

* * *

Я появился на свет в праздник дня взятия
Бастилии, поэтому «Марсельеза» звучит у меня
в ушах с рождения.

Что до Бастилии, то ее следовало разрушить
хотя бы потому, что там томился Вольтер.

Кстати, держу пари, что Нотр-Дам де Пари
не был бы тем, чем он является для всего мира
сегодня, если б не изощренное перо Виктора
Гюго. Судьба — это просто слово, судьба — это
просто жизнь. Каменная симфония, умеющая
пылать.

* * *

Полок книжных пыльный аромат.
Он полон ближних нежности кантат,
рождающих воспоминанья,
из книг как приходили знанья.

СТРОГОСТЬ ЧУВСТВА

Веду по жизни, как по лезвию,
слепую девочку — Поэзию.

Ю. Влодов

Поэт поэтому поэт,
что красоте сказать он «нет»
не может!
И чем красивее, тем строже
он говорит ей — «да»!
Как глыбу скалывают льда,
чтоб обнажить под ней породу,
так объявляющий народу,
поэт провозглашает красоту.
Как истину, как правоту!

IMPRIMATUR

(Да будет напечатано!)

Imprimatur свой получил
я от небесных — высших сил!
Впредь, осененный благодатью,
не брезгую стихов печатью.
Исправно сборники сдаю.
Как монумент на них стою!

* * *

Все вы вышли из гоголевской «Шинели»...
А где же искать свои пеленки мне?!

* * *

Я буду строг —
фривольных строк
мое перо писать не будет!
Но если вдруг меня разбудит
душевный трепет исподволь,
то уж изволь —
не внемлить музе выше сил!
Их столько музой в себя влил.
Ведь только ей благодаря
поверить смог я так в себя!

* * *

Однажды стоит задуматься и попробовать
понять — что разрушилось вместе с Вавилон-
ской башней?

* * *

Как звезды протуберанцы
коротенькие стансы —
отблесками светят,
в сердце чувством метят.

МИЗАНТРОП

В своем глазу бревна не видя,
пытается судить.
Себя любя, всех ненавидя,
в робу святого нарядить!

ПРИМЕРКА ЛАВРОВ

Кому не желанен профиль Альфреда
под результат графоманского бреда?!
Тому безразлична медали чеканка,
чья творчества сто́ит награды огранка!

ДИАГНОСТИКА ПО ВЗОРУ

Как породы скол,
от природы гол
человек как особь и тварь.
Ты хоть жарь его, хоть парь,
одевай хоть в смокинг, хоть в робу.
Доброту его или злобу
будет видно по сути взора —
праведник он или житель Гоморры.

ОБНАЖЕННОСТЬ ПОЭЗИИ

Отчего философы становятся немые,
доходя до любовной темы?
Богословы, мусоля фразу:
«Бог есть любовь», краснеют сразу.
И ученые, путаясь в расчетах,
не могут сосчитать любовь на счетах.
Только в стихах поэты
Перед ней совершенно раздеты.
Только они, любовь воспевая,
знают, насколько она святая!

* * *

Omnia transit — все проходит. Но прежде
что-то должно и прийти. Так, из вышивающе-
го бисером золотушного мальчика с рахитом
судьба готовила пророка, дуэлянта и воина —
поэта Лермонтова.

* * *

Все стерпит бумага —
былого отвага
с лихвой наградит
процентом в кредит.

* * *

Все обреченное
уже граничит с поэзией.

Э. Чоран

Рифмоплетство с вдохновением, чувством ритма и мелодии, придерживаясь идеи творчества, — это и есть поэзия. А обреченность в том, что она вынуждена граничить с приземляющей ее прозой.

* * *

Зачинить перо, открыть крышку чернильницы или... включить компьютер, даже заправить в каретку печатной машинки лист под копирку — что Поэзии ближе?

* * *

Весною Болдинскую
осень ждешь.
И лист готов,
и с дрожью ручку жмешь.
Но за окном пора — не та...
И на поверку, одного листа
чрезмерно много
для творений —
оставшихся в душе
стихотворений.

* * *

Если бы неумение оценить по достоинству искусство всегда наказывалось судьбой Мида-са, то ослиными ушами обзавелась бы немалая часть человеческого поголовья!

С другой стороны, если бы всем без разбора предоставлялась возможность заявляться в подобных вопросах экспертом с правом наказания, то каждый бы выступал в роли оскорбленного непонятого Аполлона и, не колеблясь, одаривал бы всех остальных теми же ослиными ушами.

Право же, оставим это право Аполлону!

* * *

Порой архаика мила.
Как граммофонная игла,
скрипящая о диск винила.
Ну согласитесь — правда, мило!

* * *

Этот редкий едкий дар —
выпускать из рифмы пар.
Когда строк всего четыре,
остаются мотто в мире.

* * *

Максима афориста — формула, априори со-
держащая в себе доказательство без выкладки.

* * *

Персов мудрых рубаи
я читал бы до зари.
Лирику Омар Хайяма —
звездочета и смутьяна.

* * *

Японское танка,
индийские шлоки.
Как легкая ранка —
душевности строки.

ПЛЯС ВАКХА

(Заявка *Нарцисса*)

Я не король Лир — я лиры король!
Прикрывши срам листом от фиги,
с лицом сатира во хмелю,
выплясываю в ритме жиги.
Себя — красавца — я хвалю!

* * *

Насколько же привлекательней чувствовать
себя королем лиры, нежели королем Лиром!
И чего стоит срам, если его можно прикрыть
листом от фиги?

* * *

Со времен Горация поэты главным образом
заняты воздвижением себе памятника «вечнее
меди прочной...» с явной озабоченностью, что-
бы к памятнику «не зарастала народная тропа».

* * *

Не нужно быть Горацием, чтобы понимать,
что война ненавистна матерям. Но когда эта
данность звучит из уст Горация, ненависть ма-
терей к войне достигает нестерпимости.

Когда обличье сына, еще не знавшее ни
бритвы, ни пощечин, лицом вдруг обернется
мертвеца. Своею бледностью догонит, вот так
же — поля бранью, без времени скосившим и
отца.

Бездонность горя матерей, через края от не-
нависти полной...

* * *

Готов повторять я сто крат:
лучший философ — Сократ!
Худший — его ученик,
плохо вел он Сократа дневник.
Но худший — по меркам Сократа:
другие ему маловаты!

ПИНДАР

Он так привык
быть поэтом владык,
что от сильных мира сего
мог потребовать всего!

* * *

Мало обладать поэта даром,
чтобы стать певцом Пиндаром.
Чтоб герой был обнаружен,
задор спорта еще нужен!

* * *

Иному косноязычию еще поучиться надо!

* * *

Сродни дельфийским пифиям, Моисей без-
альтернативно обречен на косноязычие и не-
внятное изложение мысленных штудий через
бормотание — попробуй сформулировать че-
ловеческим языком откровения Бога! Донести
же скрижали — это еще куда ни шло.

* * *

Круговерть Сансары — Авраама и Сарры.
(Взгляд буддиста на Ветхий Завет)

* * *

Так взбить мраморные букли, что и столетья
нипочем!
(«Давид» Микеланджело)

ФИНАЛ МОЛЬЕРА

Мон шер Мольер, таких манер
Тартюф Вам не простит!
Вот для наглядности пример:
он только сильным льстит.

Так разозлить святош во власти,
так пьесами расшевелить их страсти,
что даже сцена похорон
вдруг обернулась для сторон
разыгранным трагедии финалом.
Воистину, для Франции скандалом.
Прославили посмертной наградой:
зарыли ночью за кладбищенской оградой!

ФРАНЦИЯ РУКОПЛЕЩЕТ!

Спасибо, Ронсар, за Марию!
За то, что прославил ее.
Ведь даже теперь,
сквозь веков аллергию,
каждый в Марии видит свое!

ЖЕНИТЬБА ФИГАРО

Устроить свадьбу для господ,
не так уж много и хлопот!
Свою вот как бы уберечь,
оставив в ножнах острый меч?!
Чтоб урезонить пылкость графа,
скелет достать из платяного шкафа.

СИЛЬНЕЙ, ЧЕМ СМЕРТЬ

«Тьма! О, тьма...»

*(Предсмертное восклицание
Мопассана)*

Слепым, в смирительной рубашке
закончил гимн страстям писать.
Когда в разгульности замашке
столом рабочим делал он кровать.
Всем Милый друг
и чудненькая Пышка,
как пашни плуг
или во мраке вспышка,
шедеврами остались на столе
писателя, заблудшего во мгле.

ТУПИК ЗНАТНОСТИ

Бесчестие бездействия вида,
как у корнелевского Сиды.
Позор поступком избежать —
убийцею отца любимой стать.
Чтоб ей не прозябать в долгу,
как ложью правдою солгу,
просить у короля придется
то, что возмездием зовется.
Потребовать казнить убийцу!
Как от камзола пуговицу,
секирой палача на плахе,
в разорванной до пояса рубахе,
буйную голову любимому отсечь.
Любовью, как проклятием, истечь.
Да, в том проклятие Химены,
что пусть и не было измены,
но выхода быть не могло —
в том, основой чести что легло.

* * *

Венский бог дивайна арт —
венценосный Моцарт.
Травленный, отравленный —
Констанцией оставленный.

* * *

Жить в огне и умереть так бурно.
В посмертной славе — Джордано Бруно.

* * *

С его поэзии задором
стать бы ему командором!

Такого гиганта, как Данте,
с «Комедии» фолиантом
назначить бы команданте!
Чтоб строим, в ритме анданте,
за ним поэты пошли — дилетанты!

* * *

Результат юриспруденции —
изгнать из родной Флоренции!
На чужбине за «Пиром»
в управлении миром
гармонии обличье
в любимой Беатриче.
Ей своей судьбы бразды
он вручил лучом звезды.

* * *

Ниже следует ремарка
про влюбленного Петрарку.
Все сонеты и канцоны
посвящать одной лишь донне.
И любовь, и символ славы,
и прелестница забавы.
С нею жизнь бы на ура —
жаль, что рано умерла.
(Тень от музыки — Лаура.)

* * *

Сонетов том,
зачитанный до дыр.
Настроя тон —
столь милый мне Шекспир.

* * *

Не человек, но век — Вольтер —
томов наследие оставил.
С эпоху целую в размер
он жизнь свободную представил.
За что был палками избит,
затем в тюрьму затóчен.
Тиран всегда того гнобит,
кто духом очень прочен.
Рабом-то легче понукать,
замахиваясь палкой.
Но жеребца не обскакать,
влачась на кляче жалкой!

СЕРДЦЕ ШОПЕНА

Странный сервис —
сервизом сердце
почтой отправлять.
И в колонне оставлять
кафедрального собора.
Чтоб сердечная опора
свод поддерживать смогла
очень острого угла.
Что ключом скрипичным в небо
устремился звоном нерва.
Памятью любви о той,
по вине чьей вышел сбой.
Кто посылку и отправил,
будто тризну сердцу справил.
Избежать чтобы позора —
Жоржем ставшая Аврора,
Сандом дама Дюдеван.
И с сигарой на диван,
когда располневший Бальзак
подарил ей поношенный фрак.

СПИНОЙ К НАРОДУ — В ПЕРЕДОВИКИ, В НАРОДНЫЕ!

Стоять на сцене спиной к публике, размахивать руками (иногда даже палкой) на кучку дующих, пилящих, стучащих и щиплющих людей — вот, собственно, вся работа дирижера. ... Да, ну может, в конце еще снисходительно пожать кому-нибудь из отличившихся руку.

ПАЛЬЦЫ НА СТРУНАХ

Окоченевшие от вечной мерзлоты, непослушные от холода или вспотевшие от страсти, обжигающие нетерпением — пиццикато Сибелиуса и Пьяццолы.

* * *

Неужели только отвергнутый в любви сможет написать «Лунную сонату»...

Мало оказаться отвергнутым в любви — необходимо быть еще и гением, чтобы после сокрушительного фиаско, несмотря на глухоту, услышать в душе боль сонаты, какую позже назовут «Лунной»...

СКЕРЦО НАД КРЕЩЕНДО

Равель без болеро? — легко! А вот болеро без Равеля...

Хотите поменять местами Равеля и болеро? — легко!

* * *

Чудо мое гениальное,
линия моя генеральная.
Душенька...

* * *

Чайковский категорически отказывал арфе в ее претензии быть соло-инструментом, подчеркивая, что арфа всего лишь краска в оркестре. Но когда звучит «Вальс цветов», слышишь, чувствуешь, как исчезает весь оркестр и остается только краска. Краска, красящая вальс цветами...

* * *

Сегодня я могу заявить, что, например, Барток — мой любимый композитор, а завтра, возможно, не вспомню, кто это такой! И в обоих случаях я буду искренен. Поток сознания... Услышав же по каким-либо причинам забытую музыку композитора (особенно что-нибудь из венгерских тем), в память вернется имя Бартока вместе с будто впервые открытым наслаждением красотой.

ПЕТРУШКИН ПЛЯС

Перчаточной куклой объятья раскинув,
я призываю свою Коломбину.
Горемычным ремеслом,
как гребец своим веслом,
пятерней тоску сгребаю,
как в лукошечко с грибами.
Повис я тряпично на пятерне —
колко босому бежать по стерне.
Как заправский шарлатан,
приглашаю в балаган.
В свой раек, сокрытый ширмой,
называется что фирмой.
Шут, забавник, балагур —
из веселых я натур!
Фарс комедий, буффонада,
то, что зрителю и надо.
Я тоскующий Петрушка —
что там, как моя Варюшка?
(...Вступает музыка Стравинского.)

Когда танец переходит в крещендо,
меня больше нет — есть только танец.

Нижинский велик уже потому, что его понимание танца с признанием цитировал бунтарь против всех авторитетов — Ошо, а в своих движениях на него старался походить эталон сценической пластики — Чаплин. Остальное — просто танец...

Как же относиться к Нижинскому?
Как к антиподу Вышинского!

Столь рифма приземленная — качели,
с певцом великим Андреа Бочелли,
вполне оправданна по наполнению сути.
В обоих случаях, как вверх взмывает
 столбик ртути,
дух замирает, ощущая взлет.
Как на качелях, — в миноре фа-диез
 когда слепец берет.

(Финита ля комедия)

Удавкой тоненькой
понятное кольцо,
на грудке голенькой
брошь с голубиное яйцо
жабо кружев скрепляет бриллиантом,
Известным всем комедиантом
подаренным по случаю (помолвка).
Их громкая затем размолвка
не помешала броши ослеплять
комедианта в его желании
всех ухажеров броши оскоплять!
...Смейся, паяц!

* * *

Художник — это падший ангел, проходящий
через круги ада в период поиска и, собственно,
создания творения. Творение, которое в завер-
шенном итоге поднимает своего создателя на
потерянную ранее высоту и возвращает ему
ангельскую благодать.

* * *

Лиза Мона
с улыбки загадкой.
Небесная манна
с кожей гладкой.

* * *

Покатость шей у Модильяни,
его моделей, как икон.
Неведомых всем расстояний
картин до зрителей,
где метром служит стон.

НАТУРЩИЦА МАРИЯ

Стойкий Гойя
столько горя
вынес от попов.
Ах, талант его каков!
С кистью, как с мечом.
Со взмахнутым причем!

Обнаженную маху одеть в пеньюар,
чтоб формы Марии сокрыть, как товар.
Но в махе одетой не меньше открыто
того, что должно быть от взгляда сокрыто!
И клириков хора взбешенность,
как не понять — обнаженность!
Оскорбленные срамом изгои,
оскопленные страстью, — из Гойи
исчадие лепят из ада.
Но из Эдемского сада
пришел обнаженности срам,
вполне приемлемый там,
под райской благодатью,
такой восхитительной статью!

Театральный расписал кто занавес
под разводы радужных небес?
Кто по небу в паре с милой шагал?
На картинах своих — Марк Шагал.

Прилюдная прелюдия
разгоном хороша.
Для зрителей шурша,
когда уходит занавес под небо.

«Тройкой» перовской
тянется явь.
Славь ее — воском
церковным сплавь!
«Троицей» рублевской —
памятью отцовской.
Назиданием духа —
взмоем легче пуха!

Когда модель, как Стайн, капризна,
тогда художника харизма
у Пикассо — итог кубизма —
зовет на части тело расчленить.
И тем лишь только сохранить
связующую кисти нить...

Абсента пол-литра,
кисть да палитра.
Для наглядности пример —
светом дышащий пленэр.
Слой масляный толст
на грунтованный холст.
Пожирнее пуанты —
на берет и на банты.
Пастельные краски
без всякой опаски.
Где дымкой туман —
там с картиной роман...
И шедевр на аукцион —
задавать всем модный тон!

АДЕЛЬ

Ты шагнула с полотен Климта,
так задиристо, так легко.
И какая разница им-то,
кто под маской прячет інсо!
Что скрывает под звонкой сусалью,
под мазками на пестром холсте,
в томном взгляде, прикрытом вуалью,
на исписанном чистом листе.
Когда нервных эскизов за сотню,
пусть колье натирает мозоль,
ты спешишь, как сквозь строй,
в подворотню
и художнику шепчешь:
позволь...

* * *

Кисти мазок
в полнамека — разок
задает полноту настроенья.
Красоту — когда замирает мгновенье.

ЧТО ТАКОЕ, КТО ТАКОЙ?

Оливье — это верный доблестный рыцарь
из дружины Роланда, бывший рядом с ним до
последнего и тщетно призывавший протру-
бить в сигнальный рог, чтобы подоспело под-
крепление? Помилуйте — да это же вкусный
салат с яблоком, горошком и мелко порублен-
ной колбасой в майонезе!

* * *

Стоило на романтическом горизонте по-
явиться фактурному силуэту кавалергарда
Вронского, как Каренина тут же отметила для
себя некрасивость ушей поднадоевшего мужа.
Лишним, наверное, будет напоминание, что
вышеупомянутая предвзятая внимательность
стала ее первым шагом к паровозу!

* * *

Когда рисуется позер,
крутя в руках очков футляр,
то между линзами зазор
все выдает — в очках фигляр!

* * *

Себя до коликов смешить —
взять все разом и зашить!

Еще куда уж веселей,
чем клоун цирка «du Soleil»?
Из таких он комиков,
что смешат до коликов!
Но в своей по жизни грусти,
как бы ни был он искусен,
не способен устранить —
вдеть в иголку смеха нить,
тоски прореху чтоб зашить.

* * *

Шагать по жизни в гриме мима,
с улыбкой крашеной шагать.
Шагать всю жизнь неумоимо —
пред смертью клоуном предстать.

КНУТОМ И ПРЯНИКОМ

(Беседа за кулисами цирка)

ДРЕССИРОВЩИК:

— Животных люблю, людей нет!

Клоун:

— Не пробовал относиться к людям, как
к животным?..

ДРЕССИРОВЩИК:

— Что, с плеткой?

Клоун:

— Да нет же! С любовью.

* * *

«С Дездемонами мне повезло», — как-то обронил поднаторевший в роли Отелло Пласидо Доминго, плотоядно потирая чешущиеся до работы руки.

* * *

Кто из актеров, пусть и на поклоне, под занавес, уже не в образе? Или нет, скорее так: кому из актеров уже на поклоне, под занавес, хватает сил еще оставаться в образе?

* * *

В суфлерской будке одинаково мешают и рога дьявола, и нимб святого.

* * *

Только нейтральная подсказка помогает вспомнить текст плохо выученной роли.

* * *

Скажите, если взял паузу, за что ее держать?

* * *

Как хорошо, что между двумя вешалками в театре есть еще буфет и сцена!

* * *

На крики перепуганных актеров: «Пожар! Пожар!», вышколенный Станиславским театральный пожарный, не сходя с места, рявкнул: «Не верю!»

* * *

Луначарский назвал оперетту единственной крепостью, которую не взяли большевики. Да, с одной стороны, остальные цитадели были взяты, разграблены и разрушены до основания, с другой, если считать оперетту неприступным бастионом, можно представить и содержательность основной цели — коммунизма. Театр, который был начат большевиками с повальной вешалки!

* * *

Томас Манн был уверен, что театр — это то место, где толпа превращается в народ. Как же досадно, что любой спектакль рано или поздно заканчивается. И сразу гардероб с фойе выплевывают народ в толпу улицы, где глас народа снова становится гласом вопиющего в пустыне.

* * *

Попытки личности примириться с обществом (принять его таким, каким оно себя навязывает) гротескно называл бы *социопатовой* ситуацией. Ситуацией, где общество то и дело объявляет личности шах игнорированием ее интересов, с невозможностью ответить на него матом — заявкой собственной независимости от общества.

* * *

«Если вас убивают в четвертом акте, не стоит выходить с убитым видом в первом!» — наставляла молодых актеров Рина Зеленая. Хорошее напутствие для любых соискателей.

* * *

Он был покладист — клал в поклажу все, что плохо лежит.

* * *

Лоботряс — нокаутёр, *предрассудок* — подсознание, *забористый* — обнесенный забором, *ошалеть* — накинуть шаль, *киснуть* — поцеловать, *проныра* — ныряльщик за жемчугом, *чернослив* — канализация, *кремировать* — намазать кремом, *упреть* — устать от прений, *докучливый* — собирающий до кучи, *стенлер* — танцор степа, *курятник* — место для курения, *сочень* — житель Сочи, *прижимистый* — любитель прижиматься в транспорте, *отпочковать* — сходить по малой нужде.

(Словарь из библиотеки г. Китежа)

* * *

— Каким большим человеком был твой муж! — уважительно обронил он, отходя от потухшего камина.

— Да, — согласилась она и бросила печальный взгляд на каминную полку. Полку, где интерьерными вазами возвышались три погребальные урны с прахом ее мужа.

ВЫСОТА ПОЛОЖЕНИЯ

— Послушать тебя, так и ты прав, — сказал комоду скрипучий шкаф, когда услышал, что надо быть тише.
— А тебе, комод, быть бы повыше! — как по стеклу металлом скребя, добавил шкаф, в охотку скрипя.

ПЬЕСА О ПОЗОРЕ ИЗГНАНИЯ ПРИНЦА ГЭНДЗИ

По дороге цветов
среди детишек и вдов,
падших воинов поминая,
принц идет, парчу подминая.
Тонкость тканной парчи
ты ногами топчи.
Нитей золотых ее узоры
черствостью растопчутся позора!
Истреплется парча об каблуки —
об гэта́ актера кабуки.

ТУГО И ТОЛСТО

Свел как-то случай Тугодума и Толстосума.
Тугодум спрашивает:

— Слушай, Толстосум, а зачем тебе столько денег?

Толстосум отвечает:

— Как зачем?! Да я на них что хочешь купить могу!

Тугодум подумал, подумал и сочувственно заключил:

— Это ж каждый раз себе голову ломать — чего нового купить... Нелегко тебе, Толстосум живется...

Толстосум, не раздумывая, согласился:

— Да, Тугодум, тебе бы это было не под силу!

ЛИК ХРИЗАНТЕМЫ В ВОСХОДЯЩЕМ СОЛНЦЕ

И после лика, и лика до —

Микадо! Микадо!

Не зря цветку название дали,
ошибусь я в том едва ли,
божественную схожесть солнца с ликом.
Назвали также — солнце — «кику».

РАССУЖДЕНИЯ ПОЖИЛОГО САМУРАЯ О КРАСЕ ХРИЗАНТЕМЫ

Хоть в гербарий, хоть на герб.

В том отличие от верб —
не весной цветет, а в осень.

Мы в петлицах ее носим.

И на эфесе меча —
красивей рубить сплеча!

* * *

На смерть Е. Евтушенко

Жизни нелепость,
как чувства свирепость —
кончины развязкой
до крика претит!
Но как восхитительно
крик тот летит...

МАЛАЯ ЖАРА СРЕДИ РЕЧНЫХ ЗАВОДЕЙ

Не довелось сегодня
белых цапель мне увидеть.
Но видел я крестьян,
идущих дружно с поля.
Смеясь, с детьми играя,
гурьбою шли домой.
И малая жара
их плотно окружала,
в зной разгоняясь будущим сезоном.

* * *

А. Сокурову на 66-летие

Так убедительно доносит глубину с экрана,
так тишиною громко говорит.
Предчувствием, что никогда не рано
свет подхватить, что слабо в нас горит.
И в сердце — самом сердце
Петербург —
его большое сердце
так чутко, так ответственно
стучит.
Как проявление — воплощенье
сути Демиурга,
вселенную добра
без усталости творит.
Творит и всем доносит смертным,
доносит мягко, будто невзначай,
что главное душою быть не бедным,
и к каждому стучится — отличай!
От правды ложь, которой
так вольготно
порой живет среди нас самих.

Ведь только мы, дотошно, подноготно,
признаться сможем —

голос совести затих.

Признаясь, вновь разбудим совесть,
примером ярким утвердись.

Пусть наша жизненная повесть
свободна станет от понятия *грязь*.

Снято!

ГИБЧЕ, ТОВАРИЩИ, ГИБЧЕ!

(*Секрет катаны*)

Броня и хрупкость всегда рядом.
Легко пробить броню снарядом,
коль вязкости податливой

там примесь не учили.

Итогом — в прочности брони
недалеко ушли!

Зато когда добавка не забыта,
и в сплав сталистый

примесь та залита,
то от ударов, прочностью звеня,
лишь крепнет настоящая броня!

* * *

А. Массарскому на 88-летие

Меч славит не антураж,
а качество стали.
Вы сохранили задор и кураж —
каким же крепким Вы стали!
«А посему,
с годами крепнет кто
как сталь?» —
я риторично вопрошаю.
Гусарский тост:
«Суши хрусталь!»
Я в Вашу честь провозглашаю!

* * *

Чете Массарских

Душ унисон
в сон унесен.
Даже во сне,
резонанс умножая,
друг друга
они обожают.
Там же,
все та же пара —
в любви,
хоть и стары.

ШАГИ С САКСОФОНОМ

(Подмостки Нью-Орлеана)

С. Жилину к юбилею

«От саксофона до финского ножа —
один шаг»

*(Из речей советской
партийной номенклатуры)*

Окуная в раструб микрофон,
выгибаясь в крутую дугу,
выжимает негр саксофон,
инструмент превращая в слугу.
В джинна послушного звуков,
воплотившего нотный каприз.
Будто из тысячи луков,
стрелы джаза пущены вниз.
Вниз со сцены в партер, как в мишени,
беснованием всех поразив,
негр отмщением прошлых лишений,
джазом поит толпу в розлив.
Он линчует хохота хрипом,
клапанами чечетку стуча,
четким ритмом, туфлями отбитом,

саксофоном в замахе с плеча.
Чубук, с сабельным блеском взлетая,
рубит в крошку зрительный зал.
Ну а негр, ее подметая,
топчет свингом под сценой подвал.
Ту темницу, где долго томились
его деда, живя в кандалах.
И теперь, когда равенств добились,
блюз хранит в своей памяти страх.
Тоску хлопковых сборов под плетью,
травлю беглых — не белых — рабов.
Глухой голос из трюма под клетью —
песнь разорванных временем слов.
Негр хохочет в мундштук саксофона,
выгибаясь при этом в дугу.
Он хохочет до колик, до стога,
разметая пыль зала в пургу!

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

(От Елисейских к Елисеевским)

Марина, милая Марина!
Вы продолжайте так взрослеть.
Пусть года проходят мимо,
мы будем песни Джо Дассена петь.

На вопрос: «Куда?» отвечаю —
в ночь города еду я.
На очень важную встречу,
но не к стенам Кремля!
Мне встретиться надо с огнями,
с вечерней людской пестротой.
Не той, что полнится днями
под рутинной работы пятой,
а той, что в вальяжной манере,
компаний и пар толчее,
на самом доступном примере
подается гулянием мне.
По бульварам, мостам и скверам,
в променадах средь парков аллей,
оставаясь наглядным примером
Елисеевских местных полей.

Арка каждая здесь триумфальна
для влюбленных под зонта шатром.
И любая их фраза сакральна —
вспоминать будут вместе потом.
Духовые оркестры в ракушках
ностальгическим шармом гудят.
На лужайках, как на опушках,
молодые, обнявшись, сидят.
Башнями ввысь поднимая,
поцелуем разводят мосты.
На плече друг у друга, внимая, —
до чего же милы и просты!
Утомления легким угаром,
уплывая в сонливости даль,
блеклых звезд остывающим жаром,
возвращаюсь под утро я — жаль.

* * *

Возьми мою книжку под мышку,
если идешь на свидание с жизнью.

НАДЕЖДЫ СВЕТА СКВОЗЬ КОПОТЬ БУДНЕЙ

В осеннюю пору
любому дам фору!

Листьев осенних густой разноцвет
закатным костром греет душу.
Волнений весенних, сошедших на нет,
отлив оголяет сушу.
Берег покоя от бурь былых,
страстей, переполненных громом.
Нынче, когда гул шторма затих,
все видится брошенным домом.
Приютом сиротским без очага,
без теплого крова с застольем.
Нет, не придумать того рычага,
чтоб сдвинул треножник с застоем.
Застоем из вязкой плесени тины
будней бесчувственных штампа.
Когда залежалую прелесть рутины
сквозь копоть вдруг осветит лампа.

* * *

Не хочу ни весны, ни осени —
полутонов не хочу.
Когда картину, не окончив, бросили,
как тяжелую бурку,
примерив к худому плечу.

ПОД СБОР УРОЖАЯ В МИЛАНСКОМ САДУ

Косые тяжелые редкие капли дождя.
Простые и верные мысли приходят, любя.
Что осени слякоть, не мрачность души —
плодовая мякоть спелой хурмы!

* * *

Столько сочной спелой хурмы
на деревьях без листьев.
Вместе с болью срываю я с веток плоды,
на чужбине о милой своей вспоминая.

ЦВЕТКА ТОСКАНЫ
ВДЫХАЯ АРОМАТ

Тебе, Флоренция, —
мрак победившей
Любви торжеством.

По этим улицам меж скверов и дворцов
бродил твой чудный гений.
Теперь и я по ним в тоске брожу
с надеждою увидеть отголоски тех следов,
остались что в деяниях твоих,
седой уж нынче Ренессанс.

* * *

Изношены подвздошины,
изношены.

Холст внатяжку надет на подрамник,
маловато грунтовки на нем.
Как есенинский пьяный похабник,
я глух к состраданиям и нем!
Я бесчувственен к горю чужому,
не пронять меня детской слезой.
И к каррарскому камню большому
подхожу я с резцом, как с фрезой.
Не зацепит меня вдохновенье,
не взволнует божественный дар.
Для воплощений искусства видений
я черств безнадежно и стар!

* * *

Неписанный кодекс чести все чаще стано-
вится не востребуемым требником.

МОРЕ ПО КОЛЕНУ

Когда разгул до третьих петухов,
и девкою Фортуна привалила,
то уж неважно, кто ты был таков,
и что она на ухо говорила!
В той незадаче, во хмелю гуляний,
когда с тобой танцует улиц сброд,
не время для душевности, стенаний
и поиска — помельче бы где брод!

* * *

И чувство мрачного уныния
гоню вон издавна — взашей.
Впредь и поныне я!

* * *

Я в лодке, пришвартованной цепями,
гresti пытаюсь, с креном на корму.
Хоть по бортам с прогнившими щелями,
уж тонет все, что было на кону.

* * *

И поругать себя немного,
когда захочется другого похвалить.

* * *

Я несу в себе боль бога.
Она такая недотрога —
моя внутри боль бога.

* * *

Что толку судачить
о чьей-то удаче?!
Свою оседлай,
под завистников лай!

* * *

Я ловлю себя на мысли,
как преступника ловлю.
Словно всадник гонит рысью —
я галопа не люблю!

ЖИЗНЕННЫЙ КОНКУР

Кровь не остыла,
коль вздулась жила!
Коль в венах клокочет
кровь, значит, хочет
сердце тревожить —
страстью стреножить.
Аллором загнать
утомленную стать.

СТРАСТНЫЙ КАРЬЕРИСТ

С места в карьер —
скверный пример.
Разгоняться к галопу рысью
не чувствами надо, а мыслью!

* * *

Проникновенная чушь чутья и беспомощ-
ное могущество рассудка. Вечно спорящая
пара гармонии.

* * *

Помышляет кто о чем: дух о посте,
а плоть — о постели!

* * *

Жнец со жницей,
жрец со жрицей.
Спутав, будет кавардак —
и ни эдак, и ни так!
Плотское с духовным.
Постное со скоромным!

БЛЕФ ГНЕВА

Наростом коросты
на сердце шрам —
памятью прошлых
трагедий и драм.
Корявостью чаги
на ровном стволе.

Ценою отваги —
игрой на столе.
Где прикуп известен
и взятки не гладки.
Тем интересен,
что горечью сладкий,
ставками «в гору»
объявленный блеф.
В давнишнюю пору
расплесканный гнев.

ИСПАРИВШАЯСЯ СУТЬ

Прохудилось то, что длилось,
утварь треснула по дну.
И теперь, что раньше мнилось,
в емкость вылилось одну.
Имя емкости — тщедашность,
ее сущность — маята.
Где фальшивая наружность
ярлык просит: «суета»!
«Суета сует» как вывод,
все мирское под косу.
Зафиксировали привод —
испарили как росу.

МАКОВАЯ ШЕСТЕРКА

(Крапленая карта)

Сочно, со вкусом,
постелено маком.

Росинкой маковой во рту
я утоляю голод.
То эту проглочу, то ту —
я с маком вечно молод!
Цветок волнующей грезы,
дурманыщий так ум,
из молочка твоей слезы
припеком давят опиум.
В дурмана сладком забытье
я маковками сыт!
Там эти хороши и те.
Там туз шестеркой бит!

МАГИЧЕСКИЙ ШАР ДУШИ

Вселенной суть в шаров пятерке —
прилежным будь в трудов подборке!

Шаткий шар, как сущий грош, —
до поры его не трожь!
Но придет пора —
дрогнет шарова гора.
Покати тогда шаром —
пустым станет полный дом.
По сусекам поскреби —
не осталось ли любви?!
Вдруг сухим пайком забытым,
накрест бязью перекрытым,
в старых письмах ты найдешь
пламень чувств на сущий грош.
И как хлеб насущный сразу
эту пылкую заразу
ты попробуешь вкусить.
Вот воды бы попросить!
Чтоб запить ту горечь фразы,
где сравнение с заразой
пришлось лучшим ко двору
в шара шаткую пору.

Ни углов нет, ни краев,
только множество слоев
в сфере, названной недаром
обтекаемости шаром!

ЗНАМЯ ВО ПЛОТИ

Как рванный на ветру гамак,
как в глазах пьяницы кабак,
так развевался плоти флаг.
Потрепанный от ссор и драк,
от измощающих атак,
где побеждал не друг, а враг.
Но реял флаг для общих благ!
Пока не искрошился в шлак,
сгребли который в цинка бак
и после ссыпали в овраг —
приют окопа, праха мрак.

* * *

Сонная одурь тенью ночной
сознание морочит.
Чего она хочет,
поди-знай, спроси!
От тени ночной сознание спаси...

ЖИЗНИ РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР

Когда к полуночи снимаю я доспехи,
чтоб бой дневной прервать,
и тела ратные успехи
чужим трофеем возлагаю на кровать,
тогда душа, лишенная щита
и латной брони как укрытия,
сполна мне предъявляет все счета
за брани дня прошедшие события...

* * *

Сон — это своеобразный пробник, легкая
доза смерти с возможностью отойти от дозы не
в мир иной, а вернуться в сей, бренный.

СНЫ О НИЦЦЕ

(Проницательность)

Несуразные сны:

несу разное — нисуазы мы!

Что зовет меня в Ниццу?

Она часто мне снится.

Может, с Герценом рядом
погребальным обрядом
на кладбище русском
к Александру в нагрузку
свой путь завершить —

бренное тело в хламиду зашить.

Вдоль лазури морской

Айседорой промчаться.

Только, ей вопреки,

от шарфа не скончаться.

Не найти на Ривьере покой,
заразившись французской чумой.
Ни от пули пиратской мушкета,
когда честь Гарибальди задета.
Ни от сабли кривой сарацинов,
когда здесь вырезали блондинов.
Хочу, чтоб в объятья Никейя
меня приняла — ведь ничей я!
Как баварский король
и скрипач Паганини,
нисуазы мы — впредь и отныне!

ЯХТОЙ НА ЧУЖБИНУ

Подвести чертой итоги,
когда жизни чертоги,
в которых блуждал ты слепо,
обернутся лачугой склепа.
А пока подвести черту
пришвартованной яхтой в порту.
Моряком, сошедшим на берег.
Без друзей на чужбине и денег.
Без желанья себя найти
в тупике окружного пути.
(Яхта «Орка»)

ТРИ ОБЛИКА В ЕДИНСТВЕ

На яхту, как и в доджо или мечеть, ступают разувшись. С яхты капитан, как из доджо мастер или из мечети священник, выходит последним. На яхте капитан всегда должен оставаться мастером и, в случае необходимости, — священником.

ПОВЕЛЕНИЕ

Жизнь не мила —
закусил удила.
Несусь галопом
по прошлого тропам.
Вспоминаю, как когда
я был счастлив иногда.
Вспоминаю и подруг —
затянувшийся недуг.
Многое забыть хочу.
Обращаюсь не к врачу —
память болью вычищаю.
Ей, душою, ощущаю
бремя пройденных дорог.

Как рассыпчатый творог
молоком в своей основе,
так и я, в дорог окове,
новый путь себе стелю.
Старое забыть велю!

СТАЖ ВОЛЮНТАРИСТА

Пенять на себя, медаль нацепя —
награду за выслугу лет.
Ведь выслуги, собственно, нет.
Хоть прожитых лет немало.
Тех лет, когда ты внимала
тому, что тебе говорил.
Действительность волей творил.

ПАРЧОВЫХ ВОСЕМЬ ЛОСКУТОВ

Прелость ветошью
вытреплет ткань.

Порча на парче —
моль побила.
Цел отрез вообще,
но не то, что было!
От штуки саженью косой
отрезали, как рожь косой,
отрез парчи.
Он цел почти,
но порчи след,
когда возьмешь парчу на свет,
брак выдает.
Так рану йод
обеззаразит,
но кожу вымажет собой.
Может, в станке
какой-то сбой,
а может, ткач сам напортачил —
в парче проблему обозначил.

Как то ни стало,
но куска парчи не стало!
Остались только лоскуты.
Для платьев кукол — да, круты!
Парчовых восемь лоскутов —
кафтан Петрушке и готов!
По паре на спину, на грудь —
умелицей, швея, ты будь!
Другая пара — рукава.
И что осталось? Обшлага!
Все, что осталось от парчи.
Сей стих внимательно прочти!

И Я ДРУГОЙ, И ТВЕРСКАЯ НЕ ТА...

Я играл, играл в московских подворотнях,
не на альте играл — в футбол.
И не труд для меня то был, а отдых —
забивать в ворота ловкий гол.
Воды с тех пор немало утекло,
не играют нынче во дворах столичных.
Сквозь оконное смотрят на мир стекло
глаза поколений — различных.

* * *

Из обносков барахолки
гардероба пыльный склад.
Подзатершейся наколкой,
чей владелец ей не рад,
скарб души с собою носим,
опыт жизненных невзгод.
У судьбы, как манны, просим,
чтоб событий вялый ход
разрядился встречи встряской.
Встречи знаковой такой,
что впоследствии окраской
наполняет жизнь иной!

* * *

Я шит не лыком — иным я стыком
строкою сбит!
И жизнь для меня — всего лишь кульбит.

ЗАЯВКА НА ТРИУМФ

Даже аплодировать стоя
нужно к месту.

Застигнут врасплох
заявленьем, что плох
в сыгранной роли на жизни премьере.
На моем неудачном примере
пусть учатся кто помоложе,
чтоб в финале услышать то же!
Но коль вызван на бис,
то без штампов и виз
предоставят повторное право
шум оваций услышать и «Браво!»

* * *

Кому невдомек, что идти поперек
себе же дорожке — труднее и строже!

БУДДОЙ БУДУ!

Не осталось и следа
от метаний туда и сюда.
Выбран путь теперь один,
по нему уж шел брамин.
Плоть свою уж усмирял —
воли мощность замерял.
И кормился лишь плодами.
Нет, не месяцы — годами
умерщвлял животность тела.
Чтобы духом душа зрела
и в созрелости такой
обрела бы свой покой.
Вот она теперь — нирвана.
Душа целая — не рвана!

ПРО ЧУВСТВЕННУЮ ЧУШЬ

...любая парная эквилибристика —
чушь и дичь, но дичь своя,
чушь особенная.

Э. Чоран

Как моряк, хмельной от рома,
не предчувствуя беду,
идет в море вместо дома,
на штормящую грядущую,
так и я, с судьбой играя,
будто вправду во хмелю,
довожу себя до края,
когда чувства чушь мелю!
Где отчизне нету места —
вся вселенная мой дом.
Поднимаю рюмку вместо —
вместо здравости, пью ром!

* * *

Стаптывать башмаки надо уметь —
это вам не штаны протирать.

ЗАВТРА РАЗБЕРЕМСЯ!

Я все чаще замечаю,
что других я поучаю
тем вещам, слаб в коих сам!
Разберемся позже там.
Там, где ясность объективна,
ложь, как прошлое, — противна.
Там, где суть доступней вдоха.
Там, где нет понятия «плохо».
Все там только хорошо
...потому, что все прошло...

* * *

Неважно, где я,
неважно с кем.
Как знамя, рея,
живу горд и нем.
Стихов половодье
не плещет уже
в лишенца отроде —
бродажбей душе.

НОСТАЛЬГИЯ

(Корень изгнанника)

На ледяной не спуск — подъем
попасть под сумерки в горах.
Когда добавкою при нем
взбираться рядом будет страх
и вероятность в пропасть соскользнуть.
Туда, как в душу, заглянуть
и дна увидеть перспективу.
Альтернативною мотиву,
звнящему надсадною струной —
покинутой, но корнем держащей страной.

ША, ДУША! ША!

Театр начинается с вешалки,
анатомический театр
ею заканчивается.

Когда есть сноровка, то с мылом веревка
любую проблему быстро решит.
Пусть потом на петлю не грешит,
нырнувший туда бедолага.
Из прозекторской выйдет бумага,
что душу при вскрытии не нашли.
...Ты помнишь, как по полю босыми мы шли?..

ОТСТОЙНИК ДЛЯ ТЕХ, КТО В ПОЛОЖЕНИИ ЛЕЖА

Неизлечимая болезнь — жизнь.

Как в поездном купе, в палате попутчики к здоровью собрались. Больница. Немой вопрос из капельниц у каждого в глазах: кто не доедет до желанной станции, если рванут стоп-кран, чтобы ссадить на смерти полустанке штрафного пассажира — не за дебош в поездке, но по велению строгому судьбы. С которой тщетно спорить эскулапам в самоотверженной за жизнь больных борьбе. Как на ладье Харона, на каталке последний путь ведет к распахнутым воротам, где выход входом обозначен под запотевшей холодом табличкой. Там в слове кратком букв на одну всего лишь меньше, чем в том, чего въезжающий лишился. А в том, чего лишился, всего лишь меньше на одну, чем в том, что в муках приобрел.

То место, где закончен торг.

Морг.

БАЮ-БАЙ

Спальни пыточная —
предъявление избыточное.
Предъявление бессонницей —
самой верной поклонницей.
Одиночества предъявлением —
не для зрителей представлением.
Лоскут простыни во мраке —
ринг с истерикой для драки.
С приступом отчаянья —
вскоре уж отчаю я.
В миры неизведанные,
до ада низведенные.
В черные дыры
душной квартиры.
За горизонт событий,
где нет уж открытий.
Где сокрыто все напрочь
возлежанием навзничь.
Ночь.

* * *

Танцем с мулетой
кружусь у постели.
Когда-то и где-то
был жив еле-еле.
Но танец достойно
всегда завершал!
И бык на арене
мне не мешал.
Теперь же арена
жестокой корриды,
как новая смена,
меняет все виды.
Все виды на битву
с постельным быком.
Я острую бритву
оставлю — при ком?!
Пусть веер мне бросит
в восторге сеньора
и взглядом пусть спросит —
не хочется флера?
Развязки, пусть скорой,
тореро родной.

Подвязки на вене
не хватит одной.
Со смертью желанный
наступит покой...

В ЗЛАТОЙ КЛЕТИ СОЛОВЕЙ

Я решил — с меня довольно!
Хватит плыть по жизни без ветрил.
Я грешил и жил безвольно,
ни границ не зная, ни перил.
А теперь границами перила —
как решетка, прутья у лица.
Бесполезны вздутые ветрила,
если в клетке заперт до конца.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА

Для меня Земля мала,
чтоб родиной моею называться.
Не больше круглого стола,
за коим вынужден питаться!
Я благодарен ей за пищу,
за кров, за дорогих друзей.
Но каждый взором себя ищет
в клину летящих журавлей.
А кто поглубже в дерзости желает
нырнуть в бездонность звездных очагов,
тот сам уже звездой пылает —
вселенской поступью космических шагов!

* * *

Вся жизнь ante mortem —
перед смертью.

Смерть, как пережитое событие, не являлась
еще ни к одному из живущих.

А разговоров, разговоров-то сколько! Умора...

ВОЛК МОРСКОЙ В ПОПЫТКЕ ОГЛЯНУТЬСЯ

На приколе, на приколе —
черепом на частоколе
детства парусник стоит.
Волной прошлого прибит.
Рифы юности, шторма...
Как обшарпана корма!
Бурной зрелости глубины
нанесли по трюмам тины.
Я к преклонности годам —
всё за глубину отдам!
Только в отмелей наносы
тычет парусник уж носом.
Дряблость ветхих парусов
закрывает на засов
дверь желанную просторов.
Встреч, открытий, с ветром споров.
Швартовать уж бриг пора,
пообтерлась вся кора
бревен, тесанных не в меру.
Подражать чтобы примеру,
палубу стелить сырцом.

Не ошкурено — с венцом.
Чтоб в занозах домовину
загрузить наполовину.
Часть свободную вторую —
я доходчиво толкую? —
крышкою слегка прикрыть.
В море гроб-то не зарыть!
Лишь поставить на прикол
черепом на частокол!

ПУТНИК ВО ВСЕЛЕННОЙ

Бреду понурый
по земле, по бурой.
Комок мятым шаром
завис в небесах.
И крутится даром
на зависть и страх.
На зависть живущим
отпущенным сроком.
На страх смертей ждущим,
объявленных Роком!

Тоска
о
с
к

ТОСКА КАПИТАНА

(Проект утверждения нового)

Корабли уплывут, как всегда уплывали.
А печаль капитана останется тут
и исчезнет куда-то едва ли...

ПЕРВЫЙ БЛИН *(Сердце печет)*

С нищетою не считаться —
в должниках судьбы остаться!
Маслом в печке я сомлел —
выпечь блин собой сумел.
Вместо теста на дрожжах
замесил озноба страх.
Мукóй перхоти присыпал —
будто иней зябкий выпал.
Хоть и комом колобок,
но зато румяный бок!

Пусть румянец нездоровый,
лишь бы коржик был готовый.
Болью скрученный калач,
пусть в груди стучит, как мяч.
Мякишем до сухаря —
совсем скоро уж заря!

ВИНОВАТ, ЧТО ЖИВОЙ

Чтоб горло повязать,
я не имею шарфа...

О. Мандельштам

Как ребенку подгузник,
меняет так узник
чахоточный с горла шарф.
Без здоровья и прав.
Без надежды и веры.
С осознанием — первый
завтра он под расчет.
Пусть кадык подрастет
от петлицы крючком;
пусть на вышке волчком
греет руку об ствол часовой,
сореvнуясь в оглядке с совой.

Раз решил поменять,
то не время стенать!
Время в пору примерить
то, чему не поверить —
шарфа прелую плесень
на веревку из песен.
Арестантский осипший затыг.
Когда другом стал враг,
как услугу пеньку предложив.
Коль скоро все еще жив.

* * *

Я если и враг народа, то враг №1!
Потому что один...

* * *

Стыд не дым, глаза не выест.
Как же совесть, что — на вырост?

* * *

На возмущенный возглас:
— А судьи кто?!
испуганный шепот судьи:
— А подсудимый — кто?..

* * *

— Не судите, да на садимы будете! —
предупреждение корумпируемому
прокурору.

* * *

Первое правило в бригадном подряде
чиновников:

В основе порядочности
быть должен порядок —
что и куда поднести
с ограбленных должностью грядок.

* * *

Пока грешит топор,
грешит и топорщик.
Не дать огню отпор —
пенять на пепелище!

ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН ВОКАЛИСТА

Грешно без задних ног храпеть
в часы России роковые.
Встать во весь рост и петь —
развеять тучи грозовые!

К ДОСКЕ ВЫЗЫВАЛИ?

Мне дела нет до ваших дел.
Пусть до моих вам будет тоже.
Стираю тяпкой школьный мел,
татуировку, как на коже.

* * *

Вроде как, звали?
Звали никак!

Быть легким на помине,
стогом сухим в овине,
когда упоминают
с одной лишь целью — хают...

* * *

Возмездие возвышается над местью благородством справедливости.

* * *

Устами младенца глаголет истина. Но ведь и старики — они как дети. Дадим же слово мудрой старости!

ПРОБА ПРО ОБА

Даже когда пустая утроба
живет доброта, но бывает и злоба...

* * *

Языком тереть — не плугом переть.
Но не вмоготу немоту стерпеть!

* * *

Грязью чужой пачкаться — словно глазеть
на того, кто пялится!

* * *

Фотошоп фотографии
преступен в биографии!
Ретушь тушью не встречают.

* * *

Вспомнил мерин,
как жеребцом гулял...

Вожжа под хвост —
был раньше прост,
теперь уж слишком важен.
Хотя все так же сложен,
с копытом и хвостом.
И по спине хлыстом
пройтись порою надо,
чтобы вожжи отрада
не к важности звала,
кусая в пене удила,
а возвращала к колее,
накатанной телегой!

* * *

Где кровь, как сусло, —
для вина закваска,
там жилы — русло,
где течет напрасно!

УСЫ ОСТАВЬТЕ БЕЗ ВНИМАНИЯ!

Секрет успеха комика Чаплина в том, что немного Чаплина есть в каждом из нас — сделал неожиданный для кого-то вывод один из маститых кинокритиков. Все с улыбкой согласились.

Омерзение от неприятия иной персоны — Гитлера — не в тех же истоках?! Вот именно — все возмущенно отреклись!

А ведь их объединяют не только усики в два пальца.

ПАПЫ ВСЯКИЕ НУЖНЫ!

Вся потенциальная эффективность в количественном выражении уникально редкой профессии палача в силу понятных причин является ничтожно малым противовесом налаженному конвейеру профессии акушера. При том, что акушер только помогает появиться на свет новой жизни, палач же ее собственноручно отнимает!

* * *

Как бесит беспристрастность зеркал!

И год от года
все больше ненавидеть зеркала,
в вину им ставя ужас отраженья...

(Жизнь пролетела)

Когда с проржавленных зеркал
встречает седина,
все то, о чем ты так мечтал,
съедает глубина.
Столь безвозвратно,
 безнадежно столь,
за амальгамой пряча
 чаяний былое.
И как ни странно,
 но утраты боль
не возмущает —
 просит жить в покое.

Вершу суровый самосуд,
линчую страстью там и тут
всех нарушителей закона.
Наверняка вам страсть знакома,
с какою хочется казнить
всех, не умеет кто любить!

* * *

Как прикроватная тумбочка —
лишь интерьерная мебель,
так симпатичная дурочка
знать не знает, кто Гегель.
Как без газа зажигалка
злая в доме приживалка.
Вроде выкинуть и жаль,
но по сути просто шваль!

* * *

Ни рыба, ни мясо,
не кафтан, не ряса!

Рядиться в рясу,
как фрукты к мясу —
к основному блюду десерт.
Как к листу без письма конверт.

* * *

Не гнушаться
по миру скитаться.
С заплечной котомкой
на зависть потомкам.
В дорожном плаще,
где — неважно вообще!
В кирзе башмаков —
был я таков!
Теперь вот под старость
умаялся малость.
Теперь больше в кресле
люблю подремать.
Послушать птиц песни.
Лень плед поднимать,
что вечно сползает
с дрожащих колен.
И что-то не жаждет
мой дух перемен.

* * *

Испивши зелье —
чувств похмелье.
В мешке желанье
 шило утаить —
себе дороже!
Нужду с похмелья
 жажду утолить
не скроешь тоже!

* * *

Вся жизнь впопыхах!
Оглянулся и — ах —
забыл главное в ней-то узнать,
дорогую подругу как звать...

ВЗРЫВНОЙ ФЕЙЕРВЕРК

Жизнь — это бикфордов шнур,
сплетенный из шкур.
Содранных наживо
с тех, с кем все нажито.
И потери боль —
спорь с судьбой, не спорь,
и находок радость —
не напиться в сладость.
Бежит бойко пламечко,
прорастет ли семечко?
Впопыхах оброненное,
суеюй обрамленное.
Семя, семечко, голь-росточек.
Сколько их было — оборванных точек?
И когда-нибудь снова, ткнувшись наобум,
догорит фитиль
 громким взрывом: бум!

* * *

Хоть смейся, хоть плачь,
раз тертый калач,
ждет тебя сухаря перспектива.
Гниль и плесень — финалы мотива.

* * *

Яркий, показательный символ духовного
просветления — это переправа на другой берег.
Исходя из данного символа, опытный паром-
щик по определению должен перманентно пре-
бывать в состоянии транса — преображения.
...А что тогда с бригадой мостостроителей?

* * *

Раскрутить бы так колесо Сансары,
чтоб танец увидеть и услышать пенье Апсары.

* * *

Наш дом — Гора!
Туда, туда нам с тобою пора...

ВКУС ПРОЖИТОГО

Стать примерным героем книги,
персонажем повести стать.
Чтоб члены читательской лиги
смогли жизни страницы листать.
Моей жизни с листа черногого
никудышной романа главы.
То мучительно праздного, то делового,
то приторного, как вкус
пережженной халвы.

САМОМНЕНИЕ ЖЕРДЯ

Где лад, там и клад.
Кто ж тому не будет рад?
Только ладить так непросто,
с тем, кто выше тебя ростом.
И кичится тем открыто,
будто им вся грязь отмыта
смутных обликом веков.
Будто бы он сам таков.

* * *

Когда никто не нужен,
душа высыхает до лужи.
Когда ж от безлюдья потребности дурман,
душа тогда океан!

ЧИСТОТА БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

Кружок на дне кружки — донце.
Кружок же на небе — солнце.
Кружок кружку рознь,
как козни рознь кознь.
Ведь не в кознях дело,
коли в язвах тело
от собственной гнилости.
Чьей ждать милости,
чтоб чистым от козней стать —
совершенством духа предстать!

БЕСКОНЕЧНО ТОЛЬКО НАСТОЯЩЕЕ

Как мы можем кануть в вечность будущего,
если уже утонули в бесконечности прошлого!
Вечность и бесконечность — это категории не
столько непредсказуемого будущего, сколько
отработанного прошлого.

БОРЬБА С БЕСАМИ

Безудержное беснование —
радужное основание.
Прелюдия статуса — святость.
Рясы глаженной смятость.
И сытости пошлой крах.
Отречением рушится страх!
Беснованием — чрезмерность силы.
Когда страстностью вздуты жилы,
в невозможности больше ждать.
Чтоб взяв — откровенье отдать!

* * *

Произволу судьбы нельзя противопоставить ничего, кроме Провидения. Зато этот противовес может оказаться определяющим!

* * *

Дракон с жемчужиной в игре,
танцующий ли Шива,
душа Кощеева в игле,
в ком даже смерть игрива —
нет разницы в подаче
для важности задачи.
Сакральность передать
всем тем, готов кто взять.

* * *

Окликнутая мимолетность
замирает, отзываясь,
но не перестает мчаться.

* * *

Иногда не стоит безоглядно рваться в будущее. Достаточно бережно хранить прошлое. Как сказал Джеймс Бонд, поехали в прошлое, там у нас больше козырей...

МЕТЕОСВОДКА ГЕРОНТОЛОГА

Небесной хляби беспечные птицы
поклевали в кровь рябину.
И не то что б живу я в страхе,
но в том последнюю вижу годину,
своей жизни никчемной конец.
Зима.

* * *

Коль скоро дышат споры,
излишни будут споры
на тему духа в нас.
Хоть в профиль, хоть в анфас
мы то собой являем,
что духом наполняем, —
сознание и плоть.
Пусть будет мало хоть,
но главное, чтоб было
про что нельзя сказать —
оно уже остыло...

БОЛЬ С ВИДОМ НА МОРЕ

Переметная сума,
скольких ты свела с ума!
Скольких вынудила бросить
быт налаженный семьи!
Память эту в себе носит
пыль утопанной земли.
Большаков ли перекрестья,
бездорожья целина,
городские ли предместья
иль степная глубина.
Глубь чащоб да горных кряжей,
побережий мокрых нить,
на песке чьем диких пляжей
китов туши будут гнить.
Как протест — души ненастье,
выбросив всю мощь свою,
будут знаком несогласья
в жутком том лежать строю.
Чтоб понять, в чем суть протеста,
осознать, в чем правды суть,
как печется хлеб из теста,
отправляются так в путь.

Сердца доменная печь
духом плавит будней сталь.
Без него ни встать, ни лечь —
не приблизить даль!

Обглоданной костью
прошрое бросьте!
Свежим куском
в завтра пустом
себя найдите.
Обновленным идите
без лишнего груза.
Пусть штампа обуза
сотрется на нет.
Свободою свет
путь в заре вам подскажет.
Собою как сутью покажет
маршрут,
куда к благодати дороги ведут.

Когда завет наветом обернется,
и праведник в соблазне оглянется,
тогда и сгинут в сере все.
Так в нóчи — сером псе,
огни глотаются с отрыжкой.
Одни желают передышки,
иные рвутся в бой,
услышав ночи вой.
Чтоб темень факелами выжечь.
Чтоб теми по делам и выжить,
кого святыми нарекут —
кого соблазны не влекут!

Публичное опровержение,
что взято достижение,
где духа просветление
прошло в одно мгновение.

121

ТРЕТИЙ ЗВОНОК

(Песнь уставшего гондольера)

Уйти со сцены вовремя — искусство.
Такое не подвластно ремеслу.
На ложе пресловутого Прокруста
лежать в замере, подобясь веслу,
истертому мозолями ладоней,
просоленному пеною морской.
Под тлен дымящих благовоний
на веки опускается покой.

С КИСОЙ НАВСЕГДА!

Все девять жизней кошки,
сидящей у окошка,
в одном ее зевке.
Согласия кивке,
ее чтоб приласкали.
Других чтоб не искали,
а были рядом с ней.
Ведь ясного ясней:
кто кошку приголубит,
во всех с ней жизнях будет!

* * *

Мал клоп, да вонюч.
Мил еж, да колюч!

Встречают по одежке,
проводят по уму.
Играют понарошку
в судьбы рваную суму.
Когда одежда знатна,
то в заиске оскал.
Неважно, что превратно
воздвигнут пьедестал.
Но если оборванец
вдруг мудростью блеснет,
то лоск и дутый глянец
ему закроют рот!
Визит или прощанье,
в том разница мала.
Одежка — обещанье,
а разум — бахвала!

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛЮ КИСТИ

Женственность — грация
изящной руки на кринолине...
Мужественность — жилистый кулак
в бисере пота...

* * *

Терпенье и труд
все перетрут.
В пыль и крошку —
вся жизнь понарошку!

* * *

Весло — символ труда и движения,
победы и поражения.
Гребец — добытчик, воин и отец.
А вот девушка с веслом
вряд ли скрасит собой дом!
Для парка лишь скульптурой —
советскою фактурой.

ПРОКЛАДЫВАЯ МАРШРУТ

Пике для аса лишь маневр,
вираж красивый, чтобы взмыть.
Но в штопор войти... Конец пути.

* * *

Как истасканный судок
наш рассудок занемог.
От вопросов духа вечных —
неизбежно с плотью встречающих.
Где проблемой нерешенной,
не по статусу законной,
разногласие стоит.
Прямотою портит вид
облика гармонии —
без тени антимонии.

* * *

Если вы хотите почувствовать себя свободным, сполна ощутить дискомфортность, почти нестерпимость свободы — оставьте дома свой мобильник.

* * *

Когда на экране телефона высвечивается унижительный вопрос: «Чем я могу помочь?», чувствуешь себя ничтожным приложением гаджета.

* * *

Если б так легко можно было исправить ошибки в жизни — просто стереть отправленное СМС.

* * *

Если ложка хороша к обеду, почему накормив, она становится неуместной после?

ЗАРОК ВИНУ

Не страсть порочная —
вода проточная
журчанием свежим
смывает застой,
где болью застряла
память о той...

На стойке барной
замок амбарный.
Вина не хочу —
за воду плачу!
В канун седмицы
хочу умыться
водой из колодца.
Всему исколотся
колючестью звезд,
упавших с неба —
из Млечного зева.
По сорочьим хвостам,
как по скользким мостам,
нырнувших со всплеском —
вглубь тающим блеском.

Шпилькою феи.
Клейкою клея
вишневой смолой,
кадушку с водою
беру я с собой.
Кадку с закаткой
буду хранить.
По праздникам только
ту воду и пить.

* * *

Порой волос на себе рванье —
одно сплошное вранье.
А порой равнодушное стояние
скрывает в себе покаяние.

* * *

Сороки мост хлопочут —
успеть бы навести!
Пастух к ткачихе хочет —
скорей бы навестить...

ЧАС КРЫСЫ

Что помогает
день мне прожить?
С вечером встреча.

Тьма кромешная,
зря, конечно, я
вышел в ночь себя искать.
Как собой иначе стать?!
Как почувствовать наитье,
приоткрыть как перекрыть,
что в обыденном миру
заслоняет путь в нору.
Тот крысиный лаз в подполье,
начинает где раздолье
море духа разливать.
Прибавлять все, прибывать.
Чтоб в итоге вычесть напрочь,
что негоже держать на ночь!

* * *

Ты слышишь шуршание Крысы? —
к работе зовет над собой...
Спозаранку за огранку
и до самого поздна —
донырнуть до сути дна!
(Будни духовного радения.)

* * *

Не надо больше притворяться,
а надо только претворять!

Комар носом Гору точит,
всё разрушить норовит!
Зачесть подвиг себе хочет —
страшен его носа вид.
А Гора родить готова,
на сносях колышит тишь.
Хоть зовут ее Котова —
но вынашивает мышь!

ЛУЧШЕ

Лучше ливнем за час,
чем весь день моросить.
Лучше выпить за раз,
про запас чем носить.
Лучше досыта, до отвала,
чем впроголодь по щепотке.
Лучше много, чем мало, —
предпочесть потерю находке!

* * *

Куда конь с копытом,
туда и рак с клешней.
Куда баба с корытом,
туда и рыбак с плешней!

* * *

Типичность хаотичности —
обыденная жизнь.

ЭСТАФЕТНАЯ ПАЛОЧКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Дворами крепится связь меж поколениями.
Дровами — чурбаками и поленьями!

* * *

Выносить сор из избы
неразумно вроде бы.
Но и там сор оставлять —
себе жизнь им отравлять!

* * *

Среди соседей раздор не редкость,
когда не в радость плечом к плечу.
Когда срываются на резкость,
замок не давая открыть ключу.

БЛАГОЙ ШЕЛЕСТ

Когда взрослая дочь, всегда остающаяся
для родителей неготовым к жизни несмышле-
ным дитем, заявляет, что выходит замуж, или
делится новостью, что ждет ребенка, кажется,
будто ее слова сопровождаются шелестом кры-
льев ангела. С таким неожиданным легким ше-
лестом в осеннем саду срывается сквозь листву
груша с вскормившего плод дерева.

ОПЯТЬ МОЛОДОЙ

Когда твою дочь называют мамой,
ты понимаешь, что прожил не зря.
Когда не ребенком уже, а дамой
она заявляется, жизнь твою для.
И в этом продлении, сладком до боли,
до судорог сердца, хранящего жар,
то ли по глупости, от мудрости то ли,
ты понимаешь, что вовсе не стар.

* * *

Жизнь — это испытательный срок.
Копилка того, что не смог.

* * *

Все хотят желаний море
в своей жизни воплотить.
Только вот, бывает, горе
обрывает жизни нить.

* * *

Принять судьбу, так это сложно —
в попутчики себя ей навязать.
Ведь надо очень осторожно
покорностью судьбу пленять.

* * *

Да кто такой человек,
чтобы рассуждать о счастье?!

* * *

Когда слышу слово «рай», сразу возникает
образ унылого приусадебного сквера психиа-
трической лечебницы с чинно прогуливающи-
мися там пациентами.

* * *

Если в неподходящем месте дрыхнуть без
задних ног, то лучше держать начеку передние
руки!

ЗОЛОТЫЕ ХОДУЛИ

Когда руки не доходят до какого-либо дела,
то дело стряпается из рук вон плохо.
А если эти руки еще и золотые...

* * *

Народом унистана, толпою унижена —
жизнь...

* * *

Дерзость овцы сродни оплошности: ладно, если не заметят, а то высмеют или того хуже — накажут за таковую!

Дерзость льва сродни оплошности ее спровоцировавших: ладно, если пронесет, а то пронести может и безвозвратно!

* * *

Что огорчаться по поводу местных кризисов, если сама Вселенная находится в состоянии глобальной инфляции!

* * *

Сколько сил уходит, чтобы питать добродетели! Когда этих сил порой совсем не остается и подзахиревшие добродетели готовы позорно капитулировать перед разнузданностью, приходит понимание, что вседозволенность порока в итоге обессиливает волю гораздо беспощадней!

* * *

Душа нуждается в гигиенических процедурах не меньше, чем тело. Только вместо мыла и зубной щетки здесь уместнее стихи или музыка.

* * *

Почему, когда обременясь тяжелой одышкой времени пухлеет прошлое, так стремительно, стремительно, почти не имея сил на робкий вдох, худеет будущее?! Чем больше степень ожирения уже, тем дистрофичнее *еще*.

* * *

Мнил себя патроном и пыжился до тех пор, пока капсулем дух не вышибло! Так, мелкой дробью, на нет и сошел.

* * *

Я из того поколения, когда подтяжки означали поддержку для брюк, а не коррекцию обвисшей кожи.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Когда, при всем желании, не получается укусить собственный локоть, можно удовлетвориться доступностью локтя ближнего!

* * *

Сегодня у всех и каждого последний из прошедших и первый из оставшихся дней.

ОТ И ДО

В ожидании какого-либо значимого события или желанной встречи хочется жить быстрее. Когда, наконец, ожидаемое свершается, быстроту течения времени хочется заменить полнотой насыщения этим событием или встречей. А после, тем более, хочется медленней жить, смакуя свежесть впечатлений от произошедшего.

Так, разгоняясь и тормозя, мы живем от события к событию, от встречи до встречи. От рождения до смерти. От и до.

ВЕРНЫЙ ПОДХОД

И статью, и чином — видный мужчина...

— Я вам тут немного наследил, но ничего — чище будет!

— Как же чище, если наследили?

— Лишний раз пол помоеете.

* * *

Иной раз хочется отвернуться от какой-либо нелицеприятной, потенциально трагической картины не из-за малодушной неготовности вмешаться или предстать вынужденным очевидцем непоправимой беды, а в силу надежды, что тогда уже невидимые мрачные события примут иную — позитивную — развязку. Во всяком случае, в твоём сознании.

КАСТРИРОВАННАЯ СОВЕСТЬ

Попытки удержать от дурного поступка, незаслуженного оскорбления словом ли, действием, ложью ли, предупреждая, что впоследствии, быть может, через годы, будут преследовать угрызения совести, чреватые несостоятельностью. Зачастую именно годы, умножая производное от содеянного к содеянному, оставляют все меньше шансов пробуждения к покаянию привычно сговорчивую, прирученную, выдрессированную плетью несправедливости совесть.

* * *

Стыд должен быть сильнее страха. Тогда совесть, побеждая, становится мужеством.

СЛОМЯ ИЛИ ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ?

Если собрался окунуться в омут и мешкаешь в сомненьях, как туда погрузиться, то разница нырять в него головой или прыгать ногами определяется серьезностью возможной травмы, окажись омут недостаточно глубоким — сломанная шея или отбитые пятки. Впрочем, в последнем случае, то будет уже не омут, но мелководье. Так что долой сомнения: если в омут, то головой!

* * *

На первый взгляд — конченный овощ, а присмотришься — тот еще фрукт!

* * *

Желание преуспеть во всем, как правило, прячет за собой неспособность состояться в чем-то одном.

* * *

Уродливость угодливости как в физически сторбленном вопрошании «Чего изволите?», так и в морально вывернутом утверждении собственной никчемности, подстеленной под сапог угождаемому. Подобная ситуация унизительна для обоих.

В случае же упредительной чуткости, проявления заботы, ухаживания при искреннем уважении, угодливость приобретает противоположный эффект — облагораживает обе стороны и меняет свое имя на учтивость.

ТОПТАНИЕ И ПОСТУПЬ

От малодушия до подлости — один шаг. И он почти неизбежен. Когда совесть, осознав всю низменность падения, все же находит силы удержаться от подобного шага, ею делается уверенный шаг в обратном направлении — началу долгой поступи к благодетству.

* * *

Как яблоко глазное в одном порой увидит разное, так и на чистое взглянув, бывает скажут — грязное!

* * *

Кошка может и должна окрыситься, когда видит пытающуюся притвориться котенком крысу.

* * *

«Мужлан!» — как приятно услышать в свой адрес такое из уст банщика или путеукладчицы.

* * *

Когда за орган¹ садится парфюмер, с того льется симфония духов, fuga одеколona или ноктюрн туалетной воды.

¹ Орган — рабочий стол-шкаф парфюмера.

ОПУС ПРО НЕЧТО

(Школярские штудии)

Жило себе *нечто*. Неказистое, не выпирающее. Скорее в себя немного вбирающее — *нечто*. Неким именем названо, прибауткой рассказано. Никому не мешающее, иногда помогающее, вещь в себе проживающее. Есть *что*, есть *что-то*, это понятно. Кому, скажите, будет приятно *ничем* назваться?! Как любоваться в зеркале ликом, ежели с именем будет безликим? А *нечто* жило, никому не пеняло на то, что его никак не меняло отсутствие штампа, ярлычной наклейки. Хоть сопло ракеты, плавник хоть уклейки, тычинка цветка или пар из трубы, разжеванность капы у сбитой губы, кусок материала... да мало ли, мало чем *нечто* могло бы в мире прожить, чтоб с именем накрепко сущность прошить.

Но вот незадача, так уж пришлось — *нечем* прозвать у всех повелось то непонятное по сути и виду, осмыслить по качествам индивиду, которые в силу известных причин не представлялось возможным. Именем должным никак не назвать, *нечто* — ни дать и не взять!

* * *

Форсайты ненавидели людей,
не обращающих внимания
на свой вид.

Дж. Голсуорси
«Сага о Форсайтах»

Элегантность — это, если хотите, аристократизм без ссылки на родовитость. Элегантность внешнего вида подразумевает передачу настроения образа, неброскую подачу стиля, тонкую, почти ускользающую. Щеголь тоже может быть элегантен, но его элегантность по-петушиному криклива, навязчиво агрессивна — предъявлена безапелляционно, без права на суждение. Элегантность не исключает возможности ее обсуждать, она просто не нуждается в этом, спокойно демонстрируя самодостаточность утонченности. Продуманной и, вместе с тем, непременно естественной, как изящная красота цветка. Неважно — оранжерейного, сортового или полевого, экзотического или привычного, с обочины. Цветка по определению. Цветущего и пахнущего без натуги. Элегантно.

В РИНГ ВЫЗЫВАЕТСЯ...

Намеренно жить умеренно —
это почти умереть!

Однажды захмелев от ринга, всю жизнь чувствуешь пресное его отсутствие. Чувствуешь острое желание опохмелиться адреналином ринга вновь и вновь. До нокаута, до явного преимущества, до вскинутой руки победителя! Ну хотя бы до технической победы по очкам... Ничьей? Но если только биться на равных! Проиграть? Но тогда действительно — сильнеешему.

* * *

Подтасовка потасовки — шулерство на ринге.

* * *

Перечить в меру?! Само понятие кричит ее отсутствием! ...Не слишком я наперекор?

НЕПРОНИЦАТЕЛЬНАЯ ОДНООБРАЗНОСТЬ ГЛУБИНЫ

Устрашающая мимика, сжатые кулаки, скрежет зубами, топот ногами, даже крик по силе воздействия проигрывают каменной невозмутимости, приправленной тихим словом волеизъявления. Ибо в первом случае экзальтированная взвинченность говорит о бесконтрольной слабости, вплоть до истеричности; во втором, отсутствие эмоций — о контролируемой силе, граничащей с непоколебимостью.

* * *

Как прохудившийся черпак —
подспорье скверное для емкости под воду,
так правота посредством драк
не сделает для умного погоду!

* * *

В том подвох,
что бьют подвздох,
протянув для пожатия руку.
И такого коварства науку
чаще прочих являют свои.
Ну какие же с ними бои?!

* * *

Губа не дура — зубы дураки.
Слова — «де юре», «де факто» — кулаки!

* * *

Закон сильного —
джунглей закон.
После дождя обильного
в луже не тонет слон!
Пузатая мелочь
в ней захлебнется.
Как в химии щелочь —
водой разведется!

* * *

Кому пропущенный звонок не кажется, возможно, самым важным — от давно потерянного друга, от не в меру занятой подруги или от пока еще незнакомой владелицы счастья, щедро готовой поделиться секретом одного в обмен на безоговорочное провозглашение ее царицей сердца, тому не стоит ждать от жизни благодати откровения.

* * *

Достоинство — это когда «пожалуйста» звучит предложением, а не просьбой.

Даже когда оно подстегивается невнятным междометием «ну...», иногда звучащим как унижительное хныканье, иногда как ободряющее бравое «о'лле!»

...Ну! ...За сказанное!..

* * *

Иногда совесть грызет лишь из-за того, что ее не покормили досыта лестью.

ВАМ ДОВОДИЛОСЬ?

Кто хоть раз удерживал одной рукой друга над пропастью, тот знает насколько тяжела дружба!

* * *

Хорошо то, что хорошо кончается...

Как может быть хорошо то, что пусть и хорошо, но кончается?

* * *

Жизни школьная скамья
не усадит всех за парту.

Как долго и трудно приходится учиться быть человеком! Иногда учеба затягивается до зрелого возраста, а порою и дольше — когда, научившись, совсем не остается времени жить. Сколько же уходят из жизни, так и не научившись: забыв или не захотев, не умея в ней учиться! И так до последнего звонка.

* * *

Если к индусу обратиться со словами из Библии: «Кто тебе поведал, что ты наг?», то он безошибочно попадет в десятку ответов: «Наг и поведал!»

* * *

Вселенная — это бескрайняя темница, в которой заперты сбившиеся в галактики звезды. Звезды, безвыходно томящиеся в ожидании исполнения приговора — смертной казни через угасание и исчезновение.

* * *

Когда слышишь пораженческий вздох: «Да будь моя воля...», хочется уточнить: «Да будь у тебя воля!..»

* * *

Если дать волю гневу, то лучше не забирать
ее обратно.

Гнев без воли — это отвратно!

* * *

Если плевать с высокой колокольни, то почти
наверняка промахнешься!

* * *

Обязательства по совести — самые крепкие
и жгущие самые.

Самые терпкие и самые ждущие. По совести
обязательства.

* * *

Пора и честь знать, пора.
Пора нечисть гнать со двора!

* * *

Если понимать слово «анекдот»¹ в прямом
его значении, то анекдотическими автомати-
чески становятся все рукописи. Анекдот, да и
только!

* * *

Глаза боятся — руки делают, это понятно.
А вот если руки боятся, а глаза только и дела-
ют, что делают?

* * *

Когда деньги липнут, это хорошо, если их за-
тем не приходится отдирать с мясом. Подобная
липкость уместна, если в деньгах есть нужда и
есть понимание, что с ними делать. А к понима-
нию добавлена щедрая бескорыстность и бого-
угодные дела через посильное финансирование
таковых. Тогда пусть липнут.

¹ «Неизданное» (*греч.*)

* * *

Возмужалость — возьму и выкину жалость!

* * *

Причина очевидного регресса приматов —
в их эволюции.

* * *

Лучше прикинуться паршивой овцой и
пожертвовать клоком шерсти, чем назваться
груздем и быть вынужденным после заявки
полезать в кузов.

Здравомыслие овцы перед бахвальством
груздя.

* * *

Осмысленность и совесть — вот два
столпа, на которых должна утверждаться чело-
веческая жизнь!

* * *

Насилие — самая недопустимая форма про-
явления жизни. И самая ею востребованная.
Насильно мил не будешь! И без насилия не бу-
дешь...

* * *

Фарс пафоса.

Жизнь почти невыносима, даже когда она
прекрасна! И за это «почти» люди цепляются
до самой смерти.

* * *

Не перегнув палку, не натянешь тетиву лука!

* * *

Отправляясь на рынок за фунтом изюма,
попутно можно легко узнать, почем фунт лиха.

* * *

Без вина виноватые — общество аноним-
ных алкоголиков.

* * *

Что там жить на широкую ногу — можно и
семимильными шагами шагать.
...Штаны бы только не порвать!

* * *

Подплесневелая горбушка может позво-
лить себе стоять дорого, когда только она одна
и наличествует по сусекам, которые есть кому
скрести.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Азартом наживы легко заражаешься в об-
ществе коммерсанта. И стыдишься слабости
иммунитета к этой инфекции рядом с лицом
духовным, которое легко усиливает иммуни-
тет, но не избавляет впредь от рецидивов стя-
жательства.

* * *

Для всех я занят.
Занят — ради всех!

Объективность Учителя в его предвзятости.

СЧАСТЬЕ ВРАСПЛОХ

Зачем рубахе-парню за что ни попадая рвать
на себе рубаху?! А затем! Иначе — какой же он
рубаха-парень?!

РАЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО

Греясь в лучах даже чужой славы можно получить ожог или того хуже — испепелиться до черна! Также как, купаясь в оных, можно если не захлебнуться, то перевернуть на себя дюжий ушат, предназначенной не тебе грязи.

* * *

Жизнь каждого — это фрагмент истории конца света.

* * *

Что в тучные, что в тощие года
должна быть полноценная страда!

Есть два типа людей, которые, услышав оценку «это еще никому не удавалось!» — реагируют по-разному. Одни сразу же отказываются от решения вопроса; другие, напротив, — с азартом первооткрывателя бросаются его решать. И первые в данном случае отнюдь не всегда пораженцы, а вторые совсем не обязательно победители!

* * *

Пусть колосятся морем волнистым всходы
благие в нашей душе...

* * *

Латентная пронзительность.

Объять необъятное, вынести невыносимое,
невозможное сделать возможным — вот, в общем-то, и все, что надо успеть сделать в жизни,
чтобы она состоялась!

* * *

Некоторые так боятся потерять лицо, что
страшится начать его поиск. Вот она — безликость!

— Да на тебе лица нет!

— Неужели?! ...Значит, потерял!

* * *

Живой был погибче,
теперь же — погибший,
не гнется покойник уже.
Теперь быть погибче душе!

* * *

Цвет шафрана без обмана
всем укажет верный путь,
когда ляжет он на грудь!
От плеча отрезом, как свеча отвесом.

* * *

Наш Демьян рьян,
когда пьян.
Но совсем не резв,
когда трезв.

* * *

Блуждая ощупью по кругу
в попытках тщетных разорвать кольцо,
я интуицию — капризную подругу —
все призываю выказать зовущее лицо.

* * *

Оставь свой сан,
надменности сановник!
Останься сам,
наедине с душою,
как паломник.

* * *

Не возьму в толк —
почему народ смолк?
Почему не ропщет толпа,
когда волною плещет молва!

* * *

С миру по нитке — голому рубаху.
А потом завидки — голову на плаху!

* * *

Вкривь и вкось —
сквозит насквозь.
Полуразвалилось
то, что жизнь всю длилось.
А было как воловье —
изжитое здоровье.

ЦЕЛЕБНОСТЬ СТИХА

Как часто жизненный уклад,
готов я биться об заклад,
из вредных лишь привычек состоит.
И на повестке дня тогда вопрос стоит:
что поменять в своем укладе,
чтоб в новом жизненном раскладе
не стало места бы для них,
когда спасет один лишь стих.

ЭХО СЕРДЕЧНОГО СТУКА

(Эхограмма)

Когда на сердце распогодится,
разгонит тучи от невзгод,
то солнцу сердце уподобится,
собою вторя его ход.
Светить и греть всех, кто нуждается,
сердечностью кто дорожит.
С восходом стуком пробуждается,
с заходом эхо сторожит.

* * *

Почему потери несут, а клич бросают?
Почему все встают, когда идет суд,
а он сажает?!

Потому как потеря всегда дорогá!
А клич бросил, и вся недолгá!
Потому в суде ответчиков поднимают,
что судьи власть свою так понимают!

В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Ложь, невежество и спесь —
очень выгодная смесь.
Первых двух последней часто
прикрывают, будто настом.
Когда наст под солнцем тает,
грязь обычно проступает!

* * *

Хамса рукою Фатимы
в ладошке с дрожью счастье держит.
Так свет звезды из мрачной тьмы
порой надеждою забрезжит.

* * *

Хамсы благая пятерня —
на каждом пальце по десятке.
Хоть жестко колется стерня,
зато и кормит всех в достатке.

СТОЛПЫ СРЕДИ СТОЛПОТВОРЕНИЯ

Наособицу брожу,
сторонюсь толпы.
Нетерпением дрожу —
воздвигать столпы.

ОБЛИЧИТЕЛЬ-СКВЕРНОСЛОВ

Фигой в кармане
ношу ложку дегтя.
Уличаю в обмане
по профилю ногтя.
И в бочку меда
сунуть готов
подобного рода
ложку из слов!

* * *

Мы за пучины —
за страсти Пуччины!

Ищут в жизни помельче броды
слабые духом и нищерброды.
Найти желают поглубже пучины
настоящие женщины и мужчины!

* * *

Понимание, что жизнь отвратна,
не предлагает дорогу обратно.
Только лишь путь вперед
освобождение дает.
И шагать по нему надо так,
чтоб в итоге развезать мрак!

* * *

Прошное сопротивляется,
когда в будущем проявляется.
А будущее помогает,
когда в прошлом светом мигает!

* * *

Чем более невыносим текущий момент —
своей вязкой длительностью или мгновенной
мимолетностью?

* * *

Билет в оба конца — это отрезок прямой из
пункта А в пункт В и обратно, свитый в круг
змеем, пожирающим свой хвост. Виртуальный
уроборос.

* * *

Куда ни кинь — всюду клин!
Даже два — смотри в оба!

* * *

Дня бесконечность
мгновением ночи чревата.
Ее быстротечность
отсутствием света богата.
Нóчи? Бесконечности?
Разницы нет!
Исчезнет ее ускользящий след...

* * *

В чем злоба дня?
В бессилье перед ночью!

* * *

Трещать по швам
иль рваться по живому?
Испепеляться в хлам
иль дохнуть пожилому...

* * *

Когда дела —
как сажа бела,
то безделье —
черно постелью!

* * *

Просит покорно,
наступив на горло.
Как не уступить,
когда воды не испить.

* * *

Тот главного не понимает,
кто жестью жизнь считает.
Она ведь жестче — жизнь!

* * *

Себя люблю в народе я,
но жизнь моя пародия!

* * *

Если сито даже крыто,
все равно дыряво дно.
Даже если сверху шито,
в дырах все равно оно!

* * *

Послать туда, не знаю куда,
принести то, не знаю что, —
импортозамещение.

ТАМ, ГДЕ

Где тонко, там и рвется?
Где мокро, там и пьется!
Где око — там и бьется.
Где уж там нам!

* * *

Да нет никакого времени!
Есть вечность и есть жизнь!

А. Ф. Лосев

С первым лучом утреннего солнца свершается грандиозное предназначение мгновения вечности. С последним отблеском вечернего солнца сбывается предназначенное — снисходит сама вечность.

* * *

Горизонт — всегда будущее. По определению он не может быть прошлым. Даже когда оглядываются, чтобы оценить уже пройденную даль, перед взором раскидывается горизонт упущенных возможностей будущего, в котором покоится (таится) шанс востребованности, пока виден горизонт.

* * *

Как чудно проникнуться осознанием, что
жизнь — это не мгновенная вспышка панора-
мы космоса, а сам застывший вечностью кос-
мос!

* * *

Мир мифа, переполняясь,
становится мифом мира.

* * *

Чумацкий Шлях в ночи бездонной
монистом кружевным блеснит.
Душа скиталицей бездомной
себе пронзительностью льстит.

* * *

Нитью видный пульс —
им я с жизнью бьюсь.

* * *

Когда под ногами трясина,
гниет быстрей древесина.
Гораздо удобнее посоху
опираться в дороге посуху.

* * *

Нет большого без малого,
высокого нет без низкого.
Нужно, чтоб ждало тепло близкого,
путника, от мытарств усталого.

* * *

Орехом пахнет пахлава,
на ощупь — мед.
Так лестью липнет похвала,
изнанка — лед!
Не нужно гадить,
чтобы ладить!

* * *

Даже с изрядным иммунитетом цинизма, регулярно впрыскиваемого окружающим вероломством, случайно можно заразиться романтикой надежды.

* * *

До смеха должно быть всегда — ведь надо же успеть посмеяться последним!

* * *

Если не лезть из кожи вон, то новая просто не сможет вырасти!

(Из наблюдений серпентолога)

* * *

Иногда, чтобы взобраться на пьедестал, приходится спуститься с небес. А иногда только для этого и спускаются на грешную землю!

* * *

Кто чужие ошибки делает своими, тот не обогащается опытом, а присваивает не принадлежащие ему потери.

КО ДНЮ ПОМИНОВЕНИЯ УСОПШИХ

С почтеньем подношу дары
на предков тех краев алтарь,
где духов отгоняет звон с дырочкой монет,
и фонари вдоль деревень
плывут по руслам рек неспешных...

* * *

Бывает, что лампадкою,
горящей на свежевырытой могиле,
приходится отметить светлый
праздник фонарей.

* * *

Кучно бьет судьба в больное место.
Туда, где близких круг живет.
Сужая окружение до точки
с названьем хлестким — Пустота.

* * *

В Родительскую субботу особо остро чувствуешь всю хрупкость связи между Прошлым и Будущим.

СМЕРТЬ ПАТРИАРХА

Когда отец царицы
отходит в мир иной,
то на вратах гробницы
слова горят: «Святой!»
Горят огнем и светом,
как истиной горят.
Небесным чистым цветом
звезд дополняют ряд.

СВЕЧИ ЗАТУХШЕЙ ЗЛАЯ СИЛА

Не топчите зимой снег могилы,
не тревожьте под нею кто спит.
С нерастраченной жизненной силой,
фитилем в одночасье что слит.

* * *

Когда подметаешь могилу,
где кости лежат родных,
почувствуй мощную силу
стыда — что оставил одних.
Одних, когда были живые,
и ты мог к ним в ноги пасть.
Не чужие — твои, родные,
твоя сокровенная часть.
Одних, когда мог быть рядом,
невзгоды их разделить.
Не одиночества ядом —
бальзамом крепить жизни нить.

* * *

Набить себе цену — в условии мнимое выдать за действительное.

Не продешевить — действительное выдать за необходимое условие.

* * *

Даже самая далекая перспектива горизонта сходится в точку — ячейку колумбария.

В точку предельного напряжения, за которой последует Большой Взрыв — рождение высвобожденной Вселенной Души.

* * *

И на коленях простоять всю жизнь можно по-разному. Рабом униженным и господином, к небу приближенным.

Преклоняю колена.

* * *

Из всех емкостей благоразумно присматриваться лишь к урне!

* * *

Если желание все простить приходит не от осознания силы великодушия либо благодаря прозрачной тонкости милосердия, а (что чаще) от бессилия оскорбленности, то даже в этом случае прощать все равно стоит. Стоит хотя бы потому, что не остается сил бороться с гнетущим встречным непощением. Простив же, появляется, пусть слабая, надежда, что простят и тебя. Прощение с великодушием не нуждается в подобном ожидании взаимности. Оно щедро и бескорыстно купается в своей чистой силе. Ему всегда по плечу любая борьба с любой степенью непощения, которое оно так великодушно прощает...

Что до милосердия, так и подавно — оно выигрывает, уступив.

* * *

Почему отстающие не годятся в подметки тем, кто впереди сверкает пятками?!

* * *

Если в слове «обронил» корень «бронь», то это не потеря, а находка!

* * *

Иногда и то, что шито белыми нитками, оказывается шито-крыто!

А иной раз и то, что тонко заплетено, вылезает наружу!

* * *

Трудно оставаться чистым, будучи слабым. С другой стороны, будучи сильным, можно не бояться испачкаться!

* * *

Малодушие — да, это трусость. А великодушие — нет, не мужество — это прежде всего прощение.

* * *

Кому непонятно, что когда заявляют о желании уйти, добавляя аморфное «пожалуй», ищут предлог остаться!

* * *

— Много ли ты видел смертей
в совести неучастья твоей?
— Много ли, мало ли — видел!
Равнодушьем до смерти обидел...

С РЕПЛИКОЙ К АРХИМЕДУ

(Где рычаг, там и тормоз)

Дайте мне точку упора и я остановлю время — поставлю планету Земля на ручной тормоз!

ВЗАПЕРТИ С НУЖДОЮ

В том запрет,
что на замок запрёт.
В том неволя,
что наша доля
таковая —
сумма вклада страховая.
Где ячейкой под закладку
мое сердце под заплатку.
А гарантия успеха —
крепко сшитая прореха.

* * *

Чтобы открыть Америку, надо захотеть поплыть в Индию!

* * *

Душа на языке старинной
философии — микрокосм.

О. Шпенглер

После каждого Большого взрыва Вселенная, достигнув предела растяжимости бесконечности, схлопывается до полного ничего, глобальной черной дыры, где снова копится непостижимое, чудовищное напряжение для следующего цикла. Выходит, окружающий мир есть изрядно потрепанный дублями пульсаций мир сэконд-хенда!

В этом смысле (если допустить притягательную натяжку, что человек — модель макрокосмоса на уровне микропроявленности) все люди после Адама — сэконд-хенд!

* * *

Мы же дети стихии — нам ли бояться бурь?

* * *

Бог — это Вечность, создающая и разрушающая все вокруг, включая самое себя. Вымороженная мерзлотой абсолютного нуля и ослепленная беспросветной тьмой Космоса. Молиться же стоит с одной целью — чтобы Бог прозрел и оттаял. Быть может тогда Он начнет «ведать, что творит».

* * *

Если бы Богу была не присуща ревность, Он никогда не счел бы претензию избранных на богоподобие греховностью недопустимой гордыни.

* * *

«Когда у тебя есть сад и библиотека, у тебя есть все!» — утверждал Цицерон. Когда у меня появилось и то и другое, я понял, что могу аргументированно не согласиться с прославленным оратором. Более того, сидя в саду за книгами, я остро ощутил, насколько мне не достает всего остального.

* * *

Цицерон считал, что сады помогают думать. Если так, то какими великими мыслителями должны быть садовники!

* * *

Любят родину не за то, что она велика, а за то, что она своя. Кто не согласится с этим утверждением Сенеки? Да, но становясь великой, она перестает быть своей и убивает надежду на взаимность!

* * *

Плоть — это недостаток души. Тот изъян, что теснит и приземляет, требует считаться с ним в первую очередь и нагло игнорирует тягу души к полету.

* * *

Понять, что истины не существует, значит уже обрести ее в полной мере!

* * *

Будущее должно становиться настоящим, а не прошлым. Тогда это жизнь, а не умирание.

* * *

Почему открытие, что с нами случилась жизнь, мы делаем лишь на смертном одре?!

* * *

Чаще всего человек создает кумиров с одной целью — доставить себе удовольствие попыткой унизить их низвержением, утверждаясь так в собственной мнимой значимости.

* * *

Кто привел к общему знаменателю *могу* и *должен*, может спокойно делать то, что должен!

* * *

Иной раз делаю не то, что надо бы и хотелось. Но чаще делаю то, что не надо, и что не хотелось!

* * *

Смерть — это почти всегда пресыщение излишествами.

ЗОЛОТО МОЛЧАНИЯ

Тишина, которую можно
услышать, дорогого стоит!

Каким трагизмом нагружает содержательность молчания Людвиг Витгенштейн в завершающем «Трактат» афоризме: «О чем невозможно говорить, следует молчать».

Какой легкостью окутывает молчание Джидду Кришнамурти в вопросе-подсказке: «Замечали ли вы, что любовь — это молчание?»

Олдос Хаксли вплотную подтягивает молчание к музыке: «Музыка идет на втором месте после молчания, когда *речь идет* (курсив мой. — Л. А.) о том, чтобы выразить невыразимое».

Да, только она идет первой после молчания!
Молчу, молчу...

* * *

Иногда, желая остановить время, можно просто сломать часы.

* * *

Молчание — иногда золото, иногда — выход, а иногда и тупик!

* * *

Так, например, шумная пелена ливня резко обрывается звенящей тишиной, когда на полном ходу влетаешь под мост или в короткий туннель. Благость ее звона едва успеваешь словить ухом и через мгновение снова окунаешься в оглушительную чечетку нескончаемой дождевой дробы.

* * *

— Да чтоб тебе пусто было!
— Спасибо, мне это на руку.

Время должно быть потрачено впустую — только тогда это правильно прожитая жизнь!
Я про *шуньяту*, если вы меня понимаете.

* * *

Можно ли надеяться на прошлое? Да! Ведь именно оно таит в себе ключ к разгадке будущего.

* * *

Надо шагать в ногу со временем, даже если ты хромаешь!

...А что, если захромало время?

В том не твоя заслуга, если ты обогнал захромавшее время.

* * *

...раз есть зерно,
должен быть и колос!

Если вас определенное время не оставляет чувство, что вы что-то где-то потеряли, то не мучайте себя воспоминанием, что именно вы могли утратить, а спохватитесь о главном — о зря потраченном времени!

* * *

«Да исполнится срок времен!» ...Да, время — это то, что обязательно должно истечь, иначе оно теряет смысл.

* * *

Чаще всего, чтобы быть счастливым, просто не хватает духа!

* * *

Трюизм — самый распространенный из «измов».

* * *

Если отнестись к жизни как к надоевшему хобби, можно избежать боли множества потерь. Потерь и наслаждений.

* * *

Порой, извиняясь за незначительную оплошность, лишь усиливают ее.

* * *

Почему, когда подчеркивают, что сказанное — не угроза, это настораживает больше всего?

* * *

Когда про диагональ говорят — наискосок, то стоит ожидать, что перпендикуляр назовут торчком, а окружность — блинчиком. Но поостерегитесь преждевременных насмешек над «грамотеями»: юный Паскаль, не зная геометрических терминов, называя линию «палочкой», а окружность «колечком», самостоятельно доказал теорему Евклида о сумме углов треугольника! Вот такая загогулина.

* * *

Ураган в мензурке бывает гораздо опаснее бури в стакане.

* * *

Когда про женщин говорят, что они непостижимы в своей загадочности или, более того, что они с другой планеты, хочется подвести черту уточнением: надо просто называть вещи своими именами!

* * *

Самая сильная женщина ни в какой ситуации не сможет подняться до рева низкого баса. Самый слабый мужчина в определенные моменты легко опустится до визга высокого женского сопрано. О каком равноправии может идти речь?

* * *

Мужчину возмущает в женщине не столько вездесущее вмешательство по любому вопросу в качестве последней инстанции, сколько ее готовность тут же в отречении сослаться на то, что она всего лишь слабая половина — со всеми вытекающими выводами о беспросветной женской глупости, неумении и незнании.

* * *

Хитрее женщины может быть только другая женщина — так думают все женщины. ...И в этом хитрость мужчины!

* * *

Она разделяла его мнение глубоко и основательно до тех пор, пока не разделила полностью — на твое и мое. После чего каждый остался при своем.

ВЫВОД МИЗАНТРОПА

Мизогенизм — безвозвратный трамплин в мизантропию.

Мизогенизм... Неужели это, как простатит, почти неизбежное приобретение с возрастом?

* * *

Благополучная мудрость внешне весьма схожа с тупиковой деменцией — та же блуждающая детская улыбка, та же немногословная непосредственность и интровертность.

От обратного: насупившегося, сдвинувшего брови, с темным, сосредоточенно-напряженным взглядом умалишенного можно принять за полного глубоких дум мыслителя.

Слабоумие, как и мудрость, тем паче просветленность, отправляет в свой собственный мир, порядок вещей, ценностей и целей.

* * *

Если масштаб деяния определяет величие, почему содеянное инкриминируется правонарушением?!

* * *

Осведомленность помогает избежать ошибок, но не исключает их возможность. Как и незнание — совсем не обязательно приведет к их совершению.

* * *

Что личного в личине —
лишь маски трафарет.

Вся, еще мгновение назад радовавшая глаз, невесомая беззаботность сдувшегося шарика оборачивается неприглядной непригодностью использованного контрацептива. Так и юность вдруг оборачивается выжатой старостью.

ФАТАЛЬНОСТЬ САКРАЛЬНОСТИ

Некоторые вещи нельзя
показать, не испортив...

Жозеф де Местр

Сила тайны в ее неприкосновенности. Магия тайны — в ее сокрытой глубине. Ритуал сохранения тайны питает сакральностью ее носителя и усиливает потенциал самой тайны.

Любая тайна обладает собственной истиной. Факта, события или явления. Обладание истиной окутывает мистикой ключей к законам мироздания.

Даже разочарование, если оно держится в тайне, оборачивается очарованием ее обладания!

* * *

Обладатель Тайны Храма — сам становится Тайной Храма.

* * *

Смерть — это великий урок,
преподносимый за эгоизм.

А. Шопенгауэр

Через неумение жить в одиночестве каждый проходит по-своему, с разной остротой и степенью осознания безысходности. Смирившись, приглушив себя или окончательно разнеся сознание в бунтующем психозе, лишенный пары ли, близкого ли окружения, не освобождается от гнета накрывшей пустоты, но подводит черту его участи, к которой рано или поздно приходят все живущие, — одиночеству смерти.

* * *

Неверные шаги верных друзей выправляются силой дружбы.

Как же отнестись к верным шагам неверных врагов?! С бессилием вражды!

* * *

Самодостаточность —
тупик счастья
или счастливый тупик?

Самодостаточность — мечта клаустрофоба. Комфортность ощущения себя в ограниченности: как в физической стесненности, так и в отсутствии потребности подпитывать иссякающий духовный объем.

ЭКЗОРЦИЗМ ПО-РЕФОРМАТОРСКИ

Для того чтобы так легко отделаться от притязаний дьявола — швырнуть в него чернильницу и только, нужно если и не быть самим Лютером, то хотя бы обладать Лютеровой твердолобостью, упрямой уверенностью в достаточности противодействия. А ведь сработало!

* * *

Если бы черти водились только в тихом омуте, то всю нечисть можно было бы легко переглушить по-браконьерски — одной шашкой тротила!

* * *

Не так страшен черт, как его малюют, — на самом деле он гораздо страшнее!

* * *

Психотропный опыт измененного сознания — это подкидная доска. После кратковременного взлета неизбежно жесткое приземление гораздо ниже уровня старта.

ПОВЕСТЬ В ТРИ АБЗАЦА

(С понедельника — новая жизнь!)

Идти ему было некуда, но он решительно надел пальто, распахнул дверь и шагнул в темный густой туман. Промозглая сырость бесцеремонно нырнула за шиворот, колюче расплзлась по груди, прозмеилась под рукава к плечам.

Он поежился, потоптался, вздохнул и... поплелся назад — домой. Тихо вернулся в свое вчера. Идти-то ему было некуда.

Выход из дома — это всегда выход в открытый космос: уже открытый, но еще не тобой.

* * *

Иногда мотивом благородного поступка является эгоистическое желание выглядеть красиво. Пусть так — это не отменяет благородства поступка.

* * *

«Избитое определение» — кем и до какой степени?

Придумавшими это определение. До степени безжизненного штампа.

Вот тебе и живой язык!

* * *

Зачем промывать мозги безмозглому до мозга костей?

* * *

Типун на языке — профессиональная болезнь пророков.

* * *

Даже волку порой хочется скулить!

* * *

Отчаяние человеческого бытия не отменяет его светлости!

* * *

Отступить на гран — значит промахнуться!

* * *

Уснувший должен чувствовать себя дезертиром.

* * *

Сталевар, сварщик и повар — варят, а вот наваривает уже банкир!

* * *

Если чувство исключительности становится привычкой, то это уже не исключение, а правило.

* * *

Ясность сознания да твердость духа — вот и весь Путь воина!

* * *

Благовидный предлог — это когда все понимают, что прибегли к отговорке, но формальности соблюдены.

* * *

Становление жизни заявляют как героический эпос, а подводят ее итог как трагикомический опус.

ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ АНТИПОД

Каждое утро убирать постель как место преступления или поле битвы, где раз за разом терпишь фиаско в борьбе с бессонницей.

* * *

Умение быть в ритме с природой — это залог успеха. До чего понятная формула и до чего непонятая...

* * *

Жизнь любой твари, в том числе человека, больше — человечества, это позволение Природы. И даже возможность забывать об этом — тоже позволение Природы!

* * *

Чтобы постичь убийственно обезоруживающую кротость агнца, достаточно встретиться взглядом с ягненком, когда тому начинают резать горло.

* * *

Весь мир прозябает в безнадежном склерозе!
Лишь некоторые просветленные обрели память...

* * *

Случается, что необдуманное предсказание чьего-либо фиаско выворачивается неприглядной изнанкой полного краха мнимо сведущего аналитика.

* * *

Кто отдает предпочтение синице в руках перед журавлем в небе, тот вряд ли сможет ощутить нечто большее, нежели липкую влажность птичьего помета.

* * *

Когда и за семь бед к одному ответу пристроиться удастся, а когда и за одну беду чуть ли не семь раз спрашивают.

* * *

Предложением за зло воздавать добром Иисус нарушил баланс естественной адекватности. Но слабым дал шанс утвердиться сильными.

* * *

И был конец, и не было начала...

Понимание, что ты уже не встретишь в этой жизни своего счастья, наполняет бессмыслицей отпущенное тебе время.

* * *

Диафрагма —
передовая линия фронта.

Вдох — это всегда спазм;
выдох — опустошение.
Вдох — право на реванш;
выдох — капитуляция.

* * *

Кроме крови, что еще?! Вселенная.

* * *

И у падшего ангела можно укрыться под крылом.

* * *

Чистый, значит слабый — потому как уязвимый! Ибо на грязи замешана жизнь.

* * *

Крутизна пологости гораздо основательнее пологости крутизны. Это осознаешь, когда ощущаешь под ногами одно или другое.

* * *

Умереть — значит всего лишь сделать рокировку проблем. Жизни и смерти.

* * *

И пожеланье — чтобы все сбылось! — угрозой звучит.

* * *

Можно смотреть в оба и ничего не увидеть, а иногда, прищурив один глаз, вторым заметить все до мелочей.

(Из опыта окулиста)

* * *

Энди Уорхол заявлял: люди едят не потому, что хотят есть, а оттого, что у них есть деньги. В этом же духе можно добавить: еще и потому, что еда — очень удобный способ коротать, убивать ножом и вилкой время. Так люди за едой прячутся от скуки. Сам Уорхол и скукой маялся, и денег имел гораздо больше, чем ему было достаточно.

* * *

Свами Вивекананда — не умер, шагает с нами.
Своими трудами — с вами!

* * *

Жизнь измерить
выслуги рангом —
прах развеять
над вечным Гангом.
В позе лотоса
прожить.
В бозе благостно
почтить.
(Махатма)

* * *

Лицемер — френолог. Какими же лицемерами оказались Гегель, Карл Маркс и Бальзак! Любители френологии.

* * *

Эмилю Чорану стоило бы быть последовательным, когда он утверждал, что появление поэзии в прозе делает последнюю спертой. Выходит, сама поэзия является спертым до страницы полновесным романом!

* * *

«Создать семью? — да по мне проще основать империю!»

Подобное, вслед за Чораном, могли воскликнуть не только Александр Македонский, Цезарь или Ленин, но и Будда, Сократ, Иисус или Кант.

Причем, последние четверо, будучи первыми, потерпев крах в попытках создания благополучной семьи, основали несокрушимые, свободные от географических границ империи нравственности и морали.

* * *

У Чорана апогей тесноты — это пляж и кладбище. Хорошо бы добавить сюда утренний рынок и метро в часы пик. Добавить или вовсе остановиться на них: все как-то пристойнее — и люд не лежачий, и одеты, вроде, и жизни больше.

* * *

Как обрамление — как кант...

Кант — всю жизнь удавку celibата носил
как бант — франт!

В ШЛЯПНОМ ОТДЕЛЕ

Не по Сеньке шапка,
а если уж это шапка Мономаха...

За счет шапочного знакомства попасть к шапочному разбору, чтоб в итоге все прошляпить и с шапкой по миру пойти. Так шапками и закидают...

* * *

Бордосский дог тебе товарищ!

Кто пеняет на тяжесть шапки, пусть либо займется укреплением мышц шеи, либо сменит головной убор на полегче! На то и Мономах, что не промах!

* * *

Когда к Джованни
прибавляют титул дон,
когда в горячей ванне
ждет подругу он,
его по-русски
называют Дон Жуан.
Как блажь нагрузки,
носит что Иван.
Или Ванек, а может Ваня.
Короче, попросту Джованни!

С БУНТОМ ПО СПАЛЬНЯМ

Английский писатель Сэмюэль Ричардсон написал роман «Кларисса Гарлоу». Автора, как и его произведение, мало кто помнит, но вот герой романа — волокита ловелас (Ловлас) стал нарицательным олицетворением покорителя женских сердец. Вымышленный персонаж переживает своего создателя, когда становится частью интернационального фольклора — близкого и понятного, с симпатией и завистью осуждаемого, зачастую оправдываемого силою обстоятельств. К слову, цитата из советского издания («50 опер», Ленинград, 1959 г.) об одном из аналогов ловеласа: «Дон Жуан Моцарта — образ сложный, многогранный. Он отважен, обаятелен, полон жизненной энергии. ...Бесстрашие, чувство чести, остроумие, вечные поиски идеала, смелый бунт против обветшалых норм морали». Циничный убийца? Похотливый разлучник? Топтатель чужих судеб? О чем вы, право, — благородный бунтарь!

* * *

Для того чтобы спутать физиолога Павлова с писателем Бернардом Шоу или, например, Грига с Марком Твеном, надо хотя бы иметь понятие о названных персонах и представлять себе их облик. Они ведь и впрямь — чертовски схожи внешне!

* * *

«Dum spiro spero», «пока дышу — надеюсь».
А если на ладан дышу — на что надеюсь?

* * *

Узкий круг широко образованных людей всегда обещает насыщенную, содержательную беседу. Широкая же аудитория среднестатистических собеседников сужает подобную возможность практически до нуля.

Из уст сноба сей вывод звучит ханжески, из уст интеллектуала — как обоснованная потребность расширять горизонт интеллекта.

* * *

На провокационный вопрос софиста-ритора: «Сколько же надо издать томов, чтобы из них воздвигнуть трибуну?», найдется осаждающий ответ стойка: «Достаточно одной брошюры, чтобы на нее опереться!»

* * *

Ознакомиться с резюме непрочитанной статьи, это как десерт натошак — может перебить аппетит, но не утолить голод. То же касается натурализма эротического шоу.

ГАМЛЕТ ОТ ФИЛОСОФИИ

— Если и быть философом, то исповедовать философию действия. Или уж активного бездействия! На крайний случай, пассивного, но осознанного. Если уж быть... или не быть?

— Ну ты и философ!

* * *

Упаковывая подарок в броскую фольгу с бантами из ленточек, пускают, в некотором смысле, пыль в глаза — приукрашивают вид, но не меняют содержание. Если чрезмерно озаботиться тем же, донося мысли, то, гонясь за вычурной витиеватостью изложения, можно потерять нить и из мыслителя незаметно для себя превратиться в упаковочный конвейер.

С другой стороны, если «продукт мышления» выдавать без надлежащей формы, он будет, может, и доступен, но интересен разве что специалистам.

* * *

С отсылкой к Декарту: существую, не значит мыслю!

* * *

Нервная сутолока в поиске смысла, в поиске толка — рефлексия философии.

* * *

Когда заявляют, что хотят донырнуть до дна, любопытствуя, насколько глубок интеллект собеседника, всегда хочется предостеречь от опасности сломать себе шею на фатальном мелководье, коварно прикрытом мутной зыбью банальностей.

Так зачастую студент, протягивая зачетку профессору, с немой мольбой призывает воздержаться от рискованного заныривания в свой скрываемых размеров резервуар знаний.

* * *

Здоровый скепсис очень часто уступает здоровому бицепсу...

* * *

Мистик — тот, кто понятие «единство с Богом» опытом своим перенес из теоретического императива в практику погружения до полного слияния с Создателем.

* * *

Готовность искусства замещать Бога представляет последнего не более, чем авторитетным ветераном-льготником в постоянно пополняющейся очереди на роль кумира публики.

* * *

Как часто родительскую слепоту мы принимаем за проницательность.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ СКРИПАЧ

Forgive me, Newton...

Albert Einstein

К докладу Макс Планк
заполнил свой бланк:
Мой ученик ведет дневник,
где относительность явлений
зависит от отдельных мнений.
Игрой на скрипке он порой
так возмущает наш покой,
что скорость времени течет,
никак не прибавляя счет!
Да и пространство, длясь во тьму,
уподобляется ему.
И всем нам, высунув язык,
смеется он, что так привык
аргументировать идею,
назвать которую робею.
Поскольку Ньютона устои
в идее той ни грош не стоят!

ОБОЖЕНИЕ УЧЕНОГО-ЯДЕРЩИКА

(Благодать умного делания)

Неоплатимая глубина,
как Неопалимая Купина,
зычным гласом
зовет к исходу —
ключ подобрать
к заветному коду.
Частицу Бога в себе найти —
бозоном Хигса в реактор войти!

* * *

— Жизнь — это всегда катастрофа.
— Да, но прежде всего это жизнь.

* * *

Это просто: если вы хотите музыки, но не
умеете играть, — аплодируйте музыкантам!

ОРДЕН СКРИПИЧНОГО КЛЮЧА

(Мистерия посвящения)

Хоть струн всего четыре,
каких-то всего квадро,
но звука лучше в мире,
чем скрипка нет — то правда!
Скользнет по ним канифоль,
и затанцует трость смычка.
«Теперь хочешь слушать? Изволь!» —
просвещает мэтр новичка.
Как меч на плечо крестоносцу,
инструмент музыкальный кладет.
Как знаменья перст знаменосцу,
смычок благоговейно дает.
В традицию муз посвящая,
утирает маэстро слезу.
Трепеща неофит обещает,
что достойно продолжит стезю!

* * *

Проигрыш — это музыкальная разрядка
или безысходность потери состояния и чести?

* * *

Подтяну колки гитары —
больно гриф у нее старый.
Дрожью струн я пробегусь —
за аккорд щипком возьмусь.
Я индейцем в мокасинах
бью ладонь на перкусинах.
Что мне делать с барабаном,
кожей стянутым — бараном?!
Палочками дробь стучать —
болеро ритм отмечать!

ЛУЧНИК НА ВЗВОДЕ

Я за колчан, который для смычков.
За тетиву, которая поет струною,
но не вестницею смерти.
Я за сердец биение толчков,
которые стучат в такт музыке —
поверьте!

* * *

Тугим луком с тетивой
струны арфы звонко строю.
Чтобы пальцев перебор
их будил, как ветер бор.

* * *

Мне труднее представить мир без скрипки
и органа, чем без интернета и стиральной ма-
шины!

* * *

Чем заканчивать, если начинать с аллегро?

КЛЮЧ СКРИПИЧНЫЙ ПРОТИВ КЛАДКИ КИРПИЧНОЙ

Долговечней, чем кладка кирпичная, верно
взятая нота скрипичная!
Каменщик усомнится, скрипач докажет.

* * *

Даже адажио так не настроят,
как то, дорогого что каждому стоит.
Заря, шум прибоя, ветер в горах.
Душевность настроя от чувственных благ.

* * *

У гитары лады,
а у скрипки следы
натруженных пальцев на грифе.
Как след пены морской на рифе,
проступь соли затертых нот —
музыканта слезы и пот.

* * *

Над морем музыки из ямы
смычков взлетают поплавки.
И раненой души изъяны
вдруг исцелятся дирижера взмахом —
в полруки.

ФАЛЬШЬ БАЯНИСТА

(«Самсон» Сен-Санса)

Перламутровых клавиш кнопки,
сжатой гофрой теснятся меха.
Горький дух опрокинутой стопки
умалывает мне тяжесть греха.
Бодрым вздохом баян раскрывая,
как объятья для всех в пустоту,
моя сажень косая — кривая,
тянет ноту одну, но не ту!
Моя сажень косая — кривая,
тянет ноту одну, но не ту.

* * *

Моль в баяне разогнать —
клавиш ноты разобрать.
Ну сыграть же так сыграть!
Для себя Орфеем стать,
чтоб прославить твою статью.

СКРИПКА В АТАКЕ

(Ресторанный скрипач)

По скрипки потному лаку
слеза музыканта течет,
кабацкую пьяную драку
мелодии нота влечет.
Мелькает смычок как рапира,
с выпадом на туше,
танцует скрипач-задира —
дает порезвиться душе.
Кадрилью, танго и полькой,
кружась меж столов и людей,
задирист скрипач настолько,
что фалдами хлещет гостей.
Трясет за грудки, распинаясь,
пиля инструмент пополам.
А публика, развлекаясь,
напивается музыкой в хлам!

* * *

Звякнув вилкой камертона,
взявши ноту на полтона,
строю скрипку на минор —
избежать чтоб фальши вздор.
Чтоб под тростью от смычка,
словно баня от сверчка,
оживала она чисто.
Фортепьяно, как у Листа.

* * *

Нелепость гирлянды рождественской летом,
вопросом немым, а не долгим ответом —
петлею свисает в пыли мишуры.
Такой затянувшейся в праздник игры.

* * *

Бутылка вина — откупорить иль нет?
Салат, мандарины
и лишний столовый прибор.
Куранты, как реквием, полночь пробили...
Мой Новый год.

* * *

Залюбовался сквозь снега завесу
мерцаньем дрожащей луны.
Спохватился, да поздно —
куранты уж новогоднюю полночь пробили!

НА ВЫНОС

Без игрушек ель невыносима —
та, что разобрали поутру.
Еще год прошел тихонько мимо.
Прошлогоднюю слезу,
как изморозь, утру.

* * *

Цель оправдывает средства,
средства не оправдывают цель.
Боль, пришедшая из детства, —
срубленная под новогодье ель.

* * *

Текущая жизнь человека — это похотливая
судорога поисков баланса между смердящим
тленом израсходованности и катастрофически
тающей свежестью потенции.

* * *

Кому неизвестно, что жизнь —
продукт скоропортящийся?

* * *

Когда ты окончательно уверился, что все-
ми забыт и никому не нужен, приходит день
рождения. И вдруг все вспоминают о тебе:
звонят, приезжают, приходят и поздравляют,
поздравляют! Ты уже готов обмануться, но в
последний момент хватает трезвости и сил,
чтобы понять — придет завтра и про тебя сно-
ва все забудут.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ИМПЕРАТОРА В ЧЕТЫРЕХ СТРОКАХ

Цвет оброненной на балу перчатки дамы
дворца парадным цветом станет.
Где смерть влюбленного найдет —
забитого гвардейцами монарха.

(Из краткого курса истории
династии Романовых)

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Устал от России
заблудший мессия.

Нервный тапер расстегнул кобуру рояля
и, собравшихся страстным взором жаля,
белый танец для дам объявил.
В стороне, у холодных перил,
прислонившись погоном к колонне,
взглядом в даль, словно ангел к мадонне,
отрешенно стоял офицер.
Изысканных, видно, манер.
От мелодии дрогнули плечи,
взгляд теплее стал, будто бы легче.
Дама с шагом в такт музыки вальса
в реверансе, изяществом пальца
пригласила на танец его.
Не к венцу, не на плаху — стать парой всего.
Офицер галантно каблуками щелкнул,
точно капли смахнул,
под дождем если б мокнул.
И в ритме танца по залу повел,
о пышный шурша сапогами подол.

Так кружилась, вальсируя, пара:
режим, в лице офицера, старый
и революция — барышня юная.
Так тропинка колышется лунная
по волнам в ряби ветреной,
где дороженьки нет иной.

РАССТРЕЛ РОМАНОВЫХ,
ИЛИ КОММУНИСТЫ – ВПЕРЕД!

(Гибель династии)

Дырки в стенке — места для иконки.
Стоя в исподнем, стойко исполнил
«Боже, Царя храни!»
Но плевали на Бога, паля, они.
Стреляли повально во мраке подвальном.
Добили всех и пошли наверх.
Пить самогон за плечи без погон.
За равенство, братство, за баб и блядство!
Стакан в двести грамм для ЦК телеграмм:
срочно прислать! — из-за пьянки не встать.
Привели в исполнение без всяких сомнений.
Пал мироед, сотрем его след!

Но сквозь дырки в стенке — места для иконки,
снова тоном, тихим стоном
звучит — кровью в висках стучит:
«Боже, Царя храни!..
Пусть их, — за смерть не брани...»

ВНОВЬ УГРОЗА ВОЙНЫ (Казачья дума)

Скрывать не будем —
будем маску срывать.
И так без маски
по жизни шагать!

Отбывать можно и наказание,
а можно и в путь.
Важно себе признание,
как хочешь ты круг замкнуть!
Круг жизненных правил и целей.
Желаний, потребностей круг.
Устанешь когда от дуэлей,
возьмись вместо сабли за плуг.
Вспаши и засеи что захочешь,
взойдет пусть оно сполна.
Увидишь — то, что пророчишь,
смоеет реалий волна.

Волна корректив и правок,
вмешательств жизни волна.
Из писем в завтра отправок
одно долетит — война.
И вместо жатвы дородной,
в радость когда урожай,
натянешь сапог вновь походный,
бросишь вызов врагу: «Угрожай!»

ЗА КИЕВСКУЮ РУСЬ!

Возьмем в рамочку,
нальем рюмочку.
Горбушку на чекушку,
а внутрь туда — медаль.
Как близко смерти даль!
И ни к чему награда,
когда вдова не рада
известье получить,
что впредь одной ей жить!
Что меж собой славяне,
как в прошлом басурмане,
штыками делят Русь.
И боль уже — не грусть:

рвет душу миной в клочья!
Ни днем уже, ни ночью
покоя не сыскать.
Больничная кровать,
палатка полевая —
подруга боевая,
да сырость блиндажа
от «града» тиража
бетоном укрывает.
Русак и укр, бывает,
не целятся в упор
ни в солнечно-блакитный,
ни в царский триколор.
Трезубец иль двуглавый
и левый или правый —
в чем разница, браток?!
Течет по жилам нашим
славянской крови ток.
За Киевскую Русь
вина, как братской крови, —
я досыта напьюсь!

ДЕРЖИШЬ ЛИ ПОСТ, СЫНОК?

(Письмо к матери)

Наказал Бог соблюдать пост.
Но солдатам плевать, здесь блокпост.
Гнилая тушенка
вприкус с сухарем,
и от страха мошонка
сжалась так, что орем!
Когда нас поливают,
как из душа, свинцом.
Градом мин накрывают,
словно Света концом!
К утру, чтобы выжить,
нужно бить самому.
Во тьму рожок выжать —
авось попаду!
А Господа, мама, не забываю.
Каждый раз, лицом в грязь
Светлый образ Его вспоминаю.
Прости нас, грешных!
...Как там наша буренка,
не отелилась еще?..

К ХОХЛУ РУСАК С РУКОЮ МИРА

Спасибо деду за победу,
одна на всех она была!
Теперь, куда я ни поеду,
сплошные дедовы дела...

Штык в землю, брат, идем домой.
Навоевались мы с тобой!
За пашню, уголь, герб и флаг,
да за химерных власти благ.
Что детям скажем? Старикам?
Ответим что фронтовикам?..

ЗДРАВНИЦА ТОГО СВЕТА

Культуры обрушение —
иностранцев обрусение.

На справленной тризне
по гиблой отчизне
чужбине здравицу пропеть —
верблюда в игольное ушко продеть.
В небесное царство богатым войти,
чтоб нищими духом себя там найти.

В ОКОПЫ СО ШКОЛЬНОЙ СКАМЬИ

Тяжело в учении?!
Еще тяжелее в бою!

Вернем поэзию за парту,
пусть обучает детвору!
Пусть ляжет контуром на карту,
пусть всем придется ко двору.
И если школу ей обрámят,
пронижут рифмою урок,
то только ею будет ранен
обутый в будущем в сапог.
Надевши хаки гимнастерку,
надраив бляху от ремня,
забудет вряд ли, что пятерку
он получил, стиху внемля.
Стиху, где рифмою сплетенный,
размером слаженным скреплен,
любовью, миром обретенный,
навек жив остался он.

МАКОВАЯ ЭЛЕГИЯ —
NEVER AGAIN!

(Речь павшего бойца)

На поле битвы собираю мак.
Болью от бритвы мерещится враг!

Тычу в ступку пестиком —
растираю мак.
Ноликом и крестиком
заполняю мрак.
На полях просеченных
алым морем цвет.
Свечками засвеченных,
где живых уж нет!
Полегли солдатушки
охапками жнивья.
Передайте матушке,
что, мол, жив и я!

* * *

Пыль в бетон
вбивать ногами —
сапогами, сапогами.
Марша строгими шагами.
На затоптанном плацу
все пасут одну овцу.
Хороводы водят строем —
разве мы того не стоим?!
Дружно в койку,
раз отбой.
То сирена или вой?
Строй!
Строй!
Строй!

ВЗГЛЯД ПАЦИФИСТА

На войск параде,
на мавзолее — в засаде.
Парад пород,
где каждый род

свой разевает
зев и рот.
И клюв, и дуло —
ветром сдуло
всех от парада
Вельзевула.

ПЕРЕДОВИКАМ ПОЧЕТ!

(Для ностальгирующих)

Доска почета —
тоска по счету.
Подсчету поголовья
под мрамор изголовья.
Алтарь вождя с личиной —
единственной причиной!
Почета доска.
Тоска...

СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Такая милая,
такая близко дорогая!
Такая ощутимо зрима,
во всем так в жизни помогает!
Носиться с нею только в радость,
вот без нее все будни в тягость.
Такая щедрая на ласканья —
звезда, скрепленная на лацкане.

НЕРУКОПОЖАТНОСТЬ ВЛАСТИ

С трибуны к трибуналу —
логичному финалу —
диктаторов почаше провожать!
Как подлецам, руки не жать!
Не жать, но ею призывать к ответу.
Из рабства тьмы чтоб вырываться к свету.

ПЕРЕКЛІЧКА ВРЕМЕН, ІЛИ КОРНЯМИ В ТРАДИЦІИ

На речке так бабы били
 в старину белье —
вальками рьяно колотили.
Так в поле цепом молотили.
Дубинками
 как паренька с плакатом
вчера на площади
 в погонах люди отходили.

ОТ КОРМЧЕГО КОРЧИТ!
ИЛИ НАЗАД В БУДУЩЕЕ!

Главное условие —
чтоб среднее сословие
прослойкой жировой
поддерживало строй.
Духовные скрепы —
следовать слепо
власти призывам.
Совместным заплывом

врагам показать,
что нас не сломать!
Вот кажется только,
что общая стройка
все силы кладет
на рельсы пути,
что обратно ведет!

НЕУЖЕЛИ ВНОВЬ: БУЛЫЖНИК — ОРУДИЕ ПРОЛЕТАРИАТА?!

Когда на помощь взор зовет...

Как-то в сутолоке метро я встретился взглядом с человеком, чей жалкий вид молил о помощи. Тронутый очевидной бедой, я не отвел взгляд, а попробовал понять причину такой раздавленности незнакомца. Тут же заметил двух молодых людей в штатском с затертыми форменной фуражкой лбами, которые по обе стороны теснили беднягу к выходу. Из-под плаща, накинутого на сомкнутые у груди руки этапируемого, поблескивали защелкнутые на запястьях наручники. С тех пор, когда взор случайного прохожего, пусть подспудно, источает нотки просьбы об участии, мой взгляд

поневоле падает на кисти его рук в поисках наручников.

Порою кажется, вся страна вперемешку поделена на тех, чьи руки накрыты плащом, и тех, кто оттесняет их к выходу. Неужели размежевать перемешку, отсепарировать стороны смогут только баррикады?!

Странно думать, что Европа считает Ленина азиатом... А что до России?

БРОНЕЖИЛЕТ ВМЕСТО ФРАКА

(Гастролер по фронту)

Поле боя в полмира
открылась Пальмира
с черного хода.
С Нового года
в Алеппо нелепо руины,
мощеньем где мины.
В пенных приборах
тонет Латакия.
В прицельных приборах
стонет — видел я так ее.
Моя Сирия.

ПОЛЕТ НАД СИНАЕМ

(23 минуты неба)

I

На бархане один
там стоит бедуин.
И беду бедуин
от крыла отведет —
будет добрым полет,
смоет соли налет.

II

Пылью режет глаза,
разразилась гроза.
И от ветра слеза
предвещает беду,
будто в жара бреду
пути в казни ряду.

III

Как чудной эпатаж,
вдруг взбрыкнул фюзеляж.
И покинутый пляж
догоняет песком.
Им першит в горле ком,
опустеет вдруг дом.

IV

Как пустыня мала
для размаха крыла!
И была не была —
рвется брюхо борта,
с пеной страха у рта —
крепость сердца не та.

V

Ни к чему тот загар,
где пожара угар.
И кто млад, и кто стар
все остались в Синае.
Никому на то не пеняя,
ничего в миру не меняя.

VI

На бархане один
все стоит бедуин.
И беду бедуин
от крыла отведет.
Будет долгим полет —
рейс их в вечность уйдет.

РУССКИЙ ДЗЭН

Между выдохом и вдохом
вечность притаилась.
С бубенцами скоморохом —
жизнью притомилась.
В рукомойнике шутом
спряталась забавой.
Как мужик в руках с кнутом
гонялся за бабой.
Как по ярмарке в узде
медведя водили,
потешались как везде —
медовуху пили.

Балалайкой в три струны
душу напрочь рвали.
От России — той страны —
осталось что? Едва ли!

РАССВЕТ

Пролетела птица,
и фонарь потух.
Путру не спится —
будоражит слух
трель запевной птахи,
вестницы зари.
Как ночные страхи,
гасят фонари.

* * *

Короткая ночь коротается легче.
Успеть соловей старается певчий
пропеть трель подруге
за ночи потуги.
Часок-то, другой,
и ночи — отбой!

* * *

Так волны чуть слышный всплеск
дополняет солнца блеск
в заре тихого прибоя.
Выигранного с ночью боя.
Торжество рассвета —
жизни тождество!

ПЕРВОЕ ПОЛНОЛУНИЕ ГОДА

Луной испачканная темень
отмоется росой к утру.

Теплый, влажный луны окатыш
нефритом светлым завис в пелене.
Факельным стражем хоронит закаты,
мажет потемки в серебра белене.
Краски серебряной вдоволь хватает
на весь бескрайний тьмы окоем.
К утру эта краска расплывом растает.
Тьмы также не будет и тени на нем!

ГОД ПЕТУХА, ИЛИ ВЕСЕННЯЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

Петух весну прокукарекал —
она с капелью уж грядет!
И цирк давно уже приехал —
калошей клоун снег гребет.
Руками комья собирает,
слепить все бабу норовит.
Берет морковь, нос приставляет:
для бабы важен носа вид!

ИВА-ИВУШКА МОЯ

Вот оно, природы диво —
расцветает робко ива!
Почки тужатся пушком,
стряхивая снега ком.
Под снегом или без,
в цветенье или в листьях,
для тех, кто полон грез
и чувством полон в мыслях,
всегда она красива —
плакучая-то ива!

* * *

Он не ваш — Крым, не наш.
Он ее, Крым — сосны!

Грация силуэтной линии —
ствол с пышной кроной пинии.
Под зонтиком сизой хвои —
исцеленьем душевной хвори.
Терпкий запах коры смолянистой,
как бокал с шампанским игристым,
предвкушеньем слегка томит —
вдохновляет пинии вид.
Сотни лет над ущельем свисает.
Замерла — и в порыве вся тает.

* * *

Как старый, весь в морщинах грек,
олива замерла под солнцем.
И благодать в себе и грех
скрывает кроной, словно шторкою в оконце.

* * *

Пополам — вдоль ствола до корня —
треснуло дерево у пруда.
По делам — хоть считаться довольно —
пруд потере вздыхает — «Да...»

НЕПОСТОЯНСТВО БЕРЕЗЫ

Куда краса листвы девалась
березки тонкого ствола?
В нее весною одевалась —
сережками к себе звала.
Слезой сока все дрожала,
шумела кроной, как прибой.
Трель соловья опережала
под просьбу ветра: песню спой.
Сейчас, осеннюю порою
под бурей стонешь — не поешь!
И соловья уж нет с тобою,
когда дождем ты слезы льешь.

* * *

С высокой березы листва облетела —
раздето белеет красивым стволом.
Как будто не дерево — стройное тело
наряда примерку готовит — потом.

ГУСАР В ГАРЦОВКЕ ЗА СТОЛОМ

Конь в яблоках — красиво:
краса должна быть спесивой!
Гусь в яблоках — вкусно,
обглодавши косточки — грустно.
Как с гуся вода?
Ну да...

* * *

Блеск подков под ярким солнцем,
сбруи скрип под ветра шум.
Всадником по жизни...

* * *

Чем выше полет,
тем жиже помет!
(Кто летал, тот поймет.)

* * *

Боль в душе от крика птицы,
сколько ж это может длиться?!
Крик замолк, боль не ушла —
больно душенька ушла!

* * *

И мандаринок селезень хлопочет
среди плавней в поисках гнезда.
Всем существом крылатым хочет,
чтобы вошла семьи звезда
на птичьем счастья небосклоне.
Которая, когда закат утонет,
подкрасит бликом тьму в осоке.
По сути близким, но высоким.

СЧАСТЬЕ ПЕРЕЛЕТА

Как манит селезня подруга
призывным зовом в камышах!
И под крылом волна упруго
накатывает ритмом в шаг.
И птичье трепетное сердце
толчками рвется зову в такт.
Пернатому, ему нейдет
в желании вместе биться так.
В гнезде, под крыльями согретом,
уткнувши клюв в пера уют,
друг дружке пламенным ответом,
соитьем пару создадут.
Вот только песней окрыленным
весенним птицам невдомек,
что в осень, дробью опаленным,
придется пасть им под охотничий манок.

* * *

Утята выводком пернатым
забавным маршем косолапым
за уткой-мамою спешат.
Они сейчас семьей решат,
какой получше выбрать пляж,
чтоб начинать заплывов стаж.

* * *

В павлиньих перьях ворона
нелепостью гасит красу.
Хоть мнит себя примадонной,
распускающей прядей косу.

ЧЕМ НЕ ДРУГ?

Так хочу забыть морозы,
снег, метели, дождь и грозы.
Так устал голодным спать,
всюду лишь еду искать.
Верным быть хочу и сильным,
чисто вымытым и стильным.
Тот хозяин, кто ласкает,
кто к себе домой пускает.
Тот по жизни господин,
словно лампы Аладдин,
костью кто подогревает.
Ведь такое же бывает?!
Пусть я пес хоть беспризорный,
но от участи позорной
я сбежать готов всегда!
Знать бы только, где еда...

ЧТО ЦВЕТКУ ДО ЛЮДЕЙ?

Когда срывают цветок, тому неизвестно — украсят ли им праздничный стол или фату невесты, поставят ли его у постели больного или вплетут в венок покойнику. В любом случае, цветок, жертвуя своей красотой, готов подчеркнуть изяществом значимость грядущего события. Рассыпанные дуновением ветра хлопья лепестков в равной степени прекрасны у колыбели младенца, среди любовного ложа и на смертном одре. Умиление, страсть или скорбь — цветы сопровождают эмоции людей, наделяющих их соответствующим содержанием. Люди небезразличны к красе, краса же всегда равнодушна к людям.

ОДИНОКИЙ КУСТ ЖАСМИНА

Так жгуче, ослепительно зацвел жасмин.
Зацвел и ароматом вопрошает:
царица отчего ему не внемлет?
Ведь скоро лепестков ковер
 застелется под ним!
Томясь в цвету, жасмин решает —
так что же не идет она,
 чего ж так медлит?

ЦЕЛОМУДРИЕ КРАСЫ

Роспуск полный хризантемы,
словно тяжесть диадемы,
стебель клонит долу — ниц.
Восхищенных чтобы лиц
скромность взора не узрела —
для любви она созрела!

* * *

В саду проглянули пионы,
пробились ландыши — весна!

* * *

Как красиво жили раньше —
пышность красок флер д'оранжа
в шляпах вместо клумбы,
декольте как тумба.
Место для вазона
с букетом по сезону.
Господа и дамы —
от картин как рамы.
Без картины в них черно,
а с цветами вычурно!

* * *

Слезинка дня скатилась к вечеру росой.
Намок цветок — но не от того дрожит.

* * *

Искренность чаще всего нема.
Наслаждаюсь красотами склонов в снегу,
вспарывая дерзкой лыжней
дремучую девственность их...
Стих?
Стих и наслаждаюсь молча, —
вспарываю без слов!
Эхо снов...

ЭХО СНА

Красивое эхо растает
в дали благозвучных снов.
Оно собой наверстает
драгоценный в сетях улов.
В сетях соблазна из неги,
из песен сладких сетях.
Поющих сердцем элегий,
как птица в густых ветвях.

* * *

Прочертила небо комета,
распоролла бездну огнем.
Совсем рядом, в галактике где-то,
расписалась собою на нем.
Расписалась, как кровью из вены,
жаром взорванной пылом звезды.
Бурлящею лавой из пены —
непомерною россыпью мзды.

* * *

В ночи фарами слепить —
из глины Голема слепить.
Тень отбросить силуэта —
будто вспышками комета
в землю врезалась хвостом —
разводным меж звезд мостом.

* * *

Треснувшей чашкой воды зачерпнуть,
из холодного напиться ключа,
зубы льдом обжигая.
Затем, уже мокрым, в росе, рукавом
утереться, слезу ненароком смахнув...
Божественно утро в горах!

ИДИЛЛИЯ ПАСТОРАЛИ

Рожок пастушеской свирели,
тоски подслушанной рожок.
Дурманом пахнущей сирени,
туманом зябко обволок...
Росой, разлитой небрежно
по сочным травяным лугам.
Волной, бегущею безбрежно
к босым мальчишеским ногам.
Из детства вспышкой картинка
альбомным фото замерла.
У речки кущами куртинка
цветками берег замела.

* * *

Поселилась в душе приживалкою осень
с шорохом легким опавшей листвы.

СЕДАЯ ОНЕГА

Когда закроется Онега
белесой простыней шуги,
когда завесою из снега
запляшет хоровод пурги,
и золотую шевелюру
присыплет серебром на кронах;
когда сезона увертюру
завьюжит в колокольных звонах;
в бору когда застынут лоси,
храпя ноздрею иней в пар,
в Карелию приходит осень.
А с нею я, хоть сед — не стар!

ЗАВИДНОЕ АМПЛУА

Ищи-свищи ветра в поле —
меня молодого в несыгранной роли!
Любимого роли и счастья ловца.
Играл я доколе на суше пловца!
Доколе тебя не встретил —
на вопросы счастьем ответил.

ПРИКАРМАНЕННАЯ МАГНОЛИЯ

Мог ли я, моя магнолия,
в мечтах представить наш роман?
Такой прекрасной себе доли я —
припрятать счастье в свой карман!
Кармана вдоволь оказалось,
чтоб спрятать счастье для двоих.
И место там еще осталось,
чтоб не стесняться чувств своих.
Стесненность — вздорная помеха,
раскрыться крыльям не дает.
Мы выверяем путь по вехам,
как птицы дальний перелет.

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

Я дожил до встречи
со звездой путеводной —
возвышенно яркой,
маняще свободной.
Но вместе со светом
и ясность пришла:
до чего моя жизнь
оказалась пошла!
До зрелости строгой
с мукой на висках,
до крути пологой,
зажатой в тисках.
В тисках обязательств
по статусу лет,
когда выдается
в нагрузку билет.
Ценою билета —
прожитые годы.
Та или эта
ждет станция схода —
неважно совсем.

Понятно же всем —
билет выдается
в одном направлении.
Залогом берется
души наполнение.
Залог не возвратен,
сгорает пеней.
Теперь мне неважно —
со звездой я иной!

ПЕРСПЕКТИВА ЕДИНЕНИЯ

С цветов букетом в сердце.
Вот оказаться хотел бы где я —
в сердце твоём, орхидея!
Не просто плениться, а стать ароматом,
нами с тобою расцветшим богато.
Нами, в слиянии цветенья красоты.
В горизонта единой полюсов полосы.

* * *

Живая лилия цветет —
прямая линия
 всегда к тебе ведет.
Кривой же дорожкой
вся жизнь понарошку!

* * *

От весны до весны
 сберегли нашу песню,
аромат сохранили ее.
И впредь, когда вместе
 мы будем если,
то Счастье одно у нас будет —
 твое и мое!

* * *

Прочно в душу запал
чувств весенних запал.
Вместе с таяньем снега —
ручьями журчащего бега.
Вместе с щебета пробой
пробужденья час пробил!

* * *

Одна ласточка
не делает весну.
Но потухшая лампочка
располагает ко сну.
Засыпаю,
весну призываю.
С пробуждением
чтоб песней пришла.
И меня чтоб
неспящим нашла!

* * *

Весеннее обострение одних с лихвой гасится
всесезонным оцепенением других.

* * *

Кому, как не весне быть своевольной?!

* * *

Ветерок пьянит весной,
душу будоражит,
легкомысленный настрой
зимней стужей нажит.

* * *

Тепла и света вестница,
Весна моя — кудесница!

ДУШЕВНОСТИ ПЕЧУРКА

Все стихи мои к ногам твоим,
хочешь — растопчи.
Чтобы места нам двоим
хватило у печи.
Той печи, что жаром так пылает
от стихов, как от горящих дров.
Той, которая, как воздуха, желает
слышать нежной рифмы песню слов.

* * *

Под листопадом Вечной Весны
сердец обнаженности очень нужны!

* * *

Ох, что творит нимфоманка Весна!

НЕ ИНАЧЕ

Не иначе, весна как,
не иначе пришла.
Незаметно так
нас с тобою нашла.
Объявила избрание
нашей пары на трон.
Глашатаям заранее
задала вестей тон.

ЧУДО-МОЛЬБЕРТ

В цвет бланже —
под солнечный заход —
подкрашиваю также
душевность трепетных забот
о милой, зябнувшей без ласки.
И теплотой этой окраски
отогревается она —
в улыбке солнечной чудна!

ЗВОНКАЯ ЮНОСТЬ

Сушкой с маком,
с ушка лаком,
капелькой серьга —
в серебре деньга.
На шее тонкой гривна —
вьется змейкой дивно!
На груди монисто
звенит быстро-быстро.
Поясок по талии
в две пятерни едва ли.
Под ногою каблучок
рюмочкой чок-чок.

* * *

Притчей во языцех,
петлей в вязальных спицах,
байкою расхожей,
на правду не похожей,
слухами в округе —
на ушко лишь подруге,
история прошлась,
огнем в сердцах зажглась!

ВАЛЬС НОВОБРАЧНОЙ

Под аркой подарки,
над аркою герб.
Объятия жарки,
как с противня хлеб.
Фаты белоснежность,
пунцовость щеки.
Сокрытая нежность
в перчатке руки.
По талии кружев
тугой хоровод
узорами кружит,
как волнами вод.
За пышностью юбки
ажурность чулка.
Движения робки,
но страсть велика!

* * *

Под образа светлой сенью
твоею позволь быть тенью.
Хоть бледной, но верной.
Тенью на век.
Ресницами томно опущенных век.

В ПЛЕНУ ТВОИХ РЕСНИЦ

Благословенна наша страсть —
сквозь чащу будней продираясь,
мы умудряемся не класть
сердца на жертвенник.
Лишь опираясь
на пьедестала основание.
Где друг до друга расстоянье
в длину твоих трамплиновых ресниц.
Легко по ним взмывать,
желанней — падать ниц!

* * *

Когда луна зацепится за ветку,
качаясь средь листвы как в колыбели света,
я буду ждать тебя под кроной до утра.

* * *

Чтоб боль подольше
в сердце удержать.

Стуком стаккато сердце стучит —
оттого и богато, что не молчит!

* * *

Образ тигра в иконном окладе
звездой путеводной мне стелет тропу.
И губы твои, в слегка липкой помаде,
опережают поклонниц толпу.
(Два маяка.)

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Скользкий шелк волос твоих
накрывает нас двоих.
На постель он ниспадает,
вместе с негой нашей тает.
Скользкий шелк твоих волос
аромат полей донес.
Разнотравья волн под ветром
с утвердительным ответом.
Соглашением на века —
шелка пусть течет река.
Скользкий смоли рыжий шелк
в переливах знает толк.
Смолк.

* * *

Суметь до чувств своих подняться,
на дух всем сердцем опершись.

ГЛОБАЛЬНЫЙ К ГЛОБУСУ ПОДХОД

Келейно с милой обсудить,
как планете в целом быть.
И решить вдвоем в итоге,
что планете-недотроге
лучше вовсе перестать
мир делить на «лечь» и «встать».
Зря ворочать полюсами,
сквозняком под небесами.
Сутками кружить на месте —
миллиарды лет уж вместе!
Вместе с Солнцем и Луной.
Не пора ли на покой?!
Хватит жизнь делить впустую
на «тружусь» и на «бастую».
Днем работать, ночью спать.
Прометеями восстать
нам с подругой захотелось —
слишком долго уж терпелось!
Долго пояс часовой
разделял нас, как конвой!

* * *

Тебя порицать,
как судьбу прорицать.
Пифии дело —
слишком быть смелым!

* * *

И, как водится, греховодница
путеводной мне стала звездой.
На постой к ней прошусь, на постой.
Манкировать страстность
сил больше нет —
да здравствует гласность,
как утренний свет!
Всем объявляю влюбленность свою,
что в звездном строю страсти стою!

НЕ ВЛЕЗАЙ — УБЬЕТ!

Шаровая молния —
вспышку страсти помню я.
Электричество разряда —
вольт шкалы не хватит ряда.
Напряжения зенит —
сердце зуммером звенит.

БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ

На закате, на рассвете
приезжай в своей карете!
В полдень, в полночь, хоть в сиесту —
в любой час ты будешь к месту!
Хоть с утра, да хоть под вечер —
я стихами тебя встречу!

* * *

Заря Серебряного века
под лунной ночи серебром.

Я вкуснее не знал поцелуев,
чем с Жоржеттой, прижавшись к стене.
И хоть я презираю буржуев,
не торгуюсь я с ней о цене!
Отдаю все свои сбереженья
за миг встречи короткой вдвоем.
Ведь такие кредитовложенья
наслажденьем вернутся потом!

АРОМАТ БРИЛЛИАНТА

Ароматом сказки новогодней
образ твой волшебный в мир пришел.
Алмаза блеск в породе горной
внезапно обнажит так скол.
Чтобы его чистая прозрачность
заиграла радугой в лучах,
заявляя превосходства однозначность
бриллиантов — в бликах при свечах.

* * *

Грущу о тебе светлой грустью любви,
а вечер в окне тихим снегом кружит.
Белым,

пушистым
и чистым,
как грусть.

* * *

Пешком бы побрел —
Иисусом по водам
дошел бы к тебе!

СТРАСТИ ПО КОМ МЛЕЮ

Который год уж Страстная неделя.
Тебя увижу я сегодня —
в сиянье легкий полумрак.
Под воскресение Господне,
что ты грядешь, уместно так!

К СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЕ ЗА ТЕПЛОМ

Драпировка снега кисеей
сцену разукрасила по небу.
Где земли подмостки полосой,
по которой я к тебе поеду.
На санях, на лыжах и пешком.
В валенках, сугробы пробивая.
Как для бабы снежной белый ком,
я цветы из льда тебе катаю.
Чтоб с букетом звонким хрусталя,
северным сиянием бликуя,
на оленях бы домчался я
в вечность мерзлоты — от чувств ликуя.
Чтоб твоя надменная холодность,
Королевы Снежной белизна,
статности чуть хрупкая дородность,
мраморная бедер крутизна
колыхнулись, дрогнув от волненья —
щеки из-под инея пунцом.
Вот тогда все прошлые сомненья
обернутся радужным венцом.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ ОЖИДАНИЯ

Четверть века ждать рожденья,
чтоб за твердость убежденья
силой страстности воздать —
на пути звездой предстать!

ВОТ ОНА — СО ВЗГЛЯДА ПЕРВОГО...

Встреча как молния, гром — гроза,
потом накрывает лавина.
Когда в первый раз мы глаза в глаза —
и нет сомнений: твоя половина!

* * *

Мимолетной нам хватило взглядов встречи,
чтоб в друг друге вспомнить все.
Вспомнить будущего страстность,
вспомнить прошлого родство.

НАДОЕДЛИВЫЙ КАННИБАЛ

Душа в теле —
чувства в кляре.

Я тебе надоедаю
и когда не доедаю,
и когда я сыт вполне —
ты всегда живешь во мне!

ШАТКОСТЬ ОДИНОЧКИ

Когда один —
я часть.
Когда с тобой —
мы целое!
Хромому легко упасть,
как замарать белое.

РОССИЯ — USA

(Объявление, что прошлое — будет!)

Вроде сущая безделица —
телефона владелица,
но владычицей кажешься ты.
Одним нажатием кнопки
единишь континенты —
миры.

Голос доносишь
с полшара земного дали.
Не богине под силу едва ли
подобное чудо вершить.
Бархатом голоса,
как золотою ниткою, сшить
океаном распоротость судеб.
Объявив, что прошлое будет!

ЯСНОСТЬ ПОЛЕТА

Яснее ясного, что ты
быстрее возносишь,
чем лифты!
И в этом духа воспарении
мне очень нужно одобрение.
Твое согласие на взлет.
Всего лишь шепот: да, вперед!..

НЕ ЖЕЛАЕМЫЙ СОН — ЖЕЛАННЫЙ!

Пусть же не только разум —
чувства пусть кружит сон!
Колдовской вереницей охватит пусть сон
и разум, и чувства — душевности тон.
Образом сладким пусть кружит она,
сказку сплетая из нежного сна.
Пусть образ знакомый, до боли родной,
останется тайной — меж мной и тобой.
И тайну мы эту свято храня,
сном насладимся — друг друга пленя!

МАЭСТРО К ПРИМЕ

Ты слышишь,
как в нашей чудной увертюре
рождается симфония?..

Будь моей в ней первой скрипкой.
Буду в ней я дирижер!
Звонкой будь, изящно гибкой —
Мастер я, а не стажер!

* * *

Как к иконе — с поклоном к тебе приступить.
Пригубить и испить всю до донца — без конца.
Моя бесконечность.

* * *

Ты мое нельзя!
Мой неприкосновенный запас.
Чтобы берег не зря.
Чтоб, когда невмоготу — спас!

* * *

Переживать мирозданье единой с тобою
душой...

* * *

Взглянул и отпрянул — бездна!

Как же тяжело Любить! Это почти так же,
как держать на плечах Небо — под силу только
атланту. Когда восторг осознания, что ВСЕ
СЧАСТЬЕ — ТВОЕ, оборачивается невыносимостью
Его огромности.

БОЛЕЗНЬ САМООБЛАДАНИЯ

Так сладко, так больно
болею тобой!
Так гладко, так вольно
владею собой.

* * *

Отражение — дублер души.

Мы ловим взгляды в зеркалах,
чтоб вместе победить безумья страх.

* * *

Ты помнишь, что танго
танцуют вдвоем?

Две капли памяти на тапочке твоём.
Две капли — помним и поём!
Поем о том, как мы вдвоем
огонь танго прожгли на нём...

* * *

Кто бы мог подумать, что можно до боли
обжечься взглядом о тапочки!
До стоны — об обычные тапочки,
ненароком оставленные в прихожей.

ИГРЫ ТИГРИЦЫ

(Влюбленный зомби)

Я как зомби хожу
и шепчу твоё имя.
В сердце встречи ношу
и колдую над ними.
Лицом я доверенным буду,
колдуном из религии вуду.
Души кровотоцит изнанка,
саднит её страстности транс.
Владычицей властной шаманка
пускается в чувственный пляс.
Меня ворожит этим плясом,
дрожью бедра ворожит.
Так тигрица играет с мясом,
когда тигру кусок сторожит.

ЦЕЛИНА ПОД ПАРАМИ

(Таинство рождения)

Души дремучие угодя
любви распахивает плуг.
Чтоб страсти чистой половодье,
сменилось восходом счастья вдруг.
Когда волной заколосится
желанной нивы полотно,
и любящих друг друга лица
вдвоем засветятся в одно,
тогда и жатва урожая
блаженством выстелет жнивье.
И мы с тобой, дитя рожая,
с колен благодарим ее.
Ее — Любовь, и душу тоже.
За дар нам смысла бытия.
Что чувства может быть дороже?
Дитя! Ведь знаешь ты, и знаю я.

* * *

Кусаю губу,
удержать чтоб слезу,
когда понимаю, что вместе
мы — океан.

Я ревную тебя к океану,
обнимает что с шумом твой стан.
Твое тело, где нету изъяна,
твою душу с отсутствием ран.
Совершенство твое понимая,
с восхищеньем в волнении шипя,
мимолетность твою принимает
и безумно желает тебя.
Омывает и стопы, и плечи,
вокруг талии бурно журчит.
Обещает волной, что излечит
от той боли, что в сердце стучит.
Но по сути соленая прокипь
разъедает, и даже саднит.
Я, конечно, на деле не против,
если нас он с тобою роднит!
ВМЕСТЕ МЫ — ОКЕАН...

* * *

Тобой — звездой взошедшей
на неба пьедестал —
свою судьбу нашедший
богаче счастьем стал.

БУДЬ СОБОЙ!

(Елейная моя)

Чтоб на душу лить елей,
нужно просто быть смелей!
Но не лестью липкой нити,
с просьбой: нити не порвите,
а от сердца — чистотой.
Чтоб с любимой вместе, с той,
образ чей дороже жизни.
Без которой слишком низмен
нами пройденный уж путь.
Чтоб призыв: «Собою будь!»
лег на душу тем елеем,
от которого сомлеем.

* * *

Я поцелуем встречу каждую волну,
что с шумом меня страстно накрывает.
В своем же поцелуе утону —
такое ведь со счастьем и бывает.

* * *

Так и быть! Как позволение,
как примирение — согласие.
Как повеление и приятие.
Так и быть. Так тому и сему — быть!
Себе верным — примером прослыть!

* * *

Сродни роднику — припасть к двойнику,
чтоб силы удвоить — того чтобы стоять,
что жизнью зовется. Когда уж неймется.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ
ПО ФИБОНАЧЧИ

(Синергия)

Никак в гармонии иначе —
лишь цифры в строе Фибоначчи!

Мощь двоих — не дважды мощь,
минимум четырежды!
Каждый, чувствуя единство,
прибавляет сил — вдвойне!

РОГ ИЗОБИЛИЯ ЛЮБВИ

Поваренной солью, проверенной болью
присыпь крошится любви порошка.
Как порох на рану — из обилья рожка.

ПРОПОЛКА
НА ГЕНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ
(Расовый — не классовый подход)

В нас с тобой играет кровь от скифов,
мы с тобой исчезнувший народ.
Для кого-то это труд Сизифов —
сохранять собой потомкам род.
Но ведь мы-то знаем без сомненья,
знаем мы, скажу наверняка,
что любая встреча — провиденье.
Нам решать, где всходы сорняка.
С корнем что полоть, а что лелеять —
чутко поливать и удобрять.
Так, чтоб от побегов робких млеять,
благости все в них уподоблять!

ЦАРИЦА

(Сон яви)

Звезда, богиня, жрица.
Все в скифской той царице,
что с трепетом люблю!

Со статью скифской царицы,
благородством ее красоты
довелось тебе в счастье родиться —
с небесной сойти высоты.
Лоснящийся тугостью волос,
обводов изящества стан.
С шелестом бархата голос,
подчиняющий волю всех стран.
Царицы по сущности грани —
так естественны, так ясны!
От воздетой во благости длани
вдруг явью становятся сны.

ПРИЗ ЗА РОЛЬ ВТОРОГО ПЛАНА

На вторых или третьих ролях
 пребывать — неважно,
лишь бы услышать
 твой голос однажды.
Голос с тихой глубиной,
каким скажешь:
 «Навеки ты мой!»
На жизни задворках
 готов прозябать,
только бы сын мой
 назвал тебя *мать*...

НА ПУТИ К ЦАРИЦЕ

Одно ты не смеешь —
забыть, что царица!
Легко грань развеешь,
где явь — небылица.
Где сказкою ждут будни,
игры чудес полны.
Под парусом, где путник
попутной ждет волны.

ПЕРВЫЙ УРОК

(Передача традиции)

Картины Рериха — уроком —
плывут сознанием миража.
Настолько близким нам Востоком
крутого жизни виража.
Высок и чист Тибет в картинах,
недосягаем для толпы.
Но целым в двух мы половинах
восходим духом — я и ты.

КОМУ ДОВЕРЕНО ДОНЕСТИ?

Быть может, мы с тобой единственные, через кого должна прийти Благая Весть Смысла Жизни в этот бренный мир. Ведь когда-нибудь через кого-нибудь этот смысл обязательно снизойдет!

НАСТАВЛЕНИЕ

Молитвенный коврик
изменит твой облик
внутри и снаружи.
Присядь — обнаружишь.
Шершавость подстилки
струною прожилки
заставит звучать.
Собой излучать
благодати сияние —
с Абсолютом слияние.
И слившись с божественной сутью,
своею взволнованной грудью
почувствуешь жар от огня.
А значит и бога — меня.

* * *

День хрупкой гармонии —
твоей хрупкости день.
Равноденствие — счастье мое.
Благоденствие.

От уха до уха вместилище духа.
От макушки до пят дух этот свят!
От моей макушки до твоих пят.
Нами он свят!

Ты мне сегодня снилась —
трудилась над парчой!
И мне до яви мнилось,
что, будучи ничьёй,
парча твоею стала.
Трудом ты наверстала
всю лень своих сестриц,
чей труд из небылиц.
В твоих движениях пряжа,
узорами плетясь,
и с локонами даже
вилась, как вьется вязь.
Неспешно, ровно, плавно,
размеренно дыша.
Чиста душой и славна —
в парче ты хороша!

Твоя суть — повеленье:
собою светить.
В том небес изъявление:
мир собой освятить.

Мы с тобой не от мира сего.
С тобой лишь вдвоем всего.

На нас двоих и остальных —
любовь так делит мир.

Не в то время пришли мы в мир,
 не в том месте.
Но вместе! Главное, что вместе.

ПРИЗРАЧНОСТЬ ОБЛИКА

(Печать мгновения)

Марья Моревна —
из сказки царевна.
Сказки волшебной,
полной чудес.
Болью душевной
вечности срез.

* * *

Знаешь же — для меня ты жизнь.
Да что жизнь — знаешь же, что много больше!

* * *

Мы с тобой равносильные в неизмеримо
сильной любви.

МОЯ ВЕНЕРА

(Зримость образа в разлуке)

Сквозь ледящей разлуки стужу
страстно шепчу: выбираю я ту же!
Ту же, что выбрал однажды навек,
как вырыл Венеру милосский грек,
поколеньям оставив мученье разгадки —
как продолжались предплечий остатки?
Обломки с покатых изящных плечей.
Образ безрукий — прекрасно ничей.
Быть может, кувшин или амфору с медом
они подхватили, собравшись нести.
Чтоб грациозно, божественным ходом,
крестьянки простой ритуал соблюсти.
Сердца избранница столь же прекрасна,
и руки при образе — косу плетут.
Не надо гадать нам в сомнении напрасном,
куда от плечей они плавно идут.

LULLABY ДЛЯ ПОДРУГИ

С тобой в раю проснуться —
губами губ коснуться...

Заронила, ранила
ревность ты во мне!
Всё затем уладила
в вещем сладком сне.
В том, где мне приснилась
верною женой.
В том, что раньше мнилось,
не ты тому виной!
А во сне мы с доченькой
за руки идем.
Светлой летней ночью
тихо мы поем.
Ноченькой, как сказкою, —
чудеса кругом
озаряют ласкою
наш семейный дом.

* * *

Милые бранятся — только тешатся.
На то равняться — лучше вешаться!
Милая, не с бранью к тебе —
с избранностью.

* * *

Цел и невредим —
тобой лишь победим,
вернулся с зарубежья,
чтоб утонуть в безбрежии
волшебных ласк твоих.
Я обожаю их...

* * *

Все влюбленные говорят друг другу одни
и те же слова, но почему-то не хотят, чтоб их
услышали другие.

* * *

Взошла над морем
яркая луна —
для нас одна.
На двух краях земли.
Чжан Цзюлин

Какая мелочь — океан!
Как для прыгучих обезьян
на пальму с пальмы перепрыгнуть,
так мне, чтобы тебя достигнуть,
другое надо полушарие накрыть.
Накрыть, и старый континент
по-новому освоить.
Нам счастье так легко построить!

* * *

Оправданием, отделяющим влюбленных от фантазеров и лжецов в их обещаниях несбыточного, является истовая вера влюбленных в исполнимость своих клятв.

ТАБУ ДЛЯ ПОСТОРОННИХ (Стерильность чувств)

Никто не смеет там бывать,
где наша лишь с тобой кровать!
И даже горничной услугу
мы принимаем лишь с натугой.
Мы вынужденно уступаем,
где мы друг в друге сладко таем.
Должно быть чисто там — как на душе.
Чтоб слиться мы могли — уже, уже...

АДАМ И ЕВА, ПОЗНАВШИЕ НАГОТУ

Закрыв глаза, почувствовать до дрожи,
как ты мое ласкаешь тело взглядом.
Открыть свой взор, подернутый дурманом,
и эхом окунуться в твою
с манящей негой
наготу.

ЗВУЧАЩАЯ ЧАША СУДЬБЫ

И пот, и слезы под дождем —
всего лишь капли влаги.
Дождь мы с тобою переждем
и, полные отваги,
решимся слез не лить.
Лучше в поту трудиться!
Мы сможем многого добиться,
коль из единой чаши будем пить.
И многое преодолеть,
коль чаша нами будет петь.
Вслух прославляя наше откровение —
взаимной страстью окрыление.

НЕОПРЕДЕЛИВШИЙСЯ С ИСКУШЕНИЕМ

Когда семь пятниц на неделе
и дождика не ждешь в четверг,
и если страсти на пределе,
ты знаешь, что в себе поверг.

ЧУВСТВЕННЫЙ ДАЙВИНГ

Губ услада — вкус орала.
Ты мне нужна, как воздух,
не просто воздух — воздух под водой!
Когда удушья цепкий хват
не оставляет шансов на спасенье.
И в том возможное везенье,
чтоб воздуха глоток
загубника губами передать —
рот в рот.
Вот. ...Мед.

СТАРАНИЯ ЮВЕЛИРА

Так тебя гранить, чтобы не ранить:
и душу страстью шлифовать,
и бриллиантовую стать.
Чтоб бриллиантовою стать.

* * *

По расчету по чьему
я теряю почему
то, что может счастьем быть,
если страстью не остыть?

ВИЗИТ ТВОЕГО ОБРАЗА

С грудью точеной
и талией в рюмочку,
легко облаченной
в тесную юбочку.
Тонкость коленок
под сеткой чулка,
будто с пеленок
для каблука.
Будто с рожденья —
ногтей маникюр.
Как снисхождение —
шарф от кутюр.

* * *

Узоры ажурности
на стройной наружности.

Белья ажурность
на стройной фигуре,
как фраз дежурность —
чадра натуре!
Украшение красоты
для лишения наготы.

ПАМЯТКА НА ДЕНЬ

С первым утренним вздохом
признаться в любви.
День провести, восторгаясь тобою.
И в ночь засыпать, шепча имя родное...

* * *

Одинокой звездой над тобой
в звездной россыпи
благость твою берегу.

* * *

И осень, бывает, от любящих жара
пышнее весны любой расцветет!
Когда в ней та самая — жаркая пара
самозабвенно свой танец ведет.

* * *

Ты спросишь — пара мы?
Еще какая! — я отвечу — факт!
Но остальное разрывает в клочья...

* * *

Не венцом, так свинцом
обручи меня, жизнь...

* * *

Как золото моют драгой,
так я переполнен отвагой,
чтоб самородок в породе отмыть.
Из него чтобы счастье отлить.
Высшей пробы — час наш пробил!

БИЗНЕС-ЛЕДИ

Расписан весь день твой и вечер.
Деловые поездки и встречи.
Повсюду мелькает твой след.
Жаль, меня в расписании нет.

* * *

Придут иные времена —
с тобою наши имена
упоминать как символ будут.
Того, чего уж не забудут.

* * *

Ты не бросаешь слов на ветер —
звучат скрижалями они!
И если б я тебя не встретил,
то путеводных слов огни
мне все равно в дороге бы светили.
В итоге б душу приютили
в высоком храме чувств твоих.
Священных чувств для нас двоих!

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Слез соратница и смеха,
переполненности чувств.
Главная в судьбе всех века —
самый ценный в жизни груз!

НЕ ПРОТИВ?

Порой я буду беспокоить
тебя из дальних берегов.
В мечтах с тобою замки строить
из взятых вместе городов.
Мы крестоносцы по призванью,
в своей мы миссии тверды!
Хотя и нет еще названья
уже светящей нам звезды.

* * *

Быть компасом в твоих руках —
что может быть ответственной, приятней?
Лишь только от потери страх
мне помогает ощущать все внятней!

* * *

Ресниц распахнуты бутоны —
невосполнимы слез уроны.
Стон в тон — хрустальные звоны...

* * *

Как стог из копен состоит —
травинок тьму в себе таит,
так море чувств волною страсти плещет —
дождинками из вздохов хлещет.
Вздыхаю по тебе.

* * *

В твоей скупой душе копаясь,
купаюсь я в бездонности ее.

Алым ручьем кровь голубая.
Обнаженным плечом любовь покупая,
ступая, небрежно ступая...
Насколько скупая благодать твоя.

* * *

Изнывая, возрождаюсь —
предвкушеньем наслаждаюсь!
Без тебя, как голый на морозе,
долго я не протяну!
В самой жаркой стою позе,
я совсем не против «ню».

* * *

Ты чиста душою,
как горный источник.
Я полон тобою,
как линия точек.
При в линии точек
такой частоте
я весь пребываю
в твоей чистоте!

* * *

Восемь тамбуров в четырех вагонах,
в каждой станция — тормози!
Я в объездах твоих, как в погонах.
В эполетах, гром разрази!
В золотых эполетах из локонов,
слегка спутанных под рукой.
Как из тесными ставших коконов
мотыльком улетает покой...

ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ ПУТИ

Образ твой со мной миражом,
как сквозь строй — невостребованным
тиражом,
за окном все мелькает дорога.
К тебе ведет, хоть и рельсами строга.

* * *

Никаких не хватит рельсов
проложить для наших рейсов.
Ни воздушных портов, ни морских
среди судеб чужих людских.

* * *

В свое купе из вагона-ресторана
не так просто сквозь строй пассажиров
пройти.
Когда ноет так сердца рана
в долгом разлукой пути.

КАЗИНО ЛЮБВИ

Играть до седьмого пота,
чтоб три медальона джекпота
фортуной капризной пришли.
Пришли мне, царица, пришли
напутствие к счастью пути,
чтоб смог я тебя найти.
Дай мне джекпот сорвать,
чтобы тебе отдать
счастья всю полноту.
Ту манящую, желанную ту,
что зовет всех волшебным светом.
На вопросы главным ответом.

* * *

На голове моей ладони —
давят легкостью чуть вниз.
За наслаждением в погоне
следую за ними — ниц.

* * *

Со мной всегда твоя подвязка —
томящая собою сказка...

И сладость сна в подвязке нежной,
в ее чарующе безбрежной
причастности к твоей волнующей ноге.
Ноге как неге — как к тебе.

* * *

Взаимность чувства —
разговор двух зеркал.
Светло и грустно —
отражением каждый стал.

* * *

Сердце закалка —
чувств бурелом.
Нужна смекалка,
чтоб выжить при нем!

* * *

В ночь самолет метель сметает
со взлетной полосы.
Лучшая награда —
избавиться от ада!

Помнишь, как сказала ты мне — не пущу!
И я смиренно остался рядом.
С тех пор с благодарностью я грущу,
самолет провожая взглядом.
Ведь, если б тогда ты меня отпустила,
уступив моему порыву,
то одна бы теперь грустила,
отдав меня самолета взрыву.

* * *

За неупущенное будущее
из востребованного прошлого
благодарность с поклоном шлю.

БРИЛЛИАНТ ЧУВСТВ

(Боль моя родная)

Ты соткана из сладких грез —
прозрачна светом, мой апофеоз!

Как две капли мы похожи,
пробы чистоты одной!
Откровеньем в сердца вхожи
только вместе мы с тобой.
Чистота прочней алмаза,
чище святости самой.
Как слеза любви из глаза,
блистаю я своей родной.

* * *

Ты родная до родинки,
до ногтя родная.

Дуновеньем ветерка,
лептой в кладку мастерка,
рук твоих прикосновенье —
сладкой вечности мгновенье.

* * *

Под шепот пройденных дорог
от трепета я млею...
Ведь пройден нами тот порог —
сказать я это смею —
когда все было невозможно.
Теперь с тобою все нам можно.
И все доступно — под рукой.
Как дымка утром над рекой
туман клубами занимает,
так благодать в душах наших тает
и эманацией поет.
Как он хорош — дуэта слёт...
К далеким звездам чистый взлет!

* * *

Под благостной сенью
Будды ладони...

Как красиво ты четки
уложила в ладонь
Преподобного Будды!
Так же четко,
сквозь духа огонь,
светится наше — будет!

ВЕС ПОЖАРА

В моих глазах, не только — в сердце
ты набираешь вес.
В нем начинается жечь, как перцем.
Так пламя занимает лес.
И в этом буйности пожаре,
как будто доменная печь,
в испепеляющем всё жаре
души наивность не сберечь!

* * *

Весь день в томлении —
ритуальном приготовлении
ко встрече с тобой...
Шумит сердца прибой!

AMORE VERO

Мне всюду чудится Эдем,
когда с тобой вдвоем идем.

Над собою силком
я пытаюсь тайком
думать страстно о ком
мне нельзя думать все.
Словно кость даю псу я,
тешу щедрость свою —
одно чувство двою
на мое и твое.
Где не видно краев,
и мерцает лишь дно,
убеждая, что чувство одно!

* * *

Давай мы будем друг у друга,
совместно мир добра твоя,
единым радиусом круга,
что чертит нам душа твоя.

УГОВОР

Давай не будем ссориться —
в принципе, вообще, никогда!
Пусть наше дело спорится —
оба правы мы будем тогда!

* * *

Мы благодать друг друга,
любви мы благодать!
Любимая подруга,
готов я все отдать
для счастья твоего.
Я сберегу его!

* * *

Привычно мне тоской чужбины
тоску по милой разбавлять.
Когда распахнутой души глубины
в себе не могут оставлять
пустым ни уголочка
без чувства сладкой боли.
Где сердца стук как проволочка,
коль этот стук не в пары роли.
С тобою пары — как с собой.
И снова бой, с разлукой бой...

* * *

Мы морские коньки
с тонким звоном объятия.
Что за чудо деньки —
Когда в полном приятии!

МЕСЯЦ СОЛНЫШКУ
В ОЖИДАНИИ ВОСХОДА

И чувствую это, и знаю,
и с трепетом в сердце несу.
Я благость с тобой обретаю,
заветную яви грезу.
И в этом благом обретении,
светящейся сутью плывя,
у меня не хватает терпения
дождаться, что скажешь: и я...
я тоже с тобой обретаю,
и благость я в сердце несу.
Я чувствую это, я знаю —
мы в явь принесем грезу!

* * *

Головой киваешь — да.
Пусть и впредь — согласна будешь.
И узнаешь ты тогда,
что кивком ты счастье будишь!

* * *

Смакуя сказку, спать иду,
хоть знаю — сон слабее сказки будет.
И в завтра явью я гряду —
с тобой нас завтра не осудит!

* * *

Лишь написала пару строк,
а я уже воспрянуть смог!
Такая странность —
бездыханность
волненья вздохом
обернется,
как только образ
твой вернется
письмом отзывчивым
в строке.
И телефон дрожит в руке...

* * *

И зеркало пусть тайною томится.

* * *

Бравивирует игрой кто в русскую рулетку,
небрежно произносит слово «смерть»,
принять в хозяйки вынужден нимфетку,
перечить коей он не может сметь!

Кто жизнью дорожит как даром,
кто ищет в чувствах к вечности подход,
тот даже называясь «старым»,
успешно завершит поход.

Поход, где доблестью отваги,
где чуткостью сердечной, как огнем,
сквозь буреломы, чащи и овраги,
и ночью бдя, и маршируя днем,
добьется он родной благоволения,
приятя, как равного, крылом.
Чтобы в победе сладкого плененья
построить в счастье долгожданный дом.

* * *

Сердце ходором заходит,
в грудь стучит из мышц набат.
До забвения доводит —
образ милой виноват!

БАЛ В КАМИНЕ

Ветер вздул золу в камине,
как снежинки в стеклянном шаре.
Будто в волшебной игры витрине,
вдруг вскружившейся дали сцену паре.
И в забвении пара, кружась,
увлекла в быстрый танец движенья
черных хлопьев каскад, что пушась,
создал паре боа оперенья.

* * *

О сколько просится стихов,
коль чувства через край!
Нет места для грехов,
где наш с тобою рай.

* * *

Вдохновению тоже необходимо учиться!

* * *

Самая долгая неурядица — жизнь.
Она же — самая крупная из мелких.

* * *

Когда в твой мир бесцеремонно я вторгаюсь,
так восторгаюсь сущностью его!

* * *

Чувство трудно скрыть,
когда им хочется искрить!

И зеркало томится тайной,
и люстры капли хрусталя
в себе секрета блики прячут.
Ведь оказалась самой главной
причина — то, что это значит
для нас обоих в отражении.
Как будто в первый раз —
успех в сражении.

* * *

Когда сражение сражает
обоих наповал,
то оба побеждают,
проиграв.

* * *

Изъян изъяснения
в словах обеднении.
Невыразимость без изъяна
в отсутствии обмана!

* * *

Не к спеху
выставлять на потеху
чувств откровенность.
Их сокровенность
тем и важна,
что до поры
быть тайной должна!

* * *

Боготворить богиню,
как неволить рабыню —
ни нужды, ни смысла нет.
Но лишь тем и занят свет.

* * *

Я строю замки из песка
с бывшего шрамом у виска.
От пули, пущенной рукою
настолько нежною — такою,
что даже замок из песка
не разрушался, как тоска
под ветром бурь житейских в створы.
Где затихали сразу споры
когда рука касалась башни.
Не пахарем за плугом пашни,
но юной сборщицей плодов,
не оставляет что следов!

* * *

Чудо-вечер наш смакую!
Так тоскую, так тоскую...

По морям, океанам,
континентам и странам
мы ловим друг друга следы.
Твою тень я заметил у ближайшей гряды.
Ускользала с закатом она...
Какая завтра нас ждет страна?

ВРУЧЕННЫЙ ШАНС

Танцы для рук —
как для господ, как для слуг.
Обхождения танцы —
как друг для друга шансы.
Когда рука с любимой в руке.
Словно две рыбы в одной реке,
реке нежности, как в потоке —
вытанцовывают вместе строки...
Строки истины вековой:
счастье — это мы с тобой!

РЫЦАРСКОЕ СМЯТЕНИЕ

*(Осязаемость образа
Прекрасной Дамы)*

Влюбиться назло — мне
повезло!

Трубадуром с Прованса,
с ночного сеанса
провожаю даму свою.
Под сиренью с нею стою.
Соловьиные трели
и стихи надоели.
От сирени удушья дурман.
И зябкий какой-то туман.
Тяжелы от зонтика руки,
и шорохов странные звуки.
Опять же — чужих голоса.
И меж нами луны полоса
дрожью света лицо утомляет.
Но, похоже, ее умиляет
чтение стихов, пенье птиц,
игра света у наших лиц,
аромат от цветов
с обрывками слов,

что сквозь легкий туман долетают.
Их шорох листвы разбавляет.
Только зонтик в руках раздражает!

* * *

Обрушивающаяся, ускользающая, разруша-
ющая, созидаящая, всегда ожидаемая и всегда
крепкая чистотой, как алмаз, — все это Любовь.

* * *

Настоящий Учитель — это всегда и прежде
всего мастер любви!

* * *

Общий язык легче всего найти во взаимном
поцелуе!

* * *

Солидарность в любви — слегка обременя-
ющий, но необходимый крепеж воздушного
венца торжества чувств.

* * *

«Любовь — это всегда ошибка!» — предостерегал Фрейд.

«Делайте как можно больше ошибок! Каждый день делайте новые ошибки!» — соглашался Ошо. И тут же уточнял: «Только не повторяйте старых!»

* * *

Любовь — это Большой Взрыв Вселенной. В запредельности упомянутого божественного чувства так легко создавать галактики и зажигать звезды!

* * *

Любовь — это когда задыхаешься от счастья или отчаяния!

* * *

Насколько романтичнее и драматичнее проходил междугородний телефонный разговор, который зависел от возможности и желания телефонистки соединить или прервать взволнованную беседу.

НАШ МИР

«Наша галактика», больше — «Вселенная»... такое о себе могут сказать только влюбленные!

Остальное же человечество смешно в своей претенциозной самонадеянности, заявляя: наша галактика Млечный Путь есть часть нашей Вселенной.

...Скажите, а Черные Дыры — тоже наши?

* * *

Любовью измерить бесконечность Вселенной, исчерпать ненасытностью чувства бездонность ее... Всего-то что надо влюбленным!

* * *

Любовь — это чудеса в решете. В звонком решете трепещущих страстью сердец.

* * *

Не только сохранить чистоту души, но и научиться через чуткость множить ее глубину до Космоса.

* * *

Любовь — это крещендо. Не всегда плавное, но неизменно усиливающее звучание чувства. И так до завершающего аккорда!

* * *

Создавать мир по наитию и делать явью осознанное — что может быть прекраснее?

* * *

Беседа, соприкасаясь коленями — не только с глазу на глаз, но и душа в душу.

* * *

Любовь — это когда не своя рубашка ближе к телу.

* * *

Любовь — это когда явное становится тайным. *Sub rosa dictum* — сказанное и скрытое розой.

* * *

Любовь в рамках, как литера в гранках — ни личного почерка, ни свободы размера. Теснится штампом заданного шрифта, повторением копий множится.

Настоящая же любовь ни в какие ворота не лезет! Зато вот через плетень или меж приоткрытых ставень манящего окошка... Это да!

— Ну, это уже за всякие рамки выходит!

— Оно! Значит, это любовь...

МАНУАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

(Пульс взволнованного сердца)

Фальшь неверно взятой ноты легко определит профессионал. Фальшь неправды чувств уловит и любитель — тот, кто любит. Только он должен быть до слепоты любящим, до болезненно-интуитивного осязания настоящего на ощупь.

МОЯ ПОЛЯРНИЦА

Любить, значит не стыдиться
своих слез — слез счастья.

Когда ты расправляешь свои благоуханные крылья, их размах настолько огромен, что каждым ты достаешь противоположных полюсов. Если хочешь — рая и ада...

Когда же, успокаиваясь, крылья прячешь за спиной, то вся — калачиком — умещаешься на моем плече. Плече, таящем в себе бездну ада и выси рая. Ад или рай — выбирай.

* * *

Сколько же лошадиных сил должно быть у крыльев, чтобы поднять Пегаса?

* * *

И нежность ураганом накрывает.

«Зая» или «Котя» кажутся до смешного приторной чушью, когда так называют другого. А уж если есть та, к которой так хочешь обратиться ты...

* * *

В мире нет более высокого, благородного и почетного титула, полученного не по наследству, а завоеванного сердцем, чем «любимый»!

* * *

И нежный поцелуй, и жаркие объятия, когда сквозь вечность прорываются, не остывая, тогда вселенная, их жаром звезды согревая, доносит к цели страстность бытия...

* * *

Душа, беременная чувством, стремится разродиться страстью плоти, чтоб полноту Любви собой явить...

* * *

Никак без тебя мне не сдюжить нелепость —
нелепость с названием *жизнь*.

ВДВОЕМ НА ПАЛУБЕ В ШЕЗЛОНГАХ

Без молока, и сахара, и сливок,
ну разве ледяной немножечко воды
в чуть потном хрустале...
Бесспорно: кофе — вместо!
Любви бушующее море
в кофейной чашке уместить.
О вкусе кофе я не спорю,
и морю неуместно льстить!

* * *

И это, право, наслажденье —
увидеть, как пунцово ты
краснеешь в темноте...

Пунцовость щек твоих меня сразила,
напомнив мне маяк небесный, звездный.
Манящий так и близкий мне до боли...

СТЕНАНИЯ ВЕРВОЛЬФА
(Призыв к избраннице)

Так безмятежно и легко,
как ты проходишь полную луну,
пройти ее, увы, мне не удастся.
Луна влечет в сакральные миры,
своим мертвяще-бледным ликом усмехаясь,
ни шанса не давая на спасенье...

* * *

Я ли сдамся, ты ли дашь слабинку —
вечность нам не простит!

* * *

Для пылающей огромной страстью души,
крематорий страшен не жаром пламени, а тес-
нотой печи!

* * *

Любовь и понимание друг друга — наверное,
это самое простое и сложное, что есть в жизни.

* * *

Мы друг для друга
себя сберегли,
честь свою стерегли!
Друг для друга —
два равных круга.
Кольцо в кольцо —
одно лицо!
Счастья лик —
из нас возник.

* * *

Пока луна за тучей,
на случай — я везучий!

Как бубен шаман,
я месяц в карман
прячу украдкой
со света укладкой.
Погружая во мрак
для чувственных благ
пар силуэты —
милая, где ты?
Ночкой в одиночку
трудно ставить точку!
Нужна пара губ,
умный чтоб стал глуп.
Рук нужно четыре,
месяц, чтоб в тандыре
лепешкою испечь —
жар печи извлечь!

ВЗЛЕТ СТУКА

Огнем в печке полыхает,
лодкой в море колыхает —
сердце бьется страстью так.
Заливается, как лак,
кровью чувства полировка.
В том и есть любви сноровка,
что умело подает
сердца стук, как счастья взлет!

ПЫЛ АМАЗОНКИ

Иногда обжигаешь встречей короткой,
солнечным жаром обдав невзначай.
И когда исчезаешь легкой походкой,
обронить успеваешь: «Без меня не скучай!»
Но как не скучать без теплого света?
Без благодати сиянья звезды?
Как амазонка в пылу, когда разогрета
от верховой азарта езды.

ДО МЕНЯ ЗА ЖИЗНЬ НЕ УПРЕКАЮ

Как упрекать за прошлое
друг друга нашедших сейчас?
За грязно, безвольно пошное
всё, что было не раз.
Как упрекать за прошлое,
когда не были мы вдвоем!
И в каждом чрезмерно ушлое
для ночи готовилось днем.
Как упрекать за прошлое,
где каждый жил сам по себе.
Чертополохом возросшее,
где каждый уже поседел.
Теперь вдвоем, без упреков,
хлопочем о будущем мы.
Но тенью зловещих намеков
все чаще мелькают рвы...

НЕПРОЧНОСТЬ НЕПОРОЧНОСТИ

На поклонение волхвов
поколение волков
лишь скалит зубы —
душою грубы!
Рождение младенца
принять в полотенце
плотника рукою.
Иосифа я стою!
Стоит ли Марии
та, что в эйфории
ребенка понесла?
Гребцом, я без весла
пытаюсь править лодкой.
Душевностью — не глоткой!
Не топотом шатать,
последняя как тать,
а лоцманом умелым —
меж рифов надо смело!
Архангел Гавриил
отца не утаил.
Но вот по жизни знаком
связал с другою браком.

* * *

Главное, оно у нас было —
наше будущее!

Готов взорваться в пыль
на тысячи частей,
чтобы о счастье быть,
желанной из вестей
к тебе явилась явью.
Под шепот мой:
«Ай лав ю!»

* * *

Брак — насмешка над чудом. Венчание —
неможная попытка узаконить чудо. Развод —
дейтельное признание того, что чудес не бывает... Не бывает?!

* * *

Когда с чужачкою встречается чужак,
бывает, что становятся родными.
Когда свои проходят через брак,
так часто расстаются как чужие!

* * *

Любовь — тунейдка,
она живет за счет страстей любящих.

НИМБ ОТРАЖЕНИЯ

Не столько везенье,
скорее прозреньё —
уменьё понять,
что в корне менять.
Что муж и жена —
не одна сатана.
Что долей зовется,
где тонкое рвется,
устав ожидать
в желании сдать
душе на хранение
свое отраженье.
Со встреченным бликом пройти
остаток земного пути.
Отражаясь в подруге
вспышкой радуги в круге.
Размером один в один.
Не множественен — един!

ПРИГОВОР СУДЬБЫ:
РАССТАТЬСЯ!

(Красота любви)

Мы так красиво разрешали
отыскивать друг в друге счастье...

Как все у нас с тобой красиво!
Разлуки, встречи, расставания.
Весной ли, осенью плаксивой,
на день, на годы, расстояния.
Красива страсть, красивы ссоры.
Красивы поступь и дела.
Красива ты, стоя у шторы —
в вечерней спальне стать бела.
Красивы паузы немые,
красив неспешный разговор.
Когда мы подвиги былые,
презрев суровый приговор,
собою к жизни воскрешали.
Как мы красиво все решали!
...Отпусти меня...

ЕЩЕ ОДНА

Невесть откуда,
невесть куда
невеста блюдо
несет для труда.
На блюде кольца —
два голубка.
Одно — в тонкость пальца,
в обхват каблука.
Другое потолще,
но тоже тонко.
С судьбою погорше
танцует танго.
Кольцо примеряет,
как Золушка туфлю.
Фату поменяет
на стирку и кухню!
Невесть откуда,
невесть куда
копится гряда,
сказавших «да».

(Определившийся кинолог)

Тебе вручаю поводок,
как удочку, где поплавок
за лескою крючок скрывает.
Как часто тяжесть обрывает
наживкой пойманный улов.
И вместо лестных слов
надорванность губы лишь
привкусом саднит.

Тобой от бешенства привит.
А чип под кожей,
с пулей схожий,
укажет адресно куда
сдать без особого труда
на случай, если в своре загуляю!
Плотней ошейник закругляю
и с поводком тебе даю.
Все ж, может, встретимся в раю...

АРОМАТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Шагать под звон сердец разбитых,
под вздохи с бала уходить.
В духов приманку в шарф разлитых,
как куром в ошип угодить.
На жизнь связаться ароматом,
в семейных утонуть делах.
Пусть показаться грубоватым,
но крест поставить на балах!

* * *

Тебе, заблудшей...

Та овца, потерявшись, целого стада дороже,
что сбилось вокруг пастуха...

* * *

Насколько желанное слово жеманное —
счастье...

РАЗДРАЙ В ЭДЕМЕ

Был шалун и баловник,
стал суровый духовник!
Раньше лазил по садам,
сторожем теперь Адам.
Ева же, наоборот —
тянет яблочко в свой рот!
Повторить всегда готова
кражу фруктов она снова.

* * *

Неудача эдемского эксперимента:
пара первая, она же — последняя.
Ева и Адам...

* * *

Змей-искуситель — Евы куратор.
Из рая эвакуатор.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Всё к тому,
что на погибель
повстречал тебя — судьбу!

Оторви и брось,
если жили врозь!
Если каждый порознь
стекал в постель, как оползень.
Валился обвалом —
лавиной и шквалом.
Бурей одиночества —
сбывается пророчество.

* * *

Не придать значения
сердечному влечению —
свою суть предать.
Волю черствости дать.

**«САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ
НА ОСТРОВЕ НЕБЕСНЫХ СЕТЕЙ»**

*(Ужин молодых в японском ресторане
после спектакля)*

Подать роскошное филе
на подиуме в дефиле.

Рыбой на суше —
лососем для суши.
Кусками большими,
как для сашими.
В пасту васаби
свирепо кромсаю
палочками для еды —
недалёко до беды!
Не куски отправлять —
в сердце клином вгонять!
Палочки две — сердце одно.
Споткнется об дно.
Для тебя вторая...
Я дотла сгораю!

ПОКУПКА ПО СЛУЧАЮ

В чередѣ предыдущих
дышать теснотой.
Где не режѣ, а гуще
сбивается строй.

Скоропортящимся товаром,
не за деньги — бесплатно, даром
сердце тебе отдаю.
Пусть в том счастливом краю,
взаимностью что зовется,
тебе по вкусу придется
просроченный мой товар.
Оттого и скидка, что стар!
За уценку возьми в нагрузку,
как рекламную к случаю блузку,
вместе с сердцем любовь мою.
В ухажеров помятом строю
пусть льготное место найдется
для сердца, какому неймется
беззаветно счастьем служить.
Твое сердце в ответ вскружить!

УСЛОВНОСТИ МЕЖИ

Как жаль, что мы из разных океанов.
Ты из очень Ледовитого,
я из слишком Тихого.
Но порой нам все же удается сливаться
в один общий — Мировой.

* * *

Как легко быть разной,
трудно быть одной.
Деловой и праздной,
только не родной.
Не родной по сути —
промыслу души.
Холодит до жути
мысль, что мы чужи.

УДАВКА ФЕТИША

Вошел в раж —
вышел в тираж!

Отголосок прежних смут —
кружевной чулка хомут.
Бунта страсти гардероба,
в нем повинны были оба!
Оба в сцене ролевой —
с пассажиркой рулевой.
В тесноте автомобиля,
на спидометре где миля
замерла на стрелке 100.
Что-то с цифрами не то.
С единицею все ясно —
стрелка взмыла не напрасно,
вот с нулями ерунда —
пляшут вместе: да и да!
Половинками теснятся,
друг под друга норовят
болью долго объясняться,
почему они не спят.

НА ДЕНЬ ТВОЙ РОЖДЕНЬЯ

Когда сердце
стучит про другое...
От бравурного к похоронному
рукою костлявой подать.
Но это пока не понять.
Пока пусть играет туш!
Почему же с ресниц течет тушь?
Пока пусть здравица звучит.
Пусть ангел букет вручит,
осенняя чело благодатью.
Восхищаюсь твоею статью!
В восхищении гимн пою:
«Прими подарком
никчемную жизнь мою...»

* * *

Верю в твою мудрость и надеюсь, что хватит
моей, чтобы понять, что ты все понимаешь.

* * *

Чувств бездорожье —
дебри Божьи.
Чащоба страстей
из дьявольских сетей.
Ширь, просторы —
души засоры:
споры, ссоры.

* * *

Насколько для согласия важный
слезою счастья влажный взгляд.
Наш с тобою стройный ряд — клад.

* * *

Кто женщине года считает?!
Считают комплименты ей!
Ведь не взрослеет она — тает.
В красе становится мудрей.

А ВЫ СЛЫШАЛИ, СЛЫШАЛИ?

Ползут слухи оползнем,
словно духи вечером поздним.
Чести домогаются —
люди без сплетен мается!

* * *

Хранить чужие тайны
в заветах велено.
И даже, если слухами
намелено,
молчи! Не уподобься
рупору молвы
в желании сладость ощутить
при слова повторении —
«халвы»!

ФАКЕЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ САНТЕХНИКА

Для кого-то и вантус кажется факелом, которым можно осветить беспросветную тьму канализации. А кому-то и факел видится палкой с тряпкой, годной лишь для одной цели — заткнуть дыру... Ту самую, страстно ждущую желанного света.

* * *

Карета Золушки отличается от кареты скорой помощи тем, что первая с наступлением полуночи превращается в тыкву, вторая же — в вырезвитель. Если для вас трезвость — норма жизни, забудьте про карету Золушки, тыква — это всего лишь овощ на грядке!

* * *

Сивка-Бурка отличается от Сивой Кобылы тем, что последняя несет бред, а первая — царевица!

Казалось бы — и одна не более, чем кляча, и вторая всего-то пони, однако...

* * *

Уже одно то, что во французском языке слово «любовь» может быть и мужского, и женского рода, делает французов более изобретательными в демонстрации форм ее проявления — от кухни до спальни!

* * *

Крылья в штопор,
сердца ступор.
Криком в рупор:
счастьем брошен,
судьбой спрошен.
Огорошен, огорошен!

РЖАНОЙ НИМБ

Рожь над пропастью кошу —
сноп тебе преподношу.
Ты его не молоти —
венки святости сплети!

* * *

Ни зла не держу,
ни за пазухой камня.
Между нами между
стер давно уже сам я.

НЕУЖЕЛИ СТАРОВАТ?!

С водою талой полынья —
тобою пахнет простыня.
Как снега чистого пороша,
запах твой не просто хороший —
волшебный он аромат.
Жаль, что я для него простоват.

ТРУДОГОЛИК ОТ ЛЮБВИ

Батогом, батогом!
У любви я батраком.
За еду одну батрачу,
на любовь все силы трачу!
А едою сладкий пай —
обещание, что рай
все труды мои покроет.
Силу чувств моих утроит!

* * *

Страстью себя изводил —
дюжих лишался сил.
Чтоб, обессилив в агонии,
со слабостью слиться в гармонии.

* * *

Не мытьем, так катаньем,
не битьем, так сватаньем!

Загадочно манит что недоступно.
Ведь это вовсе не преступно —
желанью покориться обладать.
Конечно, в силах совладать
с минутным импульсом порыва
и уберечься от нарыва
душевной раны — невзначай.
Монетой, брошенной на чай,
оставила ты на салфетке адрес.
И ресторанный код-дресс
вдруг показался мне излишеством
ненужным.
Условностью — приличием наружным,
чтоб обнаженность скрыть души.
Мужья есть, а бывают и мужи,
которым одеянья не нужны!

* * *

Как объявить привал в походе —
в разумном к отдыху подходе,
так чувствам нужен перерыв.
Дыханье страсти перекрыв — взрыв.

* * *

Было что-то путное,
смыло мыло мутное!

Свой гибельный марш,
словно ушлый торгаш,
обставляю я пестрой рекламой.
Не трагедией — пошлой драмой
окружающим жизнь подаю.
Эпизодами всем продаю.
Покупаешь?

ПО КОМПАСА СРЕЛКЕ

(Силовые линии магнита)

Ты на юг,
а я на север.
Да, мой друг,
растет там клевер.
Лепесточка ровно три
тянут врозь от стебля.
Ты внимательно смотри
и решай немедленно.
Нам троим в одном кругу
слишком будет тесно.
Разорви собой дугу —
солоно не пресно!

* * *

Распахнутая стильно шубка,
как сально поданная шутка,
когда в себя не веришь — не манит!
И все же, — как в душе саднит...

РЕСТОРАН РАЗЛУКИ

Из печени теплый салат
и кофе а-ля капучино.
Подписанный страстью мандат,
заверенный штампом: мужчина.
Фиолет на декоре отделки,
серый свитер под горло томит.
С легкой ролью уставшей сиделки
грустный твой не справляется вид.
Мягкий пуф приставного дивана,
скатерть с белизною простыни
усыпляют равнодушьем, как нирвана,
пониманьем — мы с тобою порознь одни.
Мы одни в потерях и разлуках,
в кратких встречах, словно воровстве.
Мы одни в надежды сладких муках
и в разгульной прыти, в баловстве!

НАВЯЗЧИВЫЙ СЕРВИС

В дверном проеме
швейцаром в наеме,
в высоком створе
дворянкой в своре
у спальни твоей стою.
Колыбельную тихо пою.
Сам незванный,
гостей я странных
не пускаю к тебе войти.
Надежнее стражника не найти!

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Наверстывать версты,
как стропы на локоть мотать.
Зачерпывать горстью
и жадно разлуку глотать.
Ждать.

НЕУМЕСТНЫЙ ОТБОЙ

Как объелся белены —
на глазах след пелены.
Будто выпил горечь яда,
сердце скачет вон из ряда.
Будто новость о войне,
ступором — как обо мне.
А всего лишь милой выпад —
заявление, что выпит
наш сосуд любви до дна.
Посчитала так она.
Ну а я-то не согласен —
знаю, наш сосуд прекрасен!
Полон чувств он до краев.
Пусть моих, пусть грез из снов.
Пусть в сосуде не осталось
то, что ею наполнялось.
Но объем-то не пустой!
Помню, в сердце на постой
так усердно уж просилась,
что легко того добилась.
И теперь в сосуде чувств
предостаточно — не пуст,

как лукаво объявилось.
Дно в сосуде прохудилось,
но вот чувства утекли
только те, что извлекли
губы тонкие на вдохе.
И не чувства — жали крохи
в углах рта помадой ссохлись.
Как в удушьи задохлись
страсти влажные порывы.
А бывало ведь игриво
сосуд полнили с лихвой!
Отчего же вдруг отбой?!

ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Несу убыток — под страхом пыток
любовь из памяти стираю.
Не очень, вроде, и стенаю,
вот только грудью не вздохнуть.
От никотина будто муть
всю губку легких засмолила.
Я помню: так меня молила,
просила так — не покидай,
дай свет надежды, веру дай.
Когда все это получила,
ты вдруг легко меня забыла!

* * *

Нести убыток — под страхом пыток
стирать из памяти любовь.
Из сердца через вены кровь
надрезом бритвы удалять.
Не чувства болью умолять,
а только злую память —
на пульсе руку мять...

ОСТАВЛЕННЫЙ ЛОКОН

С чужими волосами в парике
плыть тяжело по времени реке.
Волосы чужие на подушке
Горгоны париком бывшего навевают сны.
Так на покинутой сидухе
забытой прядь взъерошенной копны
бесхозно сиротеет.
Она хозяйку хоть имеет,
все ж обезличена отдельно от прически.
Лишь колер масти что-то говорит.
Чьим феном или чьей расческой
приличный придавала себе вид!

* * *

Опять меня за честность —
что болью поделился,
отлучаешь.

* * *

Прошлое беспощадно.
Будущее слепо...

Словно жесткое
с небес приземление —
отказа твое повеление.
Недостойное раба
поведение —
на госпожу свою
заглядение.
И за этот криминал
лишить зренья —
наповал!
«Вла... владычица», —
раб любви
вслепую тычется...
Снисхожденья вымолить —
на свиданье выманить!
Но на ощупь-то как?
Сослепу, сослепу
только биться об косяк!
(...Любовь по Брайлю.)

ДУЭТ С ОГЛОХШИМ ОТ ЛЮБВИ

Словно тетерев токую —
по тебе я так тоскую!
Видеть, слышать нету сил, —
лишь тебе чтоб был бы мил!
Оценила чтобы песню
выводом, что я кудесник.
Что творю я чудеса —
приземляю небеса.
В сладком этом приземлении,
кроме чувства изумления,
чтоб томлением прожгла —
встречным пеньем чтоб прошла!

* * *

Если, царица, тебе угодно,
я буду годный,
чтоб счастье сберечь.
Волком зубастым от сглазу стеречь!

ВОЛК В РАЗЛУКЕ

Будто в рот воды набрал —
спрятал волчий свой оскал!

Шею тяну на луну — вою.

Серый, я без тебя

даже пули не стою.

Но я хрип свой осипший

настрою

на волчицу с волчонком — нас трое!

* * *

И ты вчера звала, и я сказал, что завтра буду.

Но снежный ком поднакрутили.

Теперь растает лишь весной.

И каждый для себя решил,

что раньше надо было думать.

Упрек в виду имея оппоненту.

О, новь весны! О, талость снега!

О, встречи ожидание с тобой.

РЕЗЬ КРИСТАЛЛА

Капли замерзшей росы
на листке.

Капли, капли, капли...

На тяжелом от инея
лепестке.

Капли, капли, капли...

Соленые капли
в ресничной чаще.

Чаще, чаще, все чаще...

Образ милой где же?

Реже, реже, все реже...

Вижу я облик твой —
от рези из горла вой...

ТУПОСТЬ ОСТРОГО УГЛА

Щеки отвернувшейся мякоть
нейтральней намертво сжатых губ.

Когда на душе ненастье и слякоть,
тогда острый угол безнадежно туп.

ОСЕЧКА
ФРАНЦУЗСКОГО ПОЦЕЛУЯ

И промах в рывке поцелуя,
конфузливо ткнувшись в лицо,
затертую фразу: «Люблю я» —
сминает, как жернов яйцо.

ПРИМИРЕНИЕ ЗАРЯДКОЙ

Встал с постели —
берись за гантели!

Гирей пудовой
на сердце размолвка,
склеить готовой
прессом осколки.
От бешенства взрыва,
гнева рывком.
Как боль от нарыва —
согласье кивком.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ МИШЕНЬ

Раза достаток избавит
от промахов лишних...

Тысячу раз промахнуться готов
с надеждой раз хоть попасть
в желанные влажные губы,
взаимно раскрытые поиском встречным.
Промачов тысячу на чаше весов
этот раз легко перевесит.
Магия страсти в огне поцелуя...
Но трезвящего раза бывает в достатке,
чтобы стыдливо понять приговор —
взаимности ждать не придется!
И вновь этот раз стократ тяжелее станет,
чем тысяча тысяч не состояться
приговоренных.
Магия страсти без поцелуя огня...

КУХОННАЯ БАТАЛИЯ

Себе дороже, как на духу, —
старые дрожжи
на лебяжьем пуху.

Щедрость нашей перебранки,
словно скатерть-самобранка,
ядовитых яств полна.

Так манит собой она!

Предлагает оскорбленья,
словно изыск угощенья.

Под рукой в меню упреки —
кулинарные уроки.

Мастер-классы по стряпне —
стряпать скалкою по мне.

Фаршированной матрешкой
замахнуться поварешкой.

И десерт всегда готов —
меньше дела, больше слов!

* * *

Желание не обмануть ожидания
за любовь подаренную,
как книгу поваренную,
есть лучший рецепт к совершенству —
взаимности блаженству.
(Секрет от шеф-повара)

* * *

Разошлись не на шутку —
взяли и развелись шутя!

* * *

Пустая в дереве матрешка
собою только и полна.
От большей к средней —
просто крошка,
а все ж матрешка, как была!

ДОСАДНЫЙ БАЛЛАСТ

Как смысл утративший балласт,
как заскорузлый старый наст,
тебя в пути сопровождаю —
самим собою досаждаю!
А ты, скорее по привычке,
ключ принимаешь за отмычку
и не вскрываешь им замка,
какой защелкнула рука
в надежде вместе жизнь прожить.
Так как теперь с балластом быть?!

* * *

Мне письма шлешь,
будто шьешь —
 зашиваешься.
Иногда во мне
 ошибаешься.

* * *

От судьбы пожизненный срок получить
с убийственной формулировкой:
за неумение любить,
с дальнейшей к смерти подготовкой!

* * *

За чувства напоказ
наказан был не раз!

Сражен любовью наповал,
подкошен, словно сноп.
Я болью чувства рисовал,
не дул я щек, как сноб.
Во мне художник говорил —
дрожал перед холстом.
Картину страстно я творил,
чтоб выставить потом.
В том вернисаже, что открыт
для зрителей-зевак.
В угоду им талант зарыт
под сжеванный желвак.

* * *

Развод раз в год
и грязевые ванны,
чтоб в ожидании манны
хватило сил.
Когда из уст желанных
услышишь слово «мил».

* * *

Если бант, то пышный.
Если франт, то бывший!
Какая, право же, удача —
в твоей случиться жизни эпизодом.
И в том лишь только незадача,
что завершился он разводом.

* * *

Сухая сдержанность ответов,
прохладный тон речей твоих,
небрежность брошенных советов,
сторонность содержания в них
теперь понятны — ясны и внятны.
Равнодушие.

* * *

Твоя бездонность иссякает,
ведь щедрость чувств уже не та!
И слишком быстро уже тает,
чего хватало на лета.
Лета как день — десятилетия —
единой страстностью сплетясь.
Когда восторга междометья
ты, наслаждением пленясь,
на ухо тихо мне шептала.
Так почему ж его не стало?!

* * *

Я не успел еще солгать
и твоей лжи еще не видел.
Легко ли было нам слагать
то, чем я так тебя обидел?
Легко ли нить плести тугую,
чтобы не выбрал я другую!

* * *

Не часто рви мне душу строчкой,
но изредка уж сжался — напиши!

* * *

След того давно простыл,
кто так был тебе постыл!

* * *

Чувствовать себя как рыба в воде —
значит, быть постоянно мокрым.

ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА?

Один в один —
чернявый блондин.
Говорил любит,
замуж звал.
А теперь губит!
Врет сейчас
или раньше врал?

* * *

Когда, бывает, взглядом наугад
споткнешься о поникшие ресницы,
бывает, что уже не рад
подать себя спасителем девицы.

* * *

Не из радости, а из жалости —
уступать так не надо в любви!
В любви уступают, как обретают.
Душою богаче — одной на двоих!

* * *

Любая пара — мезальянс.
Неясно только, чей аванс
из прошлого вернется достоянием.
Не под венцом в благом стоянии,
а в жизни — повседневности венцом.
Отравленного ревностью концом.

* * *

Поначалу по ночам,
что хотел, то получал.
Но поближе вот к итогу
лишь напутствие в дорогу
получаю, как прощанье —
в раю встречи обещанье.
Как расплату по долгам —
стен опоры потолкам.

НАВАЖДЕНИЕ ГРИБНИКА

Освоенное жизнью ремесло —
в дежурной неге тела естество.

И наслаждение в пытку превращать.
На ложе, где — казенная кровать
свои услуги скрипом предлагает.
Где замерзает, а не тает
в дежурной неге плотское начало.
Которое до той поры молчало,
пока не слышен был тот скрип.
Поганкою где оказался белый гриб.

* * *

Как шторм в океане,
как огненный в чаще смерч,
вихрем в урагане,
словно жара доменная печь —
ощущение чувства в сознании.
Себе самому признании:
обманулся в зазнобе опять!
Пора новую в шторме искать.

ПРИМИ ГОСТИНЕЦ
НА РАССАДУ

Когда пион раскошный
сезон встречает пустоцветом,
наивно ждать
без завязи цветка.
И на словах так
пламенным ответом,
на деле фальшь без чувств
бывает нередко!

СНОВА ВМЕСТЕ!

Заезженность пластинки раздражает,
и скрип иглы коробит слух.
Но звуки песни заражают
надеждою — наладится, а вдруг?

* * *

Врозь идущие попутчики,
оборвав желанности
наручники,
из сил последних
сторонясь,
все ж к одному идут.
В надежде не увидеть там
друг друга.

Под шепот пройденных дорог
от трепета я млею.
Ведь пройден нами тот порог,
сказать я это смею,
когда все было невозможно.
Теперь с тобою все нам можно.
Нельзя лишь только быть вдвоем.
Но мы хоть порознь —
одной дорогою идем!

* * *

Сухим из воды — не целованным!
Заочно тобой образованным...

* * *

Какое мне дело,
что трупом смердело
лежавшее бревнышком тело?
Я даже немного был рад,
что безразличия смрад
удушьем сосочился в ад.

ЖГУЧЕЕ РУКОПРИКЛАДСТВО

Как от шенкеля кобыла,
от пощечины ты взвыла.
Заслужила, заслужила!

* * *

В гуще, в струе — будь на волне!
Внутри — не вовне.

* * *

В постыдной окраске
в постели фиаско.

Пожури меня, пожури
снисходительным наставлением.
Утешительным призом жюри —
повторением представления.

ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ ДУШЕВНОГО КОСМОСА

Неподвижность пустоты,
осознание — просто ты.
Просто память, что ушла.
Лучше выход не нашла!
Просто в месте, где жила,
болью светится дыра.
И в зиянье той дыры
тонут прошлого миры.

* * *

Я сладостью жизни
безвольно влеком,
оттого постоянно
в горле и ком.

Стояли, помню, крепкие морозы,
холодная, блестящая луна.
Ты принесла домой под вечер розы,
и желтая средь них была одна.
Ты желтую поставила отдельно,
вдохнула тяжело, глядя на нее.
И взгляд твой ясным стал предельно,
и ветер охнул в снежное окно.
Тебя не стал вопросами томить я,
не стал неверьем липким докучать,
а просто, всю печальность видя,
я предложил тебе лечь спать.
Ты согласилась, молча в спальню вышла.
Опять вдохнула — было слышно, —
и спать легла.
Спала ты нервно и тревожно,
приснился сон тебе, возможно,

что вместе будем мы всю жизнь.
Что приносить цветы ты будешь,
а я молчать.
Не спрашивать, не укорять —
лишь одеяло поправлять,
оберегая твой тревожный сон
со знаньем: знать, на кону чтó,
но не знать, в чем кон!

БОСОНОГАЯ ПРЫТЬ

За твой вычурный демарш
я легко возьму реванш!

Под предлогом благовидным,
соблюдая этикет,
кавалером я завидным
оставляю след от кед.
Оставляю щетку, тюбик,
помазок — все для бритья.
Даже кубик — тот, что Рубик,
оставляю тебе я.
Голым ухожу, как песня.
Марширую босиком!
Хочешь плачь, а хочешь смейся —
ты рассталась с босяком!

* * *

Бриллианты в россыпи
вдруг обернутся колотым стеклом.
Наелся досыта —
впрок, чтоб не оголодать потом.

* * *

Когда излет приходит пылких чувств,
и жаркой страсти мир становится вдруг пуст,
тогда и понимание приходит,
что с нами этот кризис происходит
по собственной вине — невозддержанию
в претензиях к партнера содержанию.

* * *

Пренебрегли мы оба провидением,
подсказкою заботливой судьбы.
Так кров уютный замещают заведением,
где нет конца у пьянки и гульбы.

* * *

Душу взять на абордаж —
не меня, себя предашь!
Учинить разбой погрома,
эта боль тебе знакома.
Ведь бывало уж не раз,
разносила чувства в прах!
Душу резало — не глаз —
от востребованных плах.

* * *

Застать врасплох,
возможно ли такое?
Видать, был плох
когда лишал покоя...

* * *

По лицу кровавая ржавчина —
растеклась разводами хна.
Когда плачет от горя женщина,
горе видно до самого дна.

* * *

Чернильной кляксою
слеза барабанит.
Чрезмерной таксою
дробь эта ранит.

СЛЕЗНАЯ ЗАВОДЬ

Слезы прозрачность —
призрачность грезы...

Омут глаз, по окоему плёс.
Сколько раз вскипало море слез!
Где ручьи потоком горьким,
как ничьи, по скул пригоркам
разливались ниже —
с тушью общей жижей.
С пудрой по щекам
к дамб воротникам.

* * *

Робость цветения весны запоздалой
сквозь изморозь, иней холодных ночей,
ожиданьем тепла в прозябании усталой,
греясь у пламени тусклых свечей.

МЕСТЬ ЛЕСТИ

Все умеют лебезить,
лестью, как отравой, мстить.
Впредь, услышав себе лесть,
принимай ее как месть!
За успехи злую зависть.
Пусть не ненависть —
пусть нависть.

С пожеланиями впредь
в жизни счастья не иметь!
В том числе из уст моих,
если делишь нас двоих.

МНИМАЯ ПРОСТУШКА

Подтвержденьем поговорки,
с той лишь только оговоркой,
что твоя же простота
хоть и хуже воровства,
будто бритвы острота
всю щетину мотовства
может только брить — не резать.
Как прическу ирокеза
жесткой гривы жеребца.
Для красивого словца
ты в три короба нальешь
то, что носит имя — ложь!

ВЕСНА В ОДИНОЧКУ

Пятнами трупными
проталины снега,
хлопьями крупными
пена от бега.
От бешеной скачки —
аллюра в узде.
Штиль после качки —
нигде и везде!

ОЦЕНКА УЩЕРБА

Словно с глубиною брошь,
в сердце от потери брешь.
И хоть штопай, и хоть режь —
видно, что прошелся нож
с острым лезвием измены.
Из-за глупости, из лени —
суть причины не важна.
Так какого же рожна
брешь сочит утраты болью?!
И чего я с брешью стою?!

* * *

То, что можно, — то не модно.
Модно, что как раз нельзя!

* * *

Любви домогаться,
как разлагаться.
Червем свою душу точить —
вчера́шнее в завтра тащить.

ПОНУКАТЕЛЮ ЧУВСТВ

Не торопи любовь — еще наплачешься!
Не подгоняй ее — напляшешься!
Не загоняй ее — поплатишься.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРОГОН

Пройдусь прожогом
по недотрогам —
оставлю шрамы
в душе у них.
Зубрежкой гаммы,
распевом стих.

* * *

Черной ночью цвета какого
 белая зависть?
У зависти цвета нету —
есть он у ночи, черный очень!

Ночным дозором,
постельным позором
бдят одиночки — не спят!
В замочную скважину зрят...

В ПОЛНОЧЬ БЕЗ ПЯТИ

В одну воду дважды не войдешь,
но и нового в воде не найдешь!
Сам изменись по сути,
и оседет на дно налет мути.
И чистой станет вода.
И вновь ты войдешь туда!

* * *

Ложь горячая, как вода стоячая —
быстро плесенью цветет.
Ложь холодная, как одежда модная,
примириется — в радость живет!

НЕРАЗРЫВНОСТЬ АМБИВАЛЕНТНОСТИ

Любовь — это то же бешенство, что и ненависть, только градус чувства подслащен возможностью оргазма.

* * *

Сыта по горло
былая оторва.
Наелась сполна
разгулом она.
Но голод терзает
от духа, что тает.

* * *

Когда сломана кость,
инвалидная трость
опору заменой усилит.
Когда сердце разбито
любовью и бытом,
костыль оно вряд ли примет!

* * *

Кроме желания, страсти до слепоты, неотъемлемой частью любви (любви не «вышенной», не «настоящей», без добавления какого-либо иного восхваления, так как все прилагаемые к ней эпитеты недостаточны и слабы) являются еще глубокая благодарность и безграничное уважение к любимому человеку. Теряя любовь из трех этих составляющих, любовь сама становится вместо целого — частью!

* * *

Как хищник должен быть поджарым, так и любви надлежит жить впроголодь! Сытость, будто трупный яд, отравляет любовь мертвечиной. А там гниль отношений и черви сомнений довершают дело.

* * *

На безлюбье и жалость — любовь.

Мужчина иногда, незаметно для себя, становится нейтральным предметом семейного интерьера — не более чем его фоновой частью. Впрочем, женщины тоже, отчасти, — например фарфоровыми кошками, чайными бабами или чугунными чушками для весов.

А уж деревянными матрешками сплошь и рядом!

ДВА ВЗГЛЯДА НА ВЕЧНОСТЬ

— Дорогой, как же мне хорошо с тобой... так хочу, чтобы время остановилось...

— Да, дорогая, конечно!.. Но, может, после ужина?

* * *

Отношения, где оглядки на политес портят естественность, приводят к хронической дистанции сдержанности и вынужденной неискренности.

* * *

Зачастую, когда в паре, предающейся сладостям интима, один из партнеров тянется к выключателю — погасить лампу, другой начинает подбадривать того разухабистым призывом не стесняться. Упуская при этом, что свет может мешать не из стыдливой скромности не показывать, а из брезгливой — не смотреть!

СКВОЗЬ БЛИКИ РАЗДЕЛЯЮЩИХ ВИТРИН

Только своя ноша и тянет!

Есть женщины, что, глядя на витрину, ищут свое отражение и смотрят на себя, а не на наряды модно прикинутых манекенов.

Есть мужчины, что, глядя из-за витрин на смотрящих снаружи женщин, видят привлекательных кукол, а не просто прохожих.

Бывают ситуации, когда оба типа встречаются и пытаются выстроить долгосрочные отношения. Но женщина, глядя на него, ищет зеркальное отражение собственного представления о мире; а мужчина то и дело привычно роняет заинтересованный взгляд на других проходящих привлекательных кукол.

Нужно ли продолжать, что подобные пары обречены раскалываться на двух одиночек, до конца жизни стоящих по разные стороны витрины.

Ремарка к характеристике: места мужчины и женщины относительно витрины стопроцентно взаимозаменяемы.

* * *

Изнывающий от скуки в праздной маяте не скупится ценой за возможность изнывать от страсти. Испытавший же всеохватывающий ступор страсти, не то что не поскупится — отдаст все, лишь бы избежать плесневой тупости скуки!

КАВАЛЕР ОРДЕНА

Женщина — всегда награда. Иногда незаслуженная, иногда недостаточная, недооцененная, а иногда... посмертная!

Недаром обладателя награды называют кавалером — кавалером ордена. Да, кавалер — это вам не ухажер. Последний добивается своего ухаживанием, первый обладает по праву награждения.

6 ИЛИ 9, ИЗНУТРИ ИЛИ СНАРУЖИ?

Чего больше — грусти или пошлости в под-
вявших, сникших, жалких букетиках на подо-
конниках 9 марта, многие из которых так и не
удосужились распаковать из целлофана? Если
сторонним взглядом смотреть на изъеденный
провалами окон муравейник многоэтажки с
улицы, тогда — пошлости! Если изнутри своего
дома — грусти...

* * *

С собою сладить —
вину загладить...

— Должно быть, ты святой! Из-за твоего
молчания на свет появилось так много ангелов!
Вот... еще один родился — молчишь...

КАРМЕН НАИЗНАНКУ

Сколько же ты потеряла,
умудрившись еще не найти!

Как в хабанере брошенный цветок,
мое согласие получила.

Спирали жизненный виток —
меня сомнением отлучила.

Что же в итоге получила?!

* * *

Она почувствовала себя потерянной, как
одинокая звезда на светлом небосклоне.

* * *

Когда балуют, баловаться почему-то не хо-
чется... Баловство — в недозволенности.

НА БИС ВЫЗЫВАЛИ?

Когда женщина — друг, ты становишься для нее незаметным спутствием в ее большой внешней игре. Так прима в театре не замечает рабочего сцены за кулисами, пожарного или костюмера в гримерке.

Более того — тебя самого не раздражает между делом вывернутая изнанка секретов, как правило, оберегаемых от других семью печатями. В остальном же это обычный друг. Наверное...

Наверное, потому что всегда возможен неожиданный, позже чем запоздалый, когда это уже никому не нужно, упрек. Упрек в непробиваемой толстокожей черствости и неспособности увидеть ее чувства к тебе как единственно достойному избраннику!

— ...Помилуйте, а что с дружбой?

В ДЖАКУЗИ С ДРУГОМ

Как же непросто —
быть просто друзьями!

Когда у друга красота богини
и строен стан, и руки так тонки;
когда на друге так легки бикини,
и томен взгляд, и волосы как юности венки —
так трудно друга оставлять в друзьях,
не признаваясь в бурных чувствах страсти,
где осмотрительности страх
чуть избавляет от признания напасти.

* * *

Письма — легкие соломинки утопающему
в штормящем страстью море любви. Порой
сухой соломой сгорающие в пламени чувств;
порой гнилыми снопами сена сбивающиеся в
скирды, как невостребованный фураж.

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!

(Виртуально-визуальное рандеву)

Я на встрече тет-а-тет
держу строгий паритет!
Когда с глазу вижу на глаз
для себя рисую образ
собеседника как друга.
Если женщина — подруга,
нужно соблюдать баланс,
где интимности нюанс
будет вынесен за скобки.
Макси-вырез мини-юбки,
аромат из декольте
пряных листьев каркаде
не должны влиять на тему.
Ноль внимания на тело!
Лишь по делу разговор!
Почему же взор, как вор,
норовит скользнуть украдкой
по волнам волос укладки?
Почему легко коленкой
хочется коснуться стенки,

ошибиться невзначай,
и ее бедро — встречай!
А рука, еще в сомнении,
на плече — для убеждения.

* * *

Ключ несет в себе содержание, сочетающее
застывшую металлическую форму инструмен-
та открытия с живым биением воды — сим-
волом прорыва из заточения. А если это ключ
скрипичный, то к сочетанию добавляется еще
мелодия.

* * *

Долгие и упорные поиски ключика от серд-
ца приводят к эмпирическому выводу, что при-
чина ненайденности такового кроется в отсут-
ствии замочка. Просто так уж устроено сердце:
чем сильнее желание его открыть, тем труднее
это сделать. Вывод верен по отношению к сво-
ему сердцу и для сердец, что бьются рядом.
Неважно — близко или далеко.

ЧЕРЕСЧУР!

Иногда она бывает ну уж слишком женщиной! А что же — удивитесь вы — ей лучше быть немного мужчиной?! Нет, нет! Ни в коем случае — просто человеком.

ДО ИЛИ ПОСЛЕ?

Когда барышня обращается с просьбой налить ей бокал вина до интима, это чревато непредсказуемым развитием — прыжком в неизвестность. Если же дама пригубила затяжным глотком бокал после, это говорит об ее многоопытном прошлом.

Бывает, партнерша умудряется отхлебывать вино и во время постельной близости. Ну, тогда она успешно совмещает прошлое с будущим, сполна смакуя настоящий момент — здесь и сейчас.

* * *

Считаешь, что преуспела, поднаторела во флере лямура? Но я уверен — многому придется научиться, и, собственно, Любви!

* * *

Сколько капель еще последних в ссор переполненный будет капать бокал?!

* * *

Когда услышишь от кого-нибудь ошарашивающее нелепостью заявление, что он — бог, оставь ему шанс доказать это — вдруг сказанное окажется правдой! Быть может, действительно бог или готов стать таковым. Хотя бы для тебя...

* * *

Любовь — это густо тонированное увеличительное стекло. Оно приглушает резкость отрицательных черт и до неправдоподобности увеличивает силу положительных...

* * *

Порой в желании узел развязать
лишь намертво затягивают петлю.
И потому я с этим медлю —
чтоб узел пульсом осязать.

СЕДАЯ КОРОЛЕВА

Подвявшая роза с пожухлыми иглами еще
вчера сочившихся, но ныне уж сточившихся,
хотя еще и ранящих шипов.

ПРОЗРЕВШИЙ В ЧУВСТВАХ

Мне было раньше невдомек,
но жизнь преподнесла
любви урок.
Теперь любой ее намек
легко читаю между строк!

ДРОЖЬ ВЗГЛЯДА

Взглядом нежно обласкать,
как карманы обыскать.
Содержимое наружу —
голым выставить на стужу!
Взглядом — раненым в обозе,
дрожью зябнуть на морозе.

* * *

Знать и уметь —
то разное в жизни так часто.
Стихом говорить и петь —
различья искать напрасно!

ЛОПАСТИ
КРАСНОЙ МЕЛЬНИЦЫ
(Мулен-руж)

Не раз проверенный
в надежности капкан —
фривольной вольности
взлетающий канкан.

ПОРТ ПИТЕР
(Порт приписки)

Под хохот чаек ветер парус рвет.
Меня в порту никто не ждет.
Никто не встретит парусник заблудший.
Расклад финала наихудший.
Не в море сгинуть — в порт прийти,
где взгляда милой не найти!

(Яхта «Орка»)

ПОВОРОТ ЖИЗНИ
(Мнимый милый)

Так скрытый поворот дорог
крутых в ущельях «вдовой» —
названьем метким окрещают.
Они себе уже прощают
ошибок роковую грань,
которая обрывом обернется.
И милый больше не вернется
к тоскующей по милому зазнобе.
Когда от страха жуткого в утробе,
под ложечкой безвыходность сосет.
Невыносим он — брошенности гнет!

* * *

Ужас — это стук сердца в гробовой тишине.

* * *

То-то и оно — в жизни, как в кино:
только раскрутилась —
финалом закрутилась!

РЕЗОН БЫТЬ ВМЕСТЕ

Для тех, кто молод,
не нужен повод
в желании пару обрести,
семьею чтобы обрести.
Скорее нужен поводок,
чтобы сдержаться им помог!
С годами же, для зрелых,
чрезмерно жизнью спелых,
резон весомый нужен
найти того, кто дружен.
Согласен жить вдвоем,
чтоб счастье взять взаем.
С гарантией возврата.
Ведь надлежит когда-то
все взятое вернуть.
Рукою непослушной
в дерюгу завернуть.

БРАЧНЫЙ КЛИЕНТ

Для глаз отвода
клейма развода
решить избежать —
кольцом наряжать
безымянность пальца.
Под жирностью смальца,
чтоб легче скользило.
Но фальшью сквозило
супружество блефа.
Так кольцами эфа,
свернувшись, лежит,
до поры безразличный делая вид.
Улучив чтоб сподручный момент,
укушен был ею смертельно клиент!

* * *

С ее уходом из дома для него прорисовалось
во всяком случае одно преимущество: теперь
крышка унитаза, кроме особой на то нужды,
всегда будет закрыта!

ХЛОПОТЫ БОНВИВАНА

Чтоб стояли поклонницы в ряд,
искрящийся нужен взгляд.
Нужна облику свежесть, как норма —
фигуре стройная форма.
Нужна в макияже точность,
когда под глазами отечность.
Нужен умелый прикрас,
когда уже был он — последний раз...

* * *

Предъявлять претензии лелеянному вчерашнему, не оправдавшему надежды стать желанным завтра, это как пинать свежий труп любимого человека, рыдая в истерике с криком: «Как ты мог меня оставить?!»

* * *

Любовь — это почти удачная контратака жизни перед смертью.

* * *

Любить — как это опасно!..

Любовь делает тебя исполином, — как можно после принять жизнь лилипута, пусть даже выдержав сокрушительно-разрушающую потерю любви?

Поэтому, достигнув исполинских высот за счет любовного озарения и вдруг (или ожидаемо) лишившись любви, остаешься прокаженным Големом — тем ослепленным циклопом, кто при исполинской же силе, но без окрыляющей благодати божественного чувства становится впоследствии зловещим воплощением невыносимости жизни.

* * *

Всякий раз, когда роковую встречу с судьбой относишь к ничего не значащим случайностям, заново — до безликой стертости — перелицовываешь свое будущее.

* * *

Минуя каждого встречного незнакомца, успеваешь огорчаться потере. Потере обогащения друг другом. ...А как насчет незнакомки?

* * *

Всегда надеждою томит
нас будущего даль,
где незнакомка оглянется,
пронзит до дрожи — «фам фаталь»!

* * *

Думаешь иначе?
Поделись тем паче!

Когда пеняют на злобность любви, пугая неофиток возможностью влюбиться в козла, вряд ли имеют в виду козла отпущения.

А ведь порой барышни ищут именно такого козла! Но зла любовь, шибко зла!

* * *

Почему, не захотев выйти за лю́бого,
барышни часто выходят за любóго?

* * *

Женщина, подчеркнуто демонстрирующая эмансипе, поневоле попутно окутывает себя впечатлением отталкивающего, заносчивого и самонадеянного лесбийства.

* * *

Затяжной, как прыжок с парашютом,
наш с тобою курортный роман.
Где бархат межсезонья возрастного
еще хранит подстывшее тепло,
но к вечеру уж зябко от прохлады.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Жизненные тяготы превратностей судьбы
легче переносятся, не только когда приходит
ясность понимаемой видимости просвета ожи-
даемых перемен, но и когда есть столь же ясное
осознание того, что от твоего участия, под-
держки зависят другие люди, не менее нуж-
дающиеся в подобных переменах.

МЕЖЕВОЙ КАМЕНЬ

Как уязвимы хрупкостью мгновения,
где возраст — камень преткновения —
клинком в постели спящих разделяет.
И даже если страсть их раздевает,
то спотыкаются они о ту преграду,
которая желанную награду
публично в унижение превращает.
Зависимость от тех,
кто снисходительно прощает
влюбленных встречу
из различных поколений.
Столь очевидных разума затмений
в презревших здравость головах,
где сила чувства победила страх.

НОЧНОЙ ВСПЛЕСК

Одиночеством холодная постель,
как скупая на сочность пастель,
простыни холстом пустым пугает.
Словно бабка внучека ругает
за кувшин разлитый молока.
В сметану ночью взбитый с потолка
и маслом стопленный к утру,
я влажность губ рукой утру.
Парную.
Я этой влажностью волную
свои глубины естества.
Мне хватит духа мастерства,
чтоб усмирить полет волнения.
Чтоб на холсте произведение
виденьем милой замерло,
вдруг всплеснувшимся мерло.

В ШВЕЙНОМ ЦЕХУ ЛЮБВИ ИЛИ ШВЕЙНАЯ МАШИНКА ЧУВСТВ

(Да, уже не 17!)

На позднем выданье стою,
среди прокаженных, как в строю!

Об этом можно долго говорить —
обсуждать, доказывать и спорить.
Что любовь, как чувств невидимую нить,
можно замедлять, а можно и ускорить.
Расплетать клубок и, бережно сшивая
клубья судеб долею одной,
наметать, друг в друге изживая,
холод одиночеств и излишеств зной.
Измотать клубок и за ночь можно,
в галопе рвась за финиша черту.
Только как к утру тогда возможно
паре любящей образовать чету?

* * *

Когда недуг любви становится неизлечим,
именно тогда он ведет к бессмертию.

* * *

Когда лимит любви судьбой исчерпан
и, как всему живому, ей приходит срок,
тогда, как всех, себя считаешь смертным
и что ты сделал в жизни все, что смог.

* * *

Как змей змею
сказать смею!

Мы все умеем
быть мудрым змеем
и дев в азарте совращать
желаньем сжать
запретный плод в руках своих.
Не одному, а для двоих
познание сладость доставляет,
когда плод в весе прибавляет
и рвется ввысь, неукротим.
И шепот слышится: интим...

ДВОЙНОЙ ШОВ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Takes two to tango.

Моя ты параллельная прямая.
Прямая словом, помыслом и статью.
Настолько близкая такая,
что не протиснуться меж нами даже платью.
Но не один мы света луч,
а параллельных две прямые.
Как две вершины горных круч,
одну строку вдвоем как шьющие портные.

* * *

Так волны
чуть слышный всплеск
дополняет солнца блеск
в заре тихого прибоя.
Выигранного с ночью боя.
Торжество рассвета —
жизни тождество.

КРАСКИ ЖИЗНИ

Легкость жизни,
как кисти мазка —
сказка.

Будто бы в лето
дыханьем одета
легко живет Виолетта.
Не рядом, а будто бы где-то,
отголоском от моря привета
легко живет Виолетта.
И мудрость доброго совета,
и теплоту от сердца света
легко вручает Виолетта.
Всех согреет и сама согрета
своею теплотою цвета.
Цветет в картинах ароматами букета —
художница-то Виолетта!

РАЗЛАД С РАЗЛУКОЙ

Поладить с разлукой —
ее ублажить.
С терпенья наукой
в согласие пожить.

Разве я забыть бы мог
теплый мрамор твоих щек?!
Влажных губ твоих усладу —
нет с разлукою мне сладу!

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ?

Любовь — по сути и облику: если тождество
«Бог есть Любовь» имеет обратную силу, то
окрылиться любовью — значит открыть в себе
Бога. Банально? Поди-ка, воплоти!

В каждой паре
второй — часть плана.
Как вновь, так и встари
живя без обмана,
всё ж виды имели
в корысти своей.
Даже когда не пили, не ели,
уступали до крошки всё половине — ей.
Выгодой теша свое благородство,
жертвенность духа превознося.
Раболепством скрывали
власти господство,
кусок снисхожденья преподнося.

Но как же для этого необходимо жить, жить. Жить правильно, утомляясь до изнеможения и заслуживая покой! Жить, жертвенно посвящая себя Любви безоговорочно и целиком — без остатка.

Единственную из надписей, которую стоило бы высекать на надгробной плите: «*Он любил и был любим*», надо либо писать, либо нет, если подобного у почившего при жизни не случилось.

Кричать в подушку, кому не знакомо?!
Гасить одышку в горле вставшего кома.

ЗАШТОПАННАЯ ВЕЧНОСТЬ

Вечность —
почтенная условность.

Э. Чоран

Краткие встречи украдкой,
не разгаданной, вечной загадкой.
Одной из трех — с рождением
и смертью наряду.

У совести одной лишь на виду
и сердца болью — оправданьем.
За каждым прожитым свиданьем
тень расставанья, как палач, стоит.
Где плаха ложа как зенит,
как полюс — центр мирозданья.
Невыполнимого задания —
себя друг в друге сохранить.
Струною сделать эту нить,
связующею что зовется.
Когда-нибудь ведь всем придется
той нити крепость оборвать.
И можно только сердцу врать
про прочность страстных отношений,
про благость правильных решений —

про жизни смысл.
Но в каждом мысли
червем сомненья гложет,
что вряд ли эта ложь поможет
проверку смертью пережить.
Чтоб нитью рваной вечность сшить.

ОЖИДАНИЕ МАГДАЛИНЫ ВО ВРАТАХ СКОРБНОГО ПУТИ

От первого вздоха
до вздоха последнего
только с Марией в сердце моем!
И если до судорог
будет мне плохо,
то сил мне прибавит
резерва заем.
Заем, безвозмездно
врученный в щедротах,
на благо с заветами
правильно жить.
Как путник, стою я
в открытых воротах
с нуждою в Марии —
на Путь чтоб ступить!

БЛАГОСТЬ СОЗИДАТЕЛЬНИЦЫ

И где-то скачет в диком табуне
Троянский конь.
И кто-то плачет обо мне
с мольбой — не тронь...

Разрушила Елена Трои,
Мария Трои создала!
Я с нею снова крепость строю —
сгребаю крохи со стола.
Чтоб этих крошек, как достатка,
хватило бы на провиант.
Чтобы из армии остатка,
построить Трои вариант!

* * *

Грустно сознавать, что жизнь — это прощание. Уходя от осознания этого, забываешь грустить, но суть жизни не меняется: жизнь есть прощание.

ДУШИ ДРЕМУЧАЯ ДЕЛЯНКА

Целину под распашку —
нательную рубашку
до пупа разорвать.
На балки разобрать
прогнивший крест распятия.
Хочу пройти опять я
с рожденья Скорбный Путь.
Жемчужинками ртуть
собрать вновь в ожерелье.
Соврать, что ожирел я
от постности харчей.
До костности ничей,
соврать что весь я чей-то.
Что заждалась ведь где-то
Мария, чтоб омыть.
Что с ней мне рядом быть,
когда Голгофа грянет.
Мария только глянет,
и я воскресну сразу.
И отраженьем глазу
слезой родной блесну.
И в мир плесну весну.
Прекрасную Весну!

СПАС РУКОТВОРНЫЙ

(Взгляд иконоборца)

Приторно и сально —
подано сусально.
В серебряном окладе,
в дорогом наряде.
В венце терновом —
старый на новом.
Лик взглядом сник.
Видно, что черно —
на иконе вычурно.

* * *

Величие в обличии —
золота наличие.
Церковная обрядность —
поповская нарядность.
Где ж в храма посещении
благое к Духу причащение?!

* * *

Сколько надо икон,
отыграть чтобы кон?
Соблюсти чтоб закон,
когда немощи стон
опознанием — он! —
блеск вздымает погон.
И весенний уж гон,
словно сцены прогон,
из души сущность вон
под торжественный звон
отпущеньем грехов провожает.

* * *

За чужой крест схватившись,
от своего не отбояришься!

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ БОНЗ

(В пику мулле)

Европа и Азия —
для Бога оказия:
из по жизни каторжан
сделать кротких прихожан.
Одного поля ягоды —
церкви и пагоды!
Где ворон ворону
глаз не выклюет —
поделят поровну,
что завтра выплывет.
Только мечеть,
приход чтоб иметь,
неверных клеймит —
в раю гурий лимит!

* * *

И Стена Плача просьбы ждет —
проблемы все решить.
Она посылы Богу шлет —
всем помогает жить!

МАХА МАУНА

(«Забава сатанинская»)

Мауна и исихазма —
путь уйти от слов соблазна.

Хоть ма́уна, хоть исихазма —
вот дьявольский соблазн маразма!
Соблазн так смачно срифмовать
и после этим блефовать.
Как трудно удержать баланс,
от мауны впадая в транс!
Мауны лагуна —
словно дар фортуны.
Молчания дар, как золота
для наковальни молота.
Духовная прелесть —
в душу трансом лезть.

ДОРОГА НА ГОРУ ФАВОР

(Преображение)

Бога бы узреть
в полном обзоре
за жизнь бы успеть,
как на горе Фаворе.
Трясу рясу — пыль трясу.
Как обильную росу,
стряхиваю тлен дороги.
Я дошел, я на пороге.

* * *

Благоуханные, тем и чуть странные;
мироточивые — красноречиво велеречивые;
верно надменные — вечно нетленные.
Мощи святых.

* * *

Когда священность текстов
порченной бумагой обернется,
тогда, быть может, и найдется
решение жизненных проблем.
Вне слов — как будто глух и нем.

* * *

Когда потребность быть богом (не осознать себя как неотъемлемую часть Творца, а через погружение проявиться Абсолютом во всей его законченной полноте!) становится невыносимой, нуждающийся в вышеназванной ипостаси либо наконец открывает в себе Всевышнего, либо задыхается невыносимостью и удачно заманенным уловом попадает в объятия дьявола.

Спорить с богом, еще не значит быть им!

ИЗБРАННЫЙ БОЛЬЮ

Изливать душу проще перед незнакомцами. Их отсутствие в прошлой жизни вселяет надежду на неучастие и в будущем. Изливая кому-то душу, меньше всего ждут участия — уши, нужны только уши, чтобы сбросить в них свою боль. Если же в молитве изливать душу Незнакомцу, которого называют Бог, то здесь наоборот, — уши нужны меньше всего. Задача в том, чтобы тронуть Его сердце и познать благодатную отзывчивость через снятие боли.

Сняв боль, в корне изменить ситуацию — обрести благодать.

А еще изливают душу любимому человеку. Вот тогда просто необходимы и уши, чтобы принять боль, и сердце, чтобы отозваться! В любимом всегда живет до боли знакомая божественность.

* * *

Господи, убереги меня от молитвы с вопросом: «Почему я, Господи?!»

* * *

Какую драму (а в апогее — трагедию!) двух персонажей должны претерпевать регулярно кающиеся перед духовником!

ПРОСИТЬ ПОДАЯНЬЕ?! ЯВИТЬ ПОКАЯНЬЕ!

Где палка, наискось прибитая,
раздетым пугалом стоит...

Стоять на паперти... Почему сразу возникает образ ждущего милостыни, просящего подаяния? Отчего не стоящего на коленях или в полный рост, уронив голову на грудь в покаянии? Ведь паперть — внешний притвор — предназначена именно для кающихся, но не просящих!

СОБОРНОСТЬ ДУШИ

Душевный скит судьбой испит,
но тело теплится — не спит.

Стоит церквушка на отшибе.
Вся перекошена, стара.
В потрескавшемся стен обшиве
роями вьется мошкара.
По долу плесенная тина,
прогнивших досок череда.
С крестов свисает паутина
на скатов лысых черепа.
Придел алтарный — чуть посуше,
пыль грязи с пола сметена.
Огонь свечи уже не тушит
сырая мрака седина.
Дрожащей пламенем лучине,
пугливо скачущей во мгле,
сил придает с икон личина —
противовесом кутерьме.
И так же — напрочь отрешенно,
сутуло к книге наклонясь,
старик, по статусу законно,
бормочет буквенную вязь.

Вопрос сухого силуэта —
согбенность прожитых годов,
столь убедительным ответом,
что к вечности старик готов!

* * *

Насельник ли, насильник ли —
живу в монастыре.

Глухой звонарь хохочет в голос,
трепля об колокол язык.
Он не женатый, и не холост —
он венчан в этот самый миг!
Венчает служку колокоल्या,
ее разливов благодать.
Его ушам уже не больно,
и счастлив он — ни взять, ни дать!

* * *

*Ну вот и все, —
снова ветер судьбы
несет меня вдаль,
обрывая родные побеги...*

Логинов, Андрей Алексеевич

Л 69 Подвиньтесь, я к вам со стихами! / Стихи. — СПб.: «Симпозиум», 2020. — 464 с.

ISBN 978-5-89091-544-3

Андрей Логинов — мастер воинских искусств, основатель собственной школы кунфу, каскадер, писатель, поэт. Его произведения неоднократно издавались за рубежом на китайском и английском языках.

В книге «Подвиньтесь, я к вам со стихами!» собраны стихотворения, философские размышления и поэтические зарисовки, написанные в 2015–2020 годах.

Отв. редактор *Александр Кононов*

Художник *Владимир Егоров*

Верстка *Виктории Сайфутдиновой*

Корректор *Александр Райхчин*

Издательство «Симпозиум»

191186, Санкт-Петербург, ул. Думская, 1–3

Тел. +7 (812) 312–14–40, факс +7 (812) 580–82–17

e-mail: symposium@yandex.ru www.symposium.su

Подписано в печать 15.06.2020. Формат 70×100/32.

Тираж без объявл.

Отпечатано в соответствии

с предоставленным оригинал-макетом

в филиале «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел. +7 (495) 988-63-87, факс +7 (496) 726-54-10.

e-mail: marketing@chpk.ru

www.chpk.ru